

РЕНАТА РИД

ВЕДЪМИНА
ТРОПА

Рената Рид

Ведьмина тропа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68866350

SelfPub; 2023

Аннотация

После окончания школы Мирослава приезжает на лето к бабушке, в маленькую деревушку посреди тайги. По стечению обстоятельств она узнаёт, что любимая бабушка – самая настоящая ведьма, а вокруг начинают происходить странные вещи, которые напугали бы любого. Но наша героиня не робкого десятка, к тому же под защитой нового друга. Вместе не страшно встретиться и с домовым, и с лешим, и от слуг кикиморы убежать сподручнее. Другьям предстоит выяснить что же творится в деревне, почему за Мирославой охотится вся местная нечисть, за что бабушка просила прощения, и что скрывает соседский мальчишка Стёпка. Но для этого нужно пройти ведьминой тропой.

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	12
Глава 3.	23
Глава 4.	33
Глава 5.	42
Глава 6.	59
Глава 7.	75
Глава 8.	87
Глава 9.	101
Глава 10.	112
Глава 11.	123
Глава 12.	137
Глава 13.	144
Глава 14.	153
Глава 15.	162
Глава 16.	171
Глава 17.	180
Глава 18.	190
Глава 19.	199
Глава 20.	210
Глава 21.	224
Глава 22.	234
Глава 23.Послесловие.	241

Рената Рид

Ведьмина тропа

Глава 1.

Мирослава проснулась в тишине, которую нарушало лишь пение птиц. Она давно привыкла к неумолкаемому шуму большого города и потому каждый раз, приезжая в деревню, удивлялась тому, как же здесь тихо – как будто выключили все лишние звуки, оставив только голоса природы.

Девушка лениво потянулась, не вставая с постели, взяла с прикроватной тумбы смартфон, и проверила свои мессенджеры на наличие сообщений от друзей и родителей.

Посмотреть «тик-ток» или «инстаграм» не удалось из-за слабого сигнала сети – мобильный интернет здесь почти не работал. Сообщения с прикрепленными фото отправлялись кое-как, не говоря уже о просмотре видео.

Мирослава в который раз порадовалась собственной предусмотрительности – перед поездкой к бабушке она загрузила кучу фильмов на ноутбук, прихватила несколько книг, в том числе электронную читалку, где хранилась целая библиотека.

Вздыхнув, она вылезла из постели и отправилась умываться. Для этого пришлось выйти на улицу, пересечь двор, за-

росший петуньями, пионами и ромашками, пройти в маленькую баньку. Там стоял бочонок с колодезной водой, которую Мирослава зачерпнула ковшом и налила в старый ручкомойник.

После, пройдя на летнюю кухню – отдельная постройка между баней и домом – обнаружила на столе блюдо с пирожками, прикрытыми чистым полотенцем. Чайник тоже оказался горячим, а вот кофе почти не осталось. Бабушка его не употребляла вовсе и позабыла обновить запасы к приезду внучки.

Мирослава прихватила с собой пачку «Чибо», которая уже заканчивалась, и оставалось надеяться, что в единственном продуктовом магазине она сможет пополнить свой запас любимого напитка.

Хорошо, что сливки тут были не нужны – девушка забелила напиток свежим молоком.

Сама бабушка скотину не держала, но у соседей всегда можно было найти на продажу литр-другой коровьего или козьего молока. Хотя, чаще всего бабушка просто обменивала его на что-то – пряные травы с огорода, ягоды, или выпечку. А выпечка у Глафиры Петровны всегда выходила на славу – ни у кого в посёлке не было таких вкусных пирожков и булочек.

Хотя, «посёлок» – это не про Кикеевку. Деревня – в лучшем случае. Как ещё назвать населённый пункт, где нет больницы, только аптека и дежурный врач при ней же, всего один

продуктовый магазин, он же наполовину хозяйственный, а школа только для младших классов.

Дети постарше ездили учиться в Кербеевку – соседний посёлок, где были магазины, имелась библиотека, маленький дом культуры, небольшая больница и население около четырёх тысяч человек. В Кикеевке было всего около тысячи.

Сколько себя помнила, Мирослава почти каждое лето проводила здесь, в гостях у бабушки, поэтому Кикеевку она любила, так как та ассоциировалась у неё с детством.

Текущий год был единственным на памяти девушки, когда она могла бы провести лето в другом месте – на пляже у моря, загорая на шезлонге и попивая коктейли. В честь успешного окончания школы родители намеревались преподнести Мирославе такой подарок. Но она находилась в том возрасте, когда не перечить желаниям родителей почти невозможно, поэтому напрочь отказалась от такого отпуска.

На самом деле её почти весь год так и тянуло в Кикеевку – так хотелось побродить по родным улочкам, искупаться в речке, возможно, повидаться с подругами детства. Хотя последнее было маловероятно- все разъехались по городам.

Скоро поступать в институт и неизвестно – когда сможет она снова так беззаботно провести лето. Плюс ко всему бабушка вызывала подозрения. Не настойчиво и не явно, но она отговаривала внучку от поездки, ссылаясь на то что, чего мол с ней старой в тайге куковать, на море уж явно лучше для молодой девочки.

После таких разговоров Мирослава начала подозревать, что у бабушки не всё ладно. Может болеет, да не говорит, может – как водится у всех старушек – впала в депрессию и помирать собралась. Мирослава бабушку любила, поэтому выбор – как и где провести лето – для неё был очевиден.

Родители расстроились, но девушка уговорила их не отменять отпуск и отправляться без неё, а она прекрасно проведёт лето с бабушкой. Мирослава потратила не мало сил, чтобы доказать родителям, что вместо поездки на море она действительно предпочитает провести три месяца в какой-то Кикеевке.

Папа – сын Глафиры Петровны – был недоволен поступком матери, почему-то решив, что старушка специально вела такие разговоры, тем самым вынуждая родных волноваться, а внучку – бросить всё и приехать.

Но в итоге всё решилось мирно, без скандалов и все остались довольны, получив каждый своё, и решив на будущее советоваться всем семейством по любому вопросу, чтобы избегать подобных ситуаций.

Вот так и получилось, что вместо экзотических коктейлей сейчас Мирослава с удовольствием угощалась вкуснейшими бабушкиными пирожками с кофе.

Хотя девушка проснулась рано, но Глафиры Петровны дома уже не оказалось, чему она и не удивилась. Часто бывало, что бабушка куда-то уходила до рассвета. Обычно – в лес, за ягодами или травами. Мирослава всегда снисходительно

слушала бабушкины рассказы о целебных свойствах растений, но не воспринимала всерьёз – кто в наше время лечится травой, если есть множество эффективных лекарств?

Глафира Петровна же была увлечена темой знахарства, заговорами всяческими. Мирослава с детства привыкла к тому, что бабушка не начинала день без утренних шепотков, и если, например, случилось просыпать соль, то она обязательно бросала щепотку через левое плечо, а дома над дверью и окнами она нарисовала белой краской небольшие крестики – нечто, связанное с защитой от тёмных сил.

Девушка не воспринимала все эти вещи всерьёз – подумаешь, половина деревни увлекается подобной ерундой. Ей казалось, будто проживая на границе леса, вдали от цивилизации, невозможно не верить во что-то мистическое, в силы природы. Сама обстановка располагала, как и рассказы старушек – то кто-то чёрта повстречал, то соседку видел летящей верхом на метле, а у кого-то домовый вдруг начал озорничать.

Кстати, в Кикеевке практически все оставляли угощение для домового – это Мирослава точно знала ещё с тех времён, когда они с подругой Наташей любили обсуждать подобные темы, будоражащие детскую фантазию. Наташина бабушка собирала сплетни, в том числе мистического характера, а Наташа любила подслушивать, чтобы потом рассказать подруге – кто в деревне ведьма, а у кого во дворе нечисть завелась.

Наташа уже давно переехала в другую часть страны, и те-

перь они практически не общались. Мирослава старалась не заикливаться и не думать о тех днях, которые они проводили вместе, но в глубине души всё же тосковала по подруге детства. Хотелось бы ей сейчас погулять по любимым местам вместе с ней, поболтать.

Друзей в Кикеевке у Мирославы в принципе и не осталось – все разъехались. Иногда летом на неделю-другую приезжали сюда двойняшки Настя и Олеся, у них тоже бабушка осталась в Кикеевке. Сами они жили теперь в Браженске – всего в нескольких кварталах от Мирославы, но, тем не менее, они почти не общались, несмотря на то, что близко дружили в детстве. Ещё одна подруга – Лера – и вовсе уехала куда-то на север с родителями.

С мальчишками из тех, с которыми вместе играли в прятки и строили плоты для спуска по реке Пересмешке, она и вовсе потеряла связь ещё в старших классах. А так как большинство молодых семей спешили бежать из глубинки в большие города, то постепенно и они все разъехались.

Хотя один остался – Глеб. Мирослава даже поморщилась, стоило вспомнить про давнего поклонника. По началу, в глубоком детстве, они с Глебом дружили, а после был период, когда парень часто захаживал в гости, стоило Мирославе приехать в Кикеевку. К этому времени Глеб очень изменился – поменялись интересы и характер. Тем не менее, он оказывал девушке недвусмысленные знаки внимания – дарил цветы, конфеты.

Но, во-первых, Мирослава всегда отличалась серьёзным характером и в таком возрасте о свиданиях ещё не думала. Нет, думала, конечно, но в таких думах к ней обычно приезжали принцы, да рыцари на белых конях.

Во-вторых, Глеб всегда в глубине души был ей неприятен. Не смогла бы никогда Мирослава встречаться с парнем, который мог позволить себе мучить животных – сколько раз она выпутывала собак и кошек из его силков, расставленных забавы ради. Было и ещё нечто неуловимое, но отталкивающее в его характере.

Это нечто проявилось в прошлом году – видимо, обиженный нежеланием Мирославы называться его девушкой, он при встрече старался всячески её уязвить и оскорбить, уже даже и не вспоминая о своих якобы чувствах. А если выпадала такая возможность, то демонстративно обнимал и мусолил Дашу, с которой начал встречаться сразу после отказа Мирославы. Как будто она должна была ревновать, глядя на эти показательные выступления.

В этот раз Мирослава пока ещё не сталкивалась с Глебом, чему была рада и в глубине души надеялась, что он тоже уехал куда-нибудь подальше, хотя знала, что навряд ли это произойдёт в ближайшее время.

Глеб был из тех, кто не двигается с места, потому что не видит смысла и цели в жизни – уж такой ориентир поставили ему родители, которым дела не было до того, где и с кем скитается их сын.

Со временем он обзаведётся здесь семьёй, если повезет, потом устроится на какую-нибудь работёнку здесь же, или в Кербеевке, и часть скромной зарплаты будет тратить на выпивку и между делом поколачивать свою жёнушку. В том, что он способен на рукоприкладство, Мирослава ничуть не сомневалась.

Глава 2.

День обещал быть жарким, но, несмотря на это, девушка накинула поверх футболки тонкий чёрный кардиган. Была у неё такая привычка – надевать рубашки или кардиганы даже летом, тогда ей казалось, будто она под защитой, укрыта от посторонних глаз.

Она понимала, что здесь можно и вовсе не заморачиваться по поводу одежды – кто будет смотреть на тебя по пути в деревенский магазин? Бабушки, да дедушки, кошки и соседские собаки?

Ещё любила Мирослава всяческие побрякушки – кольца, браслеты и кулоны, которые и носила в огромном количестве, они тоже создавали для неё иллюзию какой-то защиты, барьера между ней и людьми.

Одним из любимых украшений был подарок бабушки – деревянный круглый кулон с каким-то символом, значение которого Мирослава не знала или просто позабыла – этой вещице было уже много лет. Бабушка подарила его, когда Мирослава была ещё совсем маленькой, и просила внучку всегда носить этот подарок с собой.

Мирослава понимала, что символ на кулоне имеет какой-то защитный смысл, поэтому увлечённая такими вещами бабушка искренне верила в его действие и хотела таким образом уберечь внучку от житейских неприятностей.

По пути в магазин девушка сделала у себя в памяти пометку – спросить у бабушки о значении символа. В последнее время её и саму начинала потихоньку увлекать мистическая тематика, и поэтому было бы интересно послушать что-то от человека, искренне верящего в такие вещи. Жаль, бабушка не особо любила рассказывать нечто подобное, всегда отмахиваясь – мол, это всё старушечьи привычки и суеверия, и нечего девочке забивать себе голову ерундой.

Путь до магазина с незатейливым названием «Перекрёсток» был не близок – дом Глафиры Петровны находился на окраине деревни, от чего создавалось впечатление, будто бабушка живёт в самой глуши, на границе с лесом.

Грунтовая дорога – про асфальт в Кикеевке знали лишь понаслышке – в одном месте выводила прямо к реке Пересмешке. Мирослава спустилась к воде, скинув сандалии, потопталась по кромке воды, смочив ноги и, пожалев о том, что не захватила купальник, решила завтра же утром пойти купаться – было у неё здесь одно любимое местечко.

А сегодня некогда будет – бабушка ещё вчера намекнула на то, что весь день придётся работать. Скорее всего, она отправит Мирославу относить соседям пакеты, в которые девушка никогда и не заглядывала, и без того зная – там или травы, или выпечка. Она давно привыкла каждое лето выполнять подобные поручения, даже не задаваясь вопросом – получает ли бабушка за это деньги, обменивает или просто так раздаёт.

И раз уж речь была о работе, то совершенно точно они будут заниматься грядками в огороде, где росли овощи и много разных трав, которые выращивала, наверное, только Глафира Петровна.

У всех по огородам – петрушка, да укроп, а у них – заросли душицы, котовника, любистока, чабреца, девясила и ещё кучи других растений, заботливо рассажённых в определённом порядке. Одни любят солнце, другие – тень, третьи – растут только у воды, а некоторые не выносят соседство определённых трав. Глафира Петровна знала все эти тонкости, в том числе и как правильно собирать травы, делать из них настои и как сушить.

Но основную часть растений бабушка приносила из леса, куда отправлялась в определённые, ей одной известные, дни и часы. «Каждой траве своё время» – говорила Глафира каждый раз, когда внучка удивлялась выбранному времени для похода в лес. Вот такая знахарка была бабушка Мирославы.

Девушка оказалась права в своих предположениях – вернувшись из магазина, она получила несколько небольших кульков и пояснения от Глафиры Петровны кому из соседей какой пакет отнести.

Быстро справившись с поручением, Мирослава отправилась вместе с бабушкой на огородные работы, где они провели остаток дня с перерывом на обед.

Поежинали около восьми вечера, и так как день был солнечным и длинным, темнело поздно, то Мирослава решила, что всё же отправится искупаться сегодня – очень уж хотелось освежиться в реке после жары и работы в огороде.

Накинув тонкое платье поверх купальника и рубашку, она сообщила бабушке о своём намерении и уже выходила за калитку, когда Глафира Петровна крикнула с крыльца:

– Славушка, ты на карьер не вздумай идти!

– Я знаю, бабуль!– Ответила девушка, удивившись про себя тому, насколько у бабушки развито чутьё на подобные вещи. Ведь она и правда подумала пойти купаться на карьер, потому что до Пересмешки путь был не близкий, а она устала, к тому же, скоро стемнеет.

Под пристальным взглядом Глафиры Петровны, она пошла в сторону реки, но за поворотом свернула в узкий, заросший бурьяном, проулок между огородами, вышла на соседнюю улицу и направилась в обратную сторону – к карьере.

С детства она наслушалась баек про это место, но как обычно, не принимала их всерьёз, так как ни разу не видела своими глазами ни одного подтверждения этим рассказам.

А рассказывали о том, что когда-то давно на этом карьере утонула девушка, найти её так и не смогли. Спустя несколько лет она стала по ночам появляться на берегу, или купающейся в камышовой заводи. То есть, стала русалкой. С тех

пор вроде как на карьере не положено купаться, боялись, что русалка на дно утащит.

Мирослава же объясняла это тем, что на озере просто не было подходящего места для купания – берег в основном крутой, обрывистый, кроме одного места, где песок плавно уходил в воду, к камышам. А детям запрещали здесь купаться из-за большой глубины, вот и придумали страшилки. Тут разве что рыбакам хорошо могло быть, но и те почему-то редко приходили сюда, предпочитая рыбачить на Пересмешке.

Наверное, год-два назад Мирослава не пошла бы сюда в одиночку, но сейчас в ней часто подавал голос бунтарский дух, который, как известно, требует идти наперекор всему, в том числе и здравому смыслу. Поэтому, вспомнив по пути рассказ о русалке, девушка лишь скептически усмехнулась.

Солнце еще не скрылось за лесом, когда Мирослава вышла к озеру, остановилась, оглядывая берег. Стояла тишина, нарушаемая лишь пением птиц, да шелестом листвы над головой. Вода зеркалом раскинулась перед незваной гостьей и словно манила к себе, соблазняя прохладой.

После Мирослава вспоминала, что на какую-то долю секунды тревожное чувство всё же кольнуло в глубине души, но она его проигнорировала, скидывая платье и ступая в воду.

Сначала она зашла в камыши, где вода достигала до талии, постояла, плеснула на грудь и плечи, привыкая, а затем уве-

ренно поплыла. Далеко от берега она, разумеется, не рискнула заплывать, но здесь уже был не страх перед бабкиными сказками, а неуверенность в собственных силах, несмотря на то, что в Браженске Мирослава посещала бассейн. Одно дело – плавать в бассейне, где ты видишь дно, а рядом находятся другие люди и инструктор. И совсем другие чувства испытываешь, оказавшись в тёмной озёрной воде, а до дна, возможно и не достать, даже если хорошо ныряешь.

Выбравшись на берег, девушка поняла, что ей не хочется уходить – так хорошо было здесь, у воды. И, передохнув, решила сделать ещё круг, несмотря на то, что уже наступали сумерки. Но ведь до дома близко, и она наверняка успеет вернуться до темноты.

Когда, сделав заплыв, она уже повернула к берегу, то вдруг вздрогнула от ощущения прикосновения к ноге чего-то склизкого и холодного. Она резко отдернула ногу и обернулась, вглядываясь в тёмную воду.

– Рыба, наверное... – шепнула, успокаивая саму себя, но стоило ей снова повернуть к берегу, как страх накрыл волной. Её нога за что-то зацепилась и Мирослава не сдержала громкого крика. Попыталась вырваться, но что-то крепко опутало её щиколотку.

Понимая, что её никто на самом деле не тянет на дно, а скорее всего она запуталась в водорослях или старой сети, Мирослава сначала попробовала свободной ногой коснуться дна. Если получится встать, то будет легче освободиться.

Попытка оказалась безуспешной, и тогда девушка попыталась дотянуться рукой до щиколотки и при этом удержаться на плаву. Вскрикнула снова, когда пальцы коснулись чего-то непонятного, и богатое воображение тут же нарисовало скользкое щупальце подводного чудовища или перепончатую руку той самой русалки.

Мирослава выругалась, что делала весьма редко в отличие от большинства сверстников, и попыталась сорвать непонятные оковы, с силой потянув ногу на себя. Всё тщетно.

А солнце между тем и вовсе пропало с горизонта – окружающий лес медленно погружался во мрак. Держась на воде, Мирослава похолодела, понимая, что искать её будут на Пересмешке. Разве что бабушка догадается о том, что внучка обманула её и отправилась на карьер.

– Отпусти, пожалуйста... – Тихо сказала она, чувствуя себя абсолютно глупо – не может быть такого, что её удерживает... нечто живое.

Она не понимала, сколько времени прошло, но вода начала остывать, пробирать холодом. Несколько раз девушка звала на помощь, но ответом ей было лишь эхо – здесь очень редко ходили люди.

Мирослава готова была расплакаться, когда вдруг на крутом берегу справа послышался шорох – кто-то явно приближался. Она не сдержала радостного возгласа, когда к озеру вышел и в недоумении замер парень. Наверное, принял её за ту самую русалку.

– Привет. – Смущенно буркнул он, засовывая руки в карманы и, наверняка тоже вспоминая все страшилки об этом месте.

– Ты... Умеешь плавать? – С надеждой спросила Мирослава, проигнорировав приветствие, и продолжая кружиться на одном месте с ощущением того, что невидимые тиски плотнее сжимают ногу.

Он молча кивнул и, кажется, начиная и без подсказок что-то понимать, принялся спускаться по крутой насыпи.

– Меня что-то удерживает, и я не могу... выбраться на берег! – Крикнула ему Мирослава, чувствуя себя глупее некуда, и в тоже время радуясь тому, что ей не придётся быть грустной частью истории про русалку.

Ей показалось, или, услышав её слова, парень вдруг заторопился, на ходу сбрасывая рубашку и кроссовки? Он хорошо держался на воде, и в считанные секунды оказался рядом.

Сделав глубокий вдох, нырнул, и она почувствовала, как его руки ощупывают ногу, пальцы пытаются разорвать путы, но все эти попытки оказались бесполезны. Он вынырнул на поверхность, провёл рукой по лицу, стирая капли воды, отдышался, на секунду встретившись взглядом с Мирославой и, не говоря ни слова, снова исчез под водой.

С часто бьющимся сердцем девушка ждала – что если у него ничего не получится? А если нужны инструменты, чтобы разрезать оковы, и ему придётся идти за ними, а она оста-

нется одна в темноте и в холодной воде? Как долго она еще сможет держаться наплаву?

Но вдруг нечто, опутавшее её ногу, исчезло, а парень вынырнул, и они поплыли к берегу. Мирослава тут же рухнула на песок, едва слышно шепнула "спасибо", и несколько раз судорожно втянула воздух в попытке сдержать слёзы облегчения, которые грозили политься в три ручья. Еще никогда она не была так близко к гибели.

Незнакомец невозмутимо стоял в сторонке, снимая мокрую футболку и надевая рубашку, и отжимая джинсы прямо на себе, затем закатал их до колена.

Немного успокоившись, Мирослава поднялась, накинула платье и обернулась к парню, повторив:

– Спасибо.

Он махнул рукой – как будто занимался спасением девочек каждый день.

– Нет, правда, – её голос предательски дрогнул, – я думала, что просижу здесь как минимум до утра. Слава богу, что ты оказался тут.

– Ты не продержалась бы до утра. Разве не знаешь, что здесь нельзя купаться с наступлением темноты? – Спросил он. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой.

– Знаю, но я не собиралась так... задерживаться. – Мирослава надела рубашку, разглядывая в сумерках своего спасителя. Примерно одного с ней возраста, он был выше почти на голову, темноволосый, спортивного телосложения. Девушка

пыталась понять – были они когда-то прежде знакомы или нет. Но не находила в лице знакомых черт.

– Ты не местная, наверное? – Вдруг спросил он, натягивая кроссовки. – Наши здесь и днём-то не купаются. Знаешь, какие слухи ходят об этом месте?

– Ты про утопленницу-русалку? Знаю, конечно, только не верю я в такие сказки.

– А кто тогда держал тебя там, под водой? – В его голосе проскользнула усмешка, глаза чуть прищурились.

– Не знаю, ты нырял, разве не видел, что это было?

– Не видел, вода мутная. – Ответил парень таким тоном, что Мирослава и не поняла – правду говорит или просто хочет её ещё больше напугать. Тем не менее, от его ответа у неё по спине поползли мурашки.

Он вдруг слегка улыбнулся, увидев новую волну страха в глазах девушки – достаточно с неё на сегодня, наверное, на полжизни вперёд натерпелась ужаса:

– Да шучу я. Сеть там была, старая, вся в тине, скользкая, еле снял. Как ты так умудрилась?

Мирослава с подозрением посмотрела на парня – что-то в его интонации насторожило, но лишь на секунду. Она отмахнулась от странного чувства, будто он на ходу придумал про сеть – ну не русалочью же руку он там снимал, в самом-то деле?

– Сама не понимаю. – Пожала плечами девушка. – Ты из-

вини, мне идти нужно, бабушка уже, наверное, тревогу подняла. Спасибо тебе еще раз.

– Тебе куда?

– На Зелёную.

– Ты там живешь?– С сомнением спросил парень.

– Да, а что?

– Просто и я на этой улице живу, а тебя ни разу не встречал. Меня, кстати, Саша зовут.

– Мирослава. – Представилась девушка. – Я к бабушке в гости каждое лето приезжаю. Но тебя тоже не помню.

Они вместе направились к дороге, отмахиваясь от начинавших одолевать комаров.

– А кто твоя бабушка?

– Тюрина Глафира Петровна.

– Тогда и вовсе странно, что мы не знакомы, ведь Глафира Петровна – подруга моей бабушки.

– Быкова Надежда Ивановна – твоя бабушка? – Удивилась Мирослава, потому что настоящая подруга у Глафиры Петровны была одна, да и жила она не далеко, всего через несколько домов. Как же вышло так, что при этом внуки не знакомы?

Глава 3.

– Сашка-то? – Переспросила Глафира Петровна, будто сразу не расслышала или не поняла вопроса внучки. – Так он не жил здесь до позапрошлого года. Он с родителями в Гусарино был, а как они развелись, так сюда и переехал.

– Он один с бабой Надей живёт? А как же родители его одного отпустили? – Удивилась Мирослава, ведь обычно при разводах дети оставались с кем-то из родителей.

Глафира Петровна сделала очередной глоток чая, поглядывая на внуку поверх чашки и явно подозревая, что та рассказала не всю правду о знакомстве с внуком соседки. Уж больно вид у неё ошалелый был, когда вернулась домой затемно в компании Сашки Быкова. Как пить дать – что-то приключилось неладное, а не просто встретились на пляже у реки. Можно подумать она не заметила, что у парня вся одежда мокрая была. Но расспрашивать не стала – так рада была, что внучка вернулась домой, ведь уже стемнело, и старушка собиралась звать на помощь Надьку и отправляться на поиски Мирославы.

– Отец Сашкин пару лет назад ушёл к другой бабе, уехал далеко. – Как бы нехотя начала рассказывать бабушка. – А мать всё своё горе и боль на сыне вымещала, винила его в своей теперь одинокой жизни. Будто мешал он ей нового хахаля себе найти. Ну а Сашка что, он уже парень взрослый.

Надька ему предложила в Кикеевку переехать, пожить хотя бы до поступления в институт, а он и согласился. Тем более, что с бабкой у него всегда отношения хорошие были. Любит она внука. Да он и сам парень не плохой.

Мирослава задумчиво слушала, вспоминая нового знакомого, показавшегося ей человеком серьёзным и надёжным. То ли это от того было, что он её спас, то ли просто почувствовала его суть.

Ведь иногда так бывает – будто под маску, которую каждый из нас носит, заглянул – человека ещё толком не знаешь, а уже ощущаешь его характер, который сразу же или располагает к себе или отталкивает, несмотря ни на какие внешние манеры. Стало жаль его – наверно, тяжело парню без семьи и без отца.

– Как можно бросить собственного ребёнка? – Тихо спросила она.

– В жизни всякое бывает. – Пожала плечами Глафира Петровна и принялась убирать со стола. – Давай-ка спать, что-то мы сегодня засиделись с тобой, с гулянками твоими.

– И никакие не гулянки... – пробормотала Мирослава. – Сейчас лягу, пойду только в баню, умоюсь...

– Я тебе на счёт бани уже не один раз говорила. – Бабушка строго глянула на внуку. – Надо умыться – вот ковш, таз и вода. Умывайся, а в баню среди ночи нечего шастать без надобности.

– Ну ба-аб... – девушка закатила глаза. – Это же все глу-

пости и предрассудки, сама говорила.

– Может и глупости, но глупостям тем уже не одна сотня лет, а значит прислушиваться нужно. – Старушка поучительно подняла вверх указательный палец и прищурила подслеповатые глаза. – Вон, Машка с соседней улицы, пошла давеча ночью в баню, и что думаешь? Ошпарилась! Банник ей вместо теплой воды, что она приготовила для умывания, кипяток крутой подсунул. До сих пор шрамы лечит.

– Ага. Это она спьяну, твоя Машка-алкашка. – Буркнула Мирослава, зная о какой Машке речь и даже не удивилась такой истории. В пьяном-то состоянии хорошо, что только ошпарилась, а то и угореть могла и захлебнуться, всё что угодно.

– Ну так, – бабушка и бровью не повела. – Банник он же пьяных-то не любит. Вот и решил проучить, чтобы не совались к нему среди ночи в таком состоянии.

Девушка лишь покачала головой, не понимая – шутит бабушка или говорит всерьёз. Но в баню, тем не менее, не пошла, ограничившись ковшом и тазом, которые предложила Глафира Петровна.

Через несколько дней Мирослава всё же столкнулась с Глебом. По-глупому столкнулась – в дверях магазина. Всё потому, что шла, уткнувшись носом в смартфон – набирала сообщение городской подруге.

Едва вышла на улицу, так почти и врезалась в Глеба, кото-

рый в компании нескольких парней, незнакомых Мирославе, собирался зайти в магазин.

Душными летними вечерами «Перекресток» так и притягивал местную молодёжь – шли кто за соком, чипсами, сухариками или семечками, а кто – за пивом.

Вот, например, Глеб всегда приходил именно за пивом. При чём, ему удавалось получать пенный напиток совершенно бесплатно. Дело в том, что Глеб был совершеннолетним, старше большинства парней из своей компании – он собрал вокруг себя группу ребят помладше и считался авторитетом среди них. Вот те и шли к нему с просьбой купить пиво, а ему за это – процент. О процентах тоже договаривались – иногда брал деньгами, иногда – просто покупал себе выпивку за чужой счёт.

– Какие люди! – Как будто удивлённо воскликнул Глеб, увидев Мирославу. – Какими судьбам в наших краях?

Девушка отступила в сторону, оторвав взгляд от смартфона. От парня уже тянуло пивным перегаром, и она едва заметно сморщила нос.

– Привет. – Бросила она на ходу и попыталась обогнуть компанию, но Глеб шагнул наперерез, преграждая дорогу.

– Что это ты, городская, нос от нас воротишь что ли? Я вот хотел тебя позвать с нами пивка попить. Посидим, вспомним старые времена, а?

– Нет. – Качнула головой Мирослава и постаралась отвечать вежливым тоном, не рискуя нарываться на скандал. –

Ты же знаешь, меня бабушка ждёт. Продукты вот заказала. – Она показала пакет и снова попыталась шагнуть в сторону, на этот раз её не стали задерживать.

– Ну так давай в следующий раз, мы зайдем как-нибудь вечером?

Мирослава вдруг заметила приближавшуюся к ним Дашу – девушку Глеба, щёки её уже пылали, глаза горели гневом, издали оценивая ситуацию. Мирослава порадовалась, что взглядом нельзя убить, иначе бы Даша уже это сделала.

– Не думаю, что твоя подруга будет этому рада, Глеб. – Как можно мягче сказала Мирослава. – К тому же я не пью пиво.

Это была маленькая ложь, потому что иногда, в компании городских друзей, она выпивала, но в очень ограниченном количестве. Ответа ей не последовало, когда она спокойно пошла по дороге в сторону дома, не обращая внимания на гневные взгляды, которые бросала на неё Даша.

Она расслышала за спиной какой-то тихий скандал – Даша что-то шипела Глебу, затем громко послала его в известном направлении и ушла. Мирослава увидела её спину, как бы невзначай обернувшись – хотелось убедиться, что Глеб не увяжется сейчас следом.

Но вдруг её внимание привлекла фигура, как будто притаившаяся за магазином в тени раскидистой сирени. Это был парень – худощавый, в мешковатой одежде и шапке, из-под которой торчали длинные, до плеч, светлые волосы. Точный

возраст трудно было определить, так как паренёк выглядел очень болезненно – бледная кожа, острые скулы и глубокие тени под глазами.

Он молча наблюдал развернувшуюся перед ним сцену, при этом сам оставался вне зоны видимости. Вдруг он посмотрел на Мирославу, развернулся и не спеша ушёл, обогнув магазин с другой стороны – его явно не прельщала возможность встречи с компанией Глеба.

По пути домой Мирослава вдруг вспомнила, что раньше встречала странного паренька в шапке, и не один раз. Всегда он как-то мелком попадался на глаза, но почему-то она сразу же забывала о нём – до того он был неприметным. Конечно, не считая извечной шапки на голове – без неё Мирослава ни разу паренька не видела. Кажется, это – сын Филатовых, однажды она видела его сидящим на лавочке возле их дома.

Мирослава и думать забыла про этот случай возле магазина, но на следующий день, когда она разносила несколько пакетов соседям, ей навстречу выскочила Даша. Мирослава удивилась – неужели девушка её поджидала или выслеживала?

Она приблизилась, преграждая дорогу, презрительным взглядом окинув Мирославу с ног до головы, гневно сверкая густо накрашенными глазами.

– Привет? – Мирослава в недоумении остановилась, не особо понимая, чего хочет от неё эта девчонка с ростом, что называется «метр в прыжке» и вызывающим макияжем не

по возрасту.

Но та не поздоровалась, на одном дыхании выпалила:

– Чтобы я тебя возле Глеба больше не видела, поняла?

Мирослава сначала оторопела от таких слов, но быстро поняла, что Даша жутко ревнует Глеба и попыталась её успокоить:

– Не переживай, не нужен мне никакой Глеб. Не думай лишнего.

– Я тебя предупредила. – Злобно бросила Даша, словно и не услышав слов Мирославы. – Знаю я таких как ты. Не крутись возле него, а не то сильно пожалеешь.

«Она сумасшедшая, что ли?» – Подумала Мирослава. Она тоже знала таких вот девчонок – была парочка в школе. Агрессивные, обиженные на жизнь каждая по своим причинам – не полная семья, пьющие родители, привыкшие избивать ребёнка, отсутствие внимания и воспитания.

И эти девчонки изливали свою злость на всех подряд, порой без видимого повода. Мирослава уже открыла рот, чтобы ответить, может даже отправить Дашу в известном направлении, но тут к ним подошёл Саша – она и не заметила, откуда он взялся. Парень кивнул Даше едва заметно, обратился к Мирославе, указывая на пакеты:

– Привет! Всё нормально? Тебе помочь?

Она сокрушённо покачала головой, глядя вслед удаляющейся Даше:

– Это ты зря сейчас. – Мирослава с досадой поджала губы.

– Почему?

– Теперь она точно закрепит за мной славу похитительницы сердец. Глеба увести пытаюсь, тебя вот, уже закадрила, раз пакеты мои несёшь. – Мирослава вздохнула и из вежливости отдала Саше пакеты, хотя они были не тяжёлые, и в двух словах рассказала случай с Глебом у магазина и предупреждение Даши.

– Ты с ними осторожней. – Хмуро предупредил Саша. Они уже подошли к первому из домов, в который Мирослава должна была передать пакет от бабушки.

– Неужели всё настолько серьёзно? По-моему, это просто детский сад какой-то. – Она постучала в калитку и вздрогнула от неожиданности, когда под самым забором громко залаяла собака.

– Ты не знаешь, какими злыми могут быть местные типа этого Глеба. Тут свои законы, а если точнее – их отсутствие.

– Это ты меня пугаешь?

– Ничуть.

Калитка отворилась и со двора вышла женщина средних лет, перекинулась с Мирославой несколькими фразами и взяла пакет, после чего девушка вернулась к Саше:

– То есть, считаешь, кто-то из них может сделать нечто плохое?

– Поджог, кража – это то, что запросто может случиться с людьми, неугодными этой компании.

– Такие дела – уголовно наказуемы. – Пожала плечами

Мирослава.

– У нас даже участкового нет. – Усмехнулся Саша. – А городским ты ничего не докажешь, им до этого дела нет. Осторожнее, в общем.

Ей показалось, что он хотел ещё что-то сказать, но, подумав, лишь едва заметно покачал головой.

Когда они проходили мимо дома Филатовых, то Мирослава вспомнила мальчика в шапке и поневоле начала всматриваться во двор поверх невысокого забора – вдруг он будет там? Затем спросила:

– Ты не знаешь, паренёк, бледный такой, в шапке всегда – он ведь сын Филатовых?

– Да, его Стёпкой зовут. А почему спрашиваешь?

– Просто видела его вчера, да и до этого несколько раз. Удивилась, что он в такую жару в шапке ходит. – Пожала плечами Мирослава.

Саша помолчал минуту, словно раздумывая над чем-то, потом начал рассказывать:

– Говорят у него какое-то редкое заболевание, ему вредит солнечный свет или что-то вроде этого. Он из-за этого и в школу не ходит. Начальные классы только закончил здесь, а теперь на домашнем обучении. Да и странный он, всегда в себе. На внешний мир почти не реагирует, поэтому с ним мало кто общается... Точнее – никто не общается. Вот он и скитается по деревне то там, то сям.

– У него родители, кажется, здесь, в школе работают? –

Мирослава вспомнила какой болезненный вид был у Стёпки, и пожалела паренька.

– Да, Андрей Павлович – учитель математики и директор, а Ирина Афанасьевна литературу преподает.

Они дошли до перекрёстка как раз напротив Пересмешки, минуту постояли, глядя на реку, затем Саша как будто нехотя вернул Мирославе оставшиеся пакеты:

– Извини, но мне сейчас нужно к автобусу, бабушку встретить, она ездила в Кербеевку по делам.

– Да, конечно. Спасибо что помог. – Улыбнулась девушка. – Я сейчас разнесу остатки и домой...

– «Ведьмина служба доставки» должна работать исправно. – Усмехнулся по-доброму Саша, и, заметив недоумевающий взгляд девушки, добавил. – Да это мульт есть с таким названием, аниме.

– Я знаю, но так поняла, ты намекаешь, что у меня бабушка – ведьма? – Грозно нахмурилась Мирослава, сдерживая улыбку.

– Ну... я часто слышу их разговоры с моей бабушкой. Травы там всякие, пирожки заговорённые... – Он вдруг смутился, пожал плечами: – Да шучу я, шучу. Ну, мне пора.

– Пока. – Задумчиво сказала Мирослава, глядя вслед парню. Интересно, про заговорённые пирожки это он пошутил или серьёзно?

Глава 4.

Размеренно отстукивал секунды старенький бабушкин будильник. Ветер за окном шелестел листьями, а сливовая ветка легонько, но упорно постукивала по стеклу. Лунный свет лился на дощатый пол, рисуя тенями причудливые силуэты.

На одном из таких силуэтов вновь и вновь задерживала взгляд Мирослава. Напрягая глаза, она никак не могла разобрать – что же за предмет может давать тень такой формы? Она пыталась вспомнить, представляя комнату при дневном свете – что стоит там, в углу?

Девушка снова и снова обегала взглядом помещение и предметы, укрытые ночным сумраком, и опять возвращалась к той самой тени, которая вдруг шевельнулась. Или ей показалось?

Нет, не показалось – по телу поползли холодные мурашки, и Мирослава потихоньку натянула одеяло до самого подбородка. Тень пошевелилась вновь, а затем в верхней её части появились и мигнули два жёлтых огонька.

Девушка хотела позвать бабушку, которая спала в соседней комнате, но голос ей не повиновался, и она лишь тоненько пискнула, наблюдая за тем, как снова мигнули желтые огоньки, а затем тень начала приближаться.

Мирослава лежала, затаив дыхание и зажмурив глаза, не

зная, чего ожидать и не понимая, что происходит, когда вдруг нечто легонько коснулось её щеки. Будто ночной мотылёк бархатными крыльями задел.

Мирослава оцепенела от ужаса, её била мелкая дрожь. Она знала, что стоит приоткрыть веки, и совсем рядом будут те два жёлтых огонька – глаза неведомого ей существа.

Снова прикосновение. На этот раз настойчивее. И вдруг откуда-то из глубин памяти всплыли их с Наташей разговоры о домовом. Сама себе не веря, Мирослава с трудом разлепила пересохшие губы и прошептала вернувшимся вдруг голосом: «К добру... или к худу?».

Прикосновения больше не было, но спустя несколько секунд над самым ухом раздался шёпот – словно прошелестела осенняя листва, гонимая ветром – пробил до дрожи: «К худу... к худу...»

Мирослава с криком проснулась, откидывая одеяло. Пижама стала влажной от пота, хотя ночь выдалась совсем не душной. Она, не глядя, нащупала выключатель светильника, быстро осмотрела комнату в его не ярком свете. Тяжело дыша, нажала кнопку на смартфоне, посмотрела на время: 3:00. В ушах всё ещё стоял этот страшный шёпот «К худу...».

Девушка долго сидела на кровати, поджав ноги и постоянно осматривая комнату – неужели всё приснилось? Бывают ли настолько реальные сны? Под утро её всё же сморил сон – она уснула, прижавшись спиной к стене, натянув одеяло до носа и подобрав под себя ноги. Лампа продолжала освещать

комнату.

За завтраком Глафира Петровна сразу же заметила не выспавшийся вид внучки и её хмурое настроение. Расспрашивать она не любила, но в этот раз и не пришлось – Мирослава сама вдруг спросила:

– Баб, а домовые и правда существуют, скажи честно?

Старушка внимательно взглянула на девушку и спросила:

– Приходил?

Внучка покачала головой, пожала плечами и, прошептав «не знаю», рассказала свой сон – всё до мельчайших подробностей. Глафира Петровна помолчала:

– Что ж, значит случится у тебя в жизни нечто не совсем хорошее.

– Насколько не хорошее?

– Никто не может знать. Он тебя предупредил. Но врать не буду – по мелочам Домовеюшко не стал бы беспокоить.

– Ты в это веришь, баб? – Мирослава как-то обречённо вздохнула, допивая кофе, который в этот раз не бодрил.

Глафира Петровна долго раздумывала, и девушка уже решила, что бабушка не ответит на вопрос, когда услышала её тихий голос, в котором вдруг послышалась грусть:

– Я бы и рада не верить, Славушка. Да выбора нет.

На том разговор и закончили, и Мирослава ещё несколько дней провела в неясной тревоге и тоске – как будто что-то грызло изнутри, какое-то смутное предчувствие.

Но дни шли, ничего ужасного не происходило и странный сон начал понемногу забываться. Размышляя над ним, Мирослава решила, что это действительно был сон и ничего более. Просто он её сильно напугал. Тем не менее, она воспользовалась интернетом для поиска статей о домовых, а там, как следствие, и о другой нечисти.

Мобильная связь работала из ряда вон плохо, особенно на окраине. Поэтому иногда Мирослава специально отправлялась в центр деревни – поближе к сотовой вышке, где можно было спокойно пользоваться интернетом. Она проводила там несколько часов на одной из скамеечек в крохотном скверике, где по ночам собирались местные пьянчужки, поэтому часто вокруг всё было усеяно шелухой от семечек и бутылочными осколками.

В один из вечеров, уже собираясь возвращаться домой, Мирослава вдруг услышала голос Глеба и других парней – они над чем-то смеялись, судя по всему – недалеко от «Перекрёстка», который находился как раз за сквером. Девушка направилась в противоположную сторону, не желая сталкиваться с Глебом, когда вдруг среди глумливого смеха услышала надрывное «Нет!». Голос показался ей совсем детским, и поэтому Мирослава развернулась, и направилась в сторону магазина.

Уже издалека она смогла оценить обстановку – спиной к магазину стоял Стёпка. Он отступал назад, изо всех сил натягивая на голову шапку – обеими руками вцепился в неё в

то время, как Глеб пытался, пока что в шутку, сорвать эту шапку с головы парня.

Рядом стояли ещё двое друзей Глеба – как призрачные тени они постоянно следовали за ним – и подначивали того завершить шутку до конца, посмеиваясь над белобрысым мальчишкой.

Мирослава ускорила шаг и оказалась за спиной Глеба как раз в тот момент, когда он всё же достаточно крепко ухватился за макушку шапки и потянул вверх. Стёпка же изо всех сил тянул вниз, готовый расплакаться и выглядел при этом так, будто от этой шапки зависела его жизнь.

Мирослава, не раздумывая, перехватила руку Глеба за запястье и откинула в сторону, когда он от неожиданности разжал пальцы.

Девушка толкнула Стёпку себе за спину, удивившись, тому, что на самом деле паренёк оказался почти одного с ней роста, даже немного пониже, а ведь издали из-за излишней худобы он выглядел выше.

– Куда ты лезешь? – Сказал, словно плюнул, Глеб. – Захотелось погеройствовать?

– Как и тебе, я смотрю? – Мирослава скрестила руки на груди, чтобы скрыть дрожь. Как раз геройствовать она не умела, и сейчас её начинало трясти от страха, глядя на гнев в глазах подвыпившего Глеба, намного превосходившего её ростом, не говоря уже о комплекции.

Как назло, двери магазина были закрыты, и на них висела

табличка «учёт». Людей поблизости тоже не наблюдалось – только какая-то старушка ковыляла в стороне сквера, опираясь на палочку. На ходу выдумывая, Мирослава повернулась к Стёпке, не выпуская Глеба из поля зрения:

– Стёпа, пошли, тебя там родители ищут, в сквере сейчас встретила их. – Схватила опешившего парня за холодную руку и потянула за собой, уверенно огибая компанию парней, отчаянно ища глазами помощи, но улица оставалась пуста.

Она уже поверила в то, что сейчас они вот так просто уйдут от стычки, когда вдруг один из парней преградил ей путь, а на плечо опустилась тяжелая рука Глеба, словно пригвоздила к земле.

– Ты что о себе возомнила? – Он смотрел на девушку с каким-то странным, хищным выражением, от которого у нее, как говорится, кровь застыла в жилах. – Оставь уродца и проваливай, пока цела.

Щёки Мирославы вспыхнули, вспомнился вдруг недавний сон и снова голос в ушах: «К худу». Вот оно, значит, какое это худо.

Она почувствовала, как Стёпка пытается освободить руку из её хватки и услышала его едва различимый шёпот: «уходи». В тот момент она и поняла, что никуда не уйдёт, не оставит мальчишку на растерзание этой компании.

Глянула мельком в тусклые глаза Стёпки в обрамлении болезненных теней и ответила не громко, но твёрдо, нащупывая свободной рукой телефон в кармане кардигана и не

глядя, снимая блокировку, а затем – нажимая на кнопку быстрого вызова:

– Я тут пока что только одного уродца видела.

Сначала Глеб не понял, – не мудрено, в выпившем-то состоянии – а когда до него дошёл смысл сказанного, он побагровел и вдруг неожиданно ловко нырнул к ней в карман, выхватил гаджет из руки и нажал «отбой». Глянул на экран и рассмеялся, увидев, кому она собиралась звонить. Последней в списке исходящих была бабушка Мирославы:

– Серьёзным людям за помощью звонить собралась? – Он начал вдруг крутить телефон в руке, словно оценивая его стоимость. – Смотрите, пацаны, а то старая карга может и порчу навести! – Он поучительно поднял палец вверх, и как ни в чём не бывало, сунул телефон к себе в карман.

– Когда-то ты любил обедать у этой старой карги, не брезговал. – Сказала Мирослава, с презрением глядя на бывшего друга детства и ей было горько от того, что люди могут вот так меняться. – Отдай мне телефон, и мы уйдём.

Неожиданно Глеб сделал ложный выпад вперёд так, словно собирался ударить девушку по лицу, и она инстинктивно прикрыла голову рукой под общий смех компании.

– Мира! – Она удивилась этому неожиданному громкому оклику – никто из знакомых не использовал такое сокращение её имени, а вот голос она узнала. С противоположной стороны улицы к ним быстрым шагом приближался Саша Быков.

– Ты в порядке? – Он вклинился между ней и Глебом, сверля того взглядом. Мирослава кивнула, чувствуя, как легко вдруг сделалось внутри, как отпустил страх, стоило только увидеть друга.

– Телефон отдай. – Саша спокойно протянул руку и ждал. Мирослава со Стёпкой стояли за спиной Саши, и она не могла видеть его взгляда, но, видимо, было в нём нечто, заставившее грозного Глеба извлечь из кармана ее телефон.

Затем он примирительно поднял руки ладонями вверх и, пробормотав что-то на счет шутки, отступил назад. И это выглядело немного странно – ведь Саша и в росте уступал Глебу, да и стоял один против троих крепких парней, наверняка закалённых в уличных драках.

Саша безразлично отвернулся от компании и неожиданно крепко схватил Мирославу за плечо, отводя в сторону.

– Я просил тебя быть осторожнее с ними. – Процедил он сквозь зубы так, словно очень сильно злился.

– Нужно было бросить Стёпку? – Девушка всё ещё сжимала холодную бледную руку паренька.

– Прости. – Вдруг прошептал тот еле слышно, не понятно к кому из друзей обращаясь. – Это из-за меня... Я... автобус ждал, родители в город уехали... автобуса не было, и...

– Ты ни при чём. – Оборвала его Мирослава. – А тебе, Саша, спасибо, правда. И предупреждение я твоё помню, но так уж получилось. Ты снова спас меня.

– Ладно, не важно. – Только сейчас девушка заметила, что

друг очень сильно встревожен. – Я тебя везде искал, нужно скорее домой идти.

– Что случилось? – Снова прозвенел голос в голове: «к ху-ду» и ей показалось, что она почти предвидела ответ Саши:

– Твою бабушку в больницу повезли.

Девушка ахнула, прикрыв рот ладонью, ей сделалось вдруг холодно, будто посреди лета наступила лютая зима:

– Что с ней? – Прошептала она, стараясь подавить подка-тывающие слёзы. В голове стучала лишь одна мысль – пусть с бабушкой всё будет в порядке.

– Не знаю точно, приступ какой-то. Моя бабушка у вас как раз была, вызвала «скорую». Повезли в Кербеевку. Сейчас нужно звонить, узнавать, что там и как.

Они быстрым шагом направились в сторону дома, не замечая, что в стороне Глеб продолжает наблюдать за ними, буравя недобрым взглядом.

Глава 5.

Из Гусарино Мирослава возвращалась последним рейсом.

Как выяснилось, у Глафиры Петровны случился приступ аппендицита. В Кербеевке его тут же диагностировали, но в деревне не оказалось хирурга.

Мирослава удивилась тому, что в поселковой больнице практически не было специалистов кроме терапевта, педиатра, да стоматолога. И, потому, хочешь – не хочешь, а повезли бабушку в Гусарино.

Как сказал сегодня лечащий врач – хорошо, что аппендицит не лопнул, пока пациентку везли к ним в больницу. Успели вовремя удалить, но теперь Глафире Петровне нужен покой и медицинское наблюдение, дней десять-пятнадцать, пока швы не снимут.

Когда Мирослава приехала в больницу, бабушке уже давно сделали операцию, и она отдыхала, но едва увидев внучку, тут же попыталась взбодриться и даже сесть на больничной койке. Но девушка её остановила, сама села на краешек постели и осторожно обняла бабушку, едва сдерживая слёзы.

– Ты так напугала меня! – Наконец смогла сказать Мирослава без дрожи в голосе. – Когда я пришла домой, а тебя уже увезли... Прости, что меня не было дома в это время...

– Не нужно, Слава, винить себя. – Глафира Петровна улыбнулась и погладила внучку по плечу. – Ты-то чем помог-

ла бы? Тут уж ничего не сделаешь. Обошлось всё – и ладно.

Но Мирослава смогла успокоиться только после долгого разговора с бабушкой. Она рассказала о том, как её нашёл Сашка, который не смог дозвониться к ней на мобильник, потому что сотовую связь в Кикеевке стыдно называть связью.

О том, как она ночевала у бабы Нади, которая ни за что не отпустила её домой, а вместо этого отправила Сашку ночевать на летнюю кухню, а её накормила вкусными пирогами, хотя аппетита вчера совсем не было. О том, как они с ней звонили в больницу и не могли дозвониться, попали на хамоватую сотрудницу, но всё же узнали, в какую из городских больниц отвезли Глафиру Петровну.

Потом они вместе с бабушкой позвонили по скайпу родителям, которых ещё вчера Мирослава кое-как уговорила не бросать отпуск и не лететь сюда первым же рейсом. Сейчас уговоры пришлось повторять – на этот раз нужно было убедить родителей в том, что бабушка вне опасности, а Мирослава уже давно в состоянии сама о себе позаботиться и прожить в одиночестве десять дней.

Тем более рядом были такие хорошие соседи, как Быковы.

Баба Надя намеревалась отправить Сашку в город вместе с Мирославой в качестве сопровождения, но девушка отказалась – и без того было неудобно за то, что доставила соседям столько хлопот.

Глафира Петровна в свою очередь удивлялась, как же так

её прихватило – никогда у неё и намёка не было на какой-то там аппендицит. В конце разговора, взгляд её вдруг сделался тревожным, и она спросила у внучки:

– Слава, ты тот кулон, который я тебе дарила, всегда носишь?

Девушка удивилась такому вопросу, но, тем не менее, кивнула и выудила из-за ворота рубашки деревянный кругляш в обрамлении каменных бусин. На кругляше был выжжен какой-то символ.

Глафира Петровна легко коснулась пальцами медальона и удовлетворенно кивнула:

– Не снимай даже ночью. Никогда. Хорошо?

– Хорошо. Да я его и так почти всегда ношу, он мне нравится. Баб, а в чём дело? Что этот символ означает? Ты рассказывала мне в детстве, но я совсем не помню.

– Это знак одолень-травы. Он любые хвори и беды одолеет, сглаз и порчу отведёт и злых духов отвадит, не позволит им коснуться тебя. Я его сама делала, для тебя специально, заговорённый он. – Охотно начала рассказывать старушка, но затем речь её сделалась странной, сбивчивой и Мирослава перестала понимать, о чём говорит бабушка: – Ты прости меня, Славушка... Если бы не моя глупость давняя, то не случилось бы ничего. Но я тогда совсем девчонкой же была, не знала, не понимала на что иду и как может судьба обернуться. Только *они* ничего не прощают и не забывают, не посмотрят на твоё незнание. Ты главное оберег не снимай, а

там, глядишь, я помру, и само всё решится. Не снимай до тех пор, пока я жива!

– Ты что!?! – Воскликнула девушка, хватая бабушку за руку. – Прекрати чепуху нести! Помрёт она... К чему такие разговоры? Это ты всё от расстройства и страха, но сейчас же все позади. Операцию сделали, врач сказала, что дней десять полежишь, потом швы снимут, и домой поедешь. Я за тобой приеду, вместе поедем.

Глафира Петровна грустно покачала головой:

– Я не о том, Слава. Виновата я перед тобой, хотя сама долгие годы вины той не осознавала. Но рассказать ничего не могу – боюсь повлиять на твою судьбу. Ты сама всё узнаешь и поймешь, когда время придёт. И там уж видно будет. Сама решишь, как поступить. Об одном молюсь – чтобы выбор верный сделала, не обманулась.... А знаешь что? Поезжай домой? Родители, конечно, не вернулись ещё... Но ты хотя бы на эти десять дней поезжай, пока я тут отлёживаюсь?

– Ещё чего. Вдруг тебе что-то привезти нужно будет, или раньше выпишут. Не поеду я никуда. Я вот к тебе лучше снова приеду через пару дней. Хочешь, книжку привезу какую-нибудь? А то скучно будет тебе лежать без дела. – Отмахнулась Мирослава, расстроенная разговорами бабушки, потому что не понимала их, и теперь где-то в глубине души проснулся страх – а не сходит ли с ума Глафира Петровна?

Сейчас, сидя в полупустом междугороднем автобусе и глядя в окно на проплывающие мимо пейзажи, Мирослава

вспомнила, с какой силой бабушка сжала на прощание её руку и твёрдо сказала:

– Помни, не снимай оберег. Он тебе защиту мощную даёт. Авось и обойдётся всё, пока я тут, отлёживаюсь. И ты пока в лес лучше вовсе не ходи, ладно?

Мирослава пообещала, что не пойдёт, хотя не понимала, что такого в их лесу. Лес как лес, настоящий, с волками и медведями, только они далеко – в основном, за рекой и к людям редко выходят.

Насколько знала Мирослава из рассказов бабушки, только однажды, много лет назад в Кикеевку начали звери заходить, но тогда случилась очень снежная зима. Хищным животным стало трудно находить себе пропитание, вот они и пошли по деревням скот таскать. А помимо этого случая никогда она не слышала, чтобы кто-то из деревни леса боялся, если не считать, конечно, карьер.

Вспомнив ощущение чего-то холодного и склизкого на своей ноге, Мирослава поёжилась, но прогнала прочь все нехорошие мысли и продолжила чтение статей в интернете, пока он ещё был. Стоило заехать в Кербеевку, как связь уже начинала барахлить, а дома так и вовсе бывала через раз.

А читала она про символ одолень-травы, изображённый на её кулоне, пытаясь понять, почему боялась за неё бабушка, чего именно она боялась?

«Люди верили, что смертельно больного можно спасти, одев ему на шею оберег. Также амулет защищал от сглаза.

Изображая символ на посуде, люди считали, что он уберегал их от отравленной пищи. Рисунок одолень-травы, нанесённый на оружие, помогал выйти победителем из любого сражения. Так же символ обладает магической силой против демонических чар, хранит от любого зла».

Подобной информации в интернете было пруд пруди – неужели даже в наше время люди продолжали во всё это верить? Вспоминая взгляд и голос бабушки, Мирослава понимала, что та искренне и сильно верит в силу оберега.

Когда автобус остановился в Кербеевке, в салон зашла Филатова Ирина Афанасьевна и, приветливо кивнув Мирославе, села позади неё. Устроившись, нагнулась через спинку сиденья к девушке, и поинтересовалась здоровьем Глафиры Петровны – она узнала о случившемся вчера, когда Мирослава с Сашей проводили Стёпку до дома.

Как оказалось, родители его приехали на более раннем рейсе, но не встревожились, не обнаружив сына дома – привыкли к тому, что он в любое время тайком уходил и возвращался, когда ему самому хотелось.

Мирославу поразило такое отношение родителей к этому странному ребёнку и она, на волне эмоций, выложила всю историю возле магазина, не забыв бросить не самый вежливый укор, чем ввергла супругов в лёгкий ступор.

Ситуацию сгладил Сашка, тут же сообщив Филатовым о беде с Глафирой Петровной, так что родители Стёпки с пониманием отнеслись к состоянию девушки и даже предло-

жили помощь в случае, если ей что-то понадобится.

Уже смеркалось, когда Мирослава сошла в Кикеевке, а автобус развернулся и пустой уехал обратно – его работа на сегодня окончена.

Девушка зашла в магазин, купить кое-какие продукты, встретила там Дашу, но не удостоила её даже взглядом – не до того. По дороге подумала о том, чтобы зайти к бабе Наде и Сашке, рассказать, как прошла поездка и встреча с бабушкой, но передумала.

Не хотелось пока никаких разговоров, и Мирослава решила, что лучше попозже позвонит к ним на домашний телефон и так всё расскажет.

Она устала после дальней дороги, а на душе скребли кошки, она то и дело прокручивала в уме разговор с бабушкой и пыталась анализировать её тревогу. О чём бабушка не смела рассказать ей, за что просила прощения, в чём могла быть виновата перед внучкой?

Вчера Мирослава ночевала у соседей и не могла почувствовать того, как одиноко сделалось в доме без бабушки. Тревожные мысли не давали ей покоя, и она бродила из комнаты в комнату, а на глаза постоянно попадались вещи Глафиры Петровны, сиротливо лежавшие там, где их оставили. От этого делалось ещё больше не по себе, хотя Мирослава понимала, что ничего страшного не случилось – бабушка в порядке, просто нужно время прийти в себя и подлечиться.

Скоро она вернётся домой.

Вскоре опять позвонили родители. Разговаривая с ними, девушка подошла к небольшому отдельному столу на кухне – на нём обычно бабушка резала и сортировала травы, а также раскладывала их, уже высушенные по холщовым мешочкам.

На столе остались лежать ножницы, ступка с пестиком, деревянная разделочная доска. Мирослава неосознанно встала на то место, где обычно стояла бабушка, работая. С этой стороны в столе находились два выдвижных ящика, в которые Мирослава никогда прежде не заглядывала – пока была маленькой, рабочее место бабушки было под запретом, так как здесь могли лежать ножницы или нож. А когда подросла, то вмешиваться во все эти травяные дела стало не интересно.

Девушка, продолжая разговаривать, машинально выдвинула один из ящичков. Внутри оказалось много всякой всячины – мотки тонкой верёвки, запасные ножницы, какие-то корни, сушёные ягоды, ленты, несколько свечей, коробок спичек, какие-то камни и тетради.

Попрощавшись с мамой и папой, Мирослава нажала «отбой» и достала верхнюю тетрадь – с потрёпанной и потемневшей от времени обложкой, с разбухшими страницами.

Страницы оказались исписаны бабушкиной рукой. Всё связано с травами – названия, когда и где собирать, как сушить, рецепты разных настоев, смесей, чаёв. Мирослава улыбнулась, перелистывая старые страницы – она не знала,

что бабушка ведёт подобную тетрадь.

Спустя несколько минут она решила, что пора бы позвонить Быковым, а то потом будет совсем поздно, и положила тетрадь на место – поверх стопки других таких же. Но когда она уже стала закрывать ящик, её внимание привлекла самая нижняя тетрадь в стопке – она отличалась от других, это было заметно даже по одному торчащему уголку обложки.

По спине вдруг пробежали мурашки – у Мирославы появилось чувство, будто она вторгается в личное пространство другого человека. Но руки уже сами тянулись к тетради, извлекли её из-под стопки – толстую, с жёлтыми, хрустящими страницами, кожаной обложкой с выцарапанными символами, похожими на руны.

Почерк был не бабушкин – страницы покрывали округлые буквы, чернила местами слегка растеклись, но Мирослава в любом случае с трудом могла прочитать написанное, потому что почерк был очень непривычным, каким-то древним, устаревшим. Сейчас так не пишут, и твёрдый знак в конце некоторых слов не ставят.

На внутренней стороне обложки Мирослава обнаружила два имени. Поликарп Дмитриевич К. и Агафья Александровна К. Имена были написаны разными людьми – женское выведено более мелкими буквами.

Пролистав тетрадь, девушка увидела, что последние страницы заполнены той же рукой, которой написано женское имя.

Её взгляд зацепился на слово «обряд» на последней странице, и она прочитала несколько строк: «Обряд на сделку. Заключив с ним договор, силу получишь нашу. Поликарп не обманет – всё честь по чести будет. Для этого в ночь Ярилок, на третий час от полуночи, явись на перепутье тропок, что вдоль Плакуны. С собой нож медный возьми – им ты кровь пустишь, когда настанет момент клятву скреплять»

Мирослава вздрогнула, принялась быстро листать страницы. Написанное в этой тетради ей точно не нравилось: заговоры на порчу, сглаз, обряды для которых требовалась то кровь животных, то земля или гвозди с кладбища. Девушка не верила своим глазам – перед ней лежала самая настоящая колдовская книга. То, что было в ней написано, воспринималось как полная чушь, сказки и народные байки, но тем не менее заставило поёжиться от внезапного ощущения холода, пробежавшего по спине.

Сама Мирослава не верила ни в какое колдовство, порчу и прочие глупости. Но неужели настолько сильно верила в это всё её бабушка, раз хранила чью-то колдовскую тетрадь и совершала все эти ужасные вещи, описанные в ней? И что за человек понаписал всю эту гадость? Кто-то, кто искренне верил в это или просто был сумасшедшим?

Например, здесь часто упоминались сожжения кошек и других животных ради получения той или иной способности – найти клад, навести порчу, отбить жениха и так далее. Во многих обрядах предлагалось сделать некий «подклад»

недругу или тому, кого хочешь извести, то в виде черепа животного, то мертвой птицы, а то и поднести угощение, в составе которого находится чья-либо кровь.

Мирослава в отчаянии помотала головой – нет, не может быть её бабушка какой-то сумасшедшей, верившей во всё, описанное на этих старых страницах. Этому всему должно быть какое-то объяснение.

Она достала остальные тетради и принялась быстро читать, пропуская слова и строчки, но улавливая суть.

Все бабушкины записи хранили в себе описания свойств трав, камней, кореньев и рецепты целебных настоев. Но среди них ещё одна тетрадь оказалась исписана другой рукой – мелким тонким почерком. Имени владельца в этой тетради не нашлось, но её содержание также оказалось более позитивным – заговоры на защиту от злых сил, обереги от сглазов и наговоров, целебные рецепты.

Мирослава разложила их все на столе, и долгое время сидела, рассматривая. При одном взгляде на тетрадь в кожаном переплёте, у неё по спине пробежали мурашки – словно действительно от этого предмета веяло каким-то злым духом.

Ей хотелось немедленно снова сесть в автобус и поехать к бабушке, потребовать объяснений. Но ночных рейсов в Кикеевке не было.

– Ведьмина служба доставки... – Прошептала вдруг Мирослава, озарённая какой-то мыслью, и уже набирая номер телефона Быковых. Трубку взяла баба Надя и, услышав го-

лос Мирославы, радостно воскликнула:

– Славушка! Вернулась так поздно? Ну как там Глафира, в порядке?

– Да, всё хорошо. Операцию сделали, сейчас отдыхает, но домой её не раньше, чем дней через десять отпустят – так врач сказал. А Саша дома? – Мирославе сейчас очень сильно хотелось получить хоть какие-то ответы на свои вопросы, и она обрадовалась, когда баба Надя ответила, что Саша дома. Она на ходу придумала повод:

– А можно попросить, чтобы он пришёл, посмотрел замок на входной двери? С ним что-то случилось, я не могу его закрыть.

Мирослава услышала, как баба Надя громко позвала внука и пересказала просьбу, услышала его не громкое, но твёрдое «сейчас» и только после этого немного успокоилась и рассказала более подробно о поездке к бабушке.

Через пару минут в дверь постучали и Мирослава, сообщив бабе Наде о том, что Саша уже дошёл, положила трубку.

После того, как она впустила его в дом, предварительно открыв громко щёлкающий выдвижной замок, парень в недоумении посмотрел сначала на дверь, потом на Мирославу:

– Я так понимаю, дело не в замке. – Сказал Саша, вопросительно глядя сверху вниз на девушку.

– Помнишь, в тот день, когда ты помогал мне разносить бабушкины пакеты, то пошутил про ведьмину службу до-

ставки? – Выпала она на одном дыхании, понимая, что стоит задуматься на минуту, и она уже не спросит у него такую глупость.

– Ну, помню, и что? – Парень слегка нахмурился, пока не понимая, к чему ведёт девушка.

– Почему ты так сказал?

– Да просто неудачная шутка...

– Не, не, не, – Мирослава замотала головой, – Ты что-то знаешь, верно? Что говорят про мою бабушку в деревне? Ты когда-нибудь слышал её разговоры с твоей бабушкой о... колдовстве или чём-то подобном?

Саша изучающе наблюдал за встревоженной Мирославой, словно обдумывая – рассказывать ей или нет. Она вдруг направилась на кухню, махнув рукой в призыве следовать за ней.

Там она показала ему одну из тетрадей – одну из тех, в которых писала бабушка. Пробежав глазами по строчкам, Саша пожал плечами:

– И что? Рецепты всякие, названия... Бабушка старенькая, записывает чтобы не забыть. Сама же знаешь, что она в этом разбирается, лечит травами своими.

Мирослава схватила тетрадь в кожаной обложке:

– А как это объяснить? Я не знаю, что и думать. Верить во всё это я не верю, но выглядит всё очень странно. – Она открыла тетрадь и принялась показывать Саше определенные моменты из тех, которые успела прочитать. Девушка и сама

не понимала – чего хочет от него. То ли чтобы он дал ей хоть какие-то ответы, или просто разделил с ней недоумение от этой находки.

– Но здесь писала не твоя бабушка. – Саша указал на имена на обложке, предварительно с хмурым видом изучив всю тетрадь.

– Да, но что у неё делает эта страшная вещь? Выглядит как из фильма ужасов, правда? – Мирослава серьезно посмотрела на парня: – Пожалуйста, расскажи то что знаешь.

Он смущенно пожал плечами:

– Да разное люди болтают, только всех их слушать – не переслушаешь.

– Они говорят, что бабушка ведьма, да?

– Ну..и такое тоже. Но сама понимаешь ведь, что это глупости или в шутку. Ведь бабушка твоя вон как хорошо травы знает и умеет их применять. У нее полдеревни травяными чаями запасаются на всю зиму. А то что ведьмой называют – это дурость, от безделья. Ты не знаешь как тут скучно порой бывает – вот и чешут языками.

– А ты сам что думаешь?

Саша молчал, задумавшись, нахмурился и будто хотел что-то сказать, но передумал и вместо этого сообщил:

– Тебя моя бабушка приглашала утром позавтракать. Ещё просила передать, что если хочешь – можешь пока у нас пожить. Ну, если страшно тут одной.

Девушка бросила на него раздражённый взгляд:

– Мне не страшно, а ты не ответил. Что ты думаешь про мою бабушку и все эти разговоры о том, что она ведьма? Ты в принципе веришь в подобную чушь? – Она кивнула на кожаную тетрадь.

– Ну то, что у твоей бабушки запас нестандартных знаний – это факт. Что до всего остального... Понимаешь, иногда случаются такие вещи, что поневоле согласишься в то, во что, казалось бы, глупо верить.

Мирославе показалось, что в его голосе проскользнули печальные нотки и насторожилась:

– Ты о чём?

– Да обо всём! – Чуть более резко и с раздражением ответил вдруг Сашка, явно не желавший продолжать разговор. Но затем тон его смягчился, и он спросил: – Так что, пойдёшь к нам ночевать, пока Глафира Петровна в больнице?

– Не пойду! – Бросила Мирослава таким же резким тоном, каким он ответил ей секунду назад.

Саша развернулся, чтобы уйти и Мирослава, которая не любила ругаться и тем более не хотела этого делать с новым другом, сказала:

– Утром приду на чай, расскажу твоей бабушке подробно про больницу, она спрашивала.

– Хорошо. – Кивнул Саша и замер на пороге: – Дверь на ночь запри и звони если что.

– «Если что» – это что? – Не поняла Мирослава.

– Мало ли, всякое бывает и разные люди тут живут. Слухи

здесь за минуту разлетаются, и наверняка уже многие узнали о том, что ты одна дома осталась.

– И что? Полезут грабить?

Саша пожал плечами:

– Кто знает, тут всего можно ожидать.

– Ни разу не слышала ничего криминального про Кикеевку.

– Ты не местная. – Он тут же заметил её то ли обиженный, то ли возмущённый взгляд и поспешил добавить: – Нет, правда. Ты ведь тут бываешь только летом, а я живу тут постоянно... теперь. Знаю, о чём говорю. Так что – звони, если понадобится.

– На мобильный? – Почему-то вдруг спросила Мирослава и тут же смутилась, подумав о том, что это выглядело, как попытка узнать его личный номер телефона. Но Саша, слегка улыбнувшись, ответил:

– На домашний. У меня нет мобильного.

– Как так? Сейчас у всех есть... – Мирослава взялась за ручку двери, так как Саша уже переступил порог и теперь стоял на улице, окутанный вечерним полумраком. Он взглянул на неё, озарённую тёплым светом электрического фонаря, горевшего над дверью:

– Зачем он нужен, если некому звонить?

Мирослава хотела спросить про его маму, но, вспомнив рассказ бабушки о его распавшейся семье, вовремя прикусила язык и просто молча кивнула. Они попрощались, и де-

вушка закрыла дверь, заперев её на замок.

Глава 6.

На обещанный завтрак к Быковым Мирослава опоздала – уснуть ей удалось только под утро, несмотря на сильную усталость и потрёпанные нервы.

До двух часов ночи она читала обнаруженные колдовские тетради, а после, уже лёжа в постели, вспоминала недавний сон про домового и боялась закрыть глаза – вдруг её опять коснётся невидимая рука и голос прошелестит: «К худу».

Её взгляд то и дело возвращался в тот угол, где во сне стоял домовый. В итоге проснулась она позже, чем обычно. Пока закипал чайник, она умылась и переоделась, а когда, уже взбодрившись после прохладной воды, вернулась в дом, то обнаружила нечто странное.

Крохотные следы, чем-то похожие на кошачьи, тонкой ниточкой вели от печки до окна.

Мирослава в недоумении осмотрела эти отпечатки, которые либо не заметила спросонья, либо они появились за то время, пока она ходила умываться.

Первый след начинался у кирпичной дровяной печки – будто просто возник ниоткуда, или, как если бы тот, кто его оставил, выпрыгнул из поддувала.

Последний след находился на подоконнике того окна, которое смотрело на калитку и дорогу. На стекле Мирослава так же обнаружила небольшой чёрный отпечаток. Она про-

вела по нему пальцем и сделала вывод, что это сажа.

А вот сами следы она никак не могла определить – они не имели чёткой формы и лишь отдалённо напоминали кошачьи. Вот только кошки у них дома не было.

По спине девушки пробежал холодок, она внимательно осмотрела кухню, но больше ничего подозрительного не нашла. Немного успокоившись, сфотографировала следы на камеру смартфона, решив, что этому – как и тетрадам в столе у бабушки – должно найтись объяснение. Заварив кофе, она выпила чашку, и только после этого направилась к Быковым.

Сашка с бабушкой уже позавтракали, но Надежда Ивановна встретила девушку с радостью. Тут же поставила на огонь чайник, а на стол тарелку с блинами – видимо, её всё же ждали – и вазочку с вареньем.

Мирослава с бабой Надей сели пить чай, а Сашка отказался – взял вёдра и ушёл на колонку, качать воду для бани и дома.

После того, как девушка подробно рассказала Надежде Ивановне о своей поездке и о состоянии бабушки, та тоже успокоилась и порадовалась тому, что её старая подруга жива-здорова и скоро вернётся домой.

– А давно вы знакомы с моей бабушкой? – Спросила вдруг Мирослава, допивая чай.

– Да почти всю жизнь, кажется. – Улыбнулась баба Надя, убирая со стола. – Когда сюда переехала – замуж вышла –

вот тогда и познакомились. Лет по двадцать нам было.

– И вы тоже верите в колдовство?

Мирославе показалось, что пожилая женщина напряглась на секунду, а затем, улыбнувшись, ответила:

– Ну, колдовство, оно ведь понятие растяжимое. Если называть колдовством то, что твоя бабушка умеет травами лечить, здоровье поддерживать, тогда да, я верю в него.

– А в другое? То, которое тёмное? В наведение порчи, заговоры всякие? В домовых и прочую нечисть верите?

В этот момент домой зашёл Сашка, занёс вёдра с водой и остановился, услышав вопрос Мирославы. Они обменялись взглядами, и девушка вдруг рассказала ему и его бабушке про сон, который видела незадолго до того, как Глафира Петровна попала в больницу – не было больше сил держать в себе эту странную историю. После она показала фотографии со следами.

Баба Надя, только глянув на снимки, тут же пожала плечами, а Сашка долго рассматривал их и, наконец, сказал:

– Я таких не встречал, хотя в лесу понавиделся следов разных животных.

– Значит, это опять домовой приходил? – Спросила Мирослава, сама себе не веря. Как можно с полной серьёзностью спрашивать такие вещи? Сейчас баба Надя её на смех поднимет, а Сашка, наверное, и подавно.

Но, как ни странно, старушка села на стул напротив Мирославы и серьёзно сказала, глядя девушке в глаза:

– Верить во что-то или нет – это дело каждого, но отрицать то, что помимо нашего существует еще и другой, незримый нам мир – глупо.

– Баба, ты её сейчас совсем запугаешь. – Спокойно сказал Саша, возвращая Мирославе телефон.

– Пугать я не буду, но про сон этот и следы вот что скажу. Я думаю, что домовый тебя о чём-то предупредить хочет. Здесь у нас в деревне много кто верит в подобное, о разных вещах я слышана. Потому что нет-нет, да и подают нам знаки те, кого мы не видим, но кто постоянно находится рядом.

– Баааб... – Протянул Сашка, укоризненно глядя на бабушку. Но та лишь отмахнулась:

– Неведение хуже всего, сам должен знать. – Она снова посмотрела на Мирославу:– Домовый ваш не злобный, понапрасну пугать не стал бы.

– То есть, он реально существует? – Без усмешки, но скептически спросила Мирослава. – И бабушка моя – ведьма?

– Существует. – Серьёзно кивнула Надежда Ивановна, не уловив скептических ноток в голосе девушки. – На счёт остального – если Глафира ничего не рассказывала, значит, на это у неё свои причины имелись, так что и я попусту болтать не буду. Но плохо про бабушку свою не думай – хорошая она. Она много кому в этой деревне помогла в своё время, и сейчас продолжает помогать.

На последней фразе она почему-то задержала какой-то

тоскливый взгляд на внуке, и это не ускользнуло от внимания Мирославы. Быстро опомнившись, Надежда Ивановна продолжила:

– И вообще не вдавайся ты в эту тему, голову не забивай. Мирослава рассмеялась:

– То есть у меня по ночам домовой бродит, а Вы говорите голову не забивать?

– А ты у нас пока поживи. – Предложила Надежда Ивановна. – Сашка на летнюю кухню переедет, а тебе его комнату уступим.

–Нет, спасибо. – Смутилась девушка, бросив короткий взгляд на парня и тут же спросила: – А у вас что, нет домового?

–Наверное, есть, как у всех. – Пожала плечами старушка. – Но он тихий всегда, беспокоить не станет. Его можно не бояться.

– Я не боюсь. Просто хочется знать правду. В последнее время... меня преследует ощущение, что происходит что-то, чего я не могу понять и увидеть. – Мирославе было так странно разговаривать о подобных вещах с посторонним человеком. Нет, она, конечно, давно знала Надежду Ивановну, но не настолько близко.

Так почему же и бабе Наде, и её внуку было так легко открыть душу? Не от того ли, что в последнее время не было у нее очень близких друзей, с которыми, как когда-то в детстве с Наташей, можно было обсудить подобные мисти-

ческие приключения?

– Давно у тебя возникло это ощущение? – Надежда Ивановна сложила руки на столе перед собой, изучающе глядя на девушку.

Она пожала плечами, подумала:

– Наверное, я осознала это только сегодня ночью, когда обдумывала всё происходящее. Странности начались... – Мирослава вспомнила про случай на карьере и снова посмотрела на Сашу, который стоял в стороне, сложив руки на груди, и не спуская с девушки серьёзного взгляда серых глаз. Рассказывал ли он бабушке о том вечере, когда спас её? – Начались они после того сна. Сначала я с местной компанией повздорила из-за Стёпки, и тут же бабушка в больницу попала.

Она говорила, глядя на Сашу и понимала, что он знает правду – странности начались с того вечера на карьере. Парень действительно не забыл её испуганный взгляд, который она бросила на него, когда он сказал, будто не видел того, что удерживало её ногу под водой.

Он-то видел, но говорить об этом сейчас не собирался – в конце концов, в мутной воде могло привидеться всё что угодно.

– Возможно, те силы, которых ты не видишь, пытаются предостеречь тебя. К сожалению, мы не всегда понимаем то, о чём нам хотят сказать. – Надежда Ивановна неторопливо убирала посуду со стола в эмалированный тазик, чтобы по-

сле отнести в раковину. Саша забрал таз у бабушки, отнёс сам.

Мирослава, поблагодарив за поздний завтрак, засобиравлась домой, а Саша вдруг вызвался проводить – захотел посмотреть следы вживую, а не на экране телефона.

Вдвоём они молча шли по заросшему лопухами и полынью проулку, который Глафира Петровна и Надежда Ивановна протоптали между своими домами за долгие годы дружбы. Кроме них здесь никто, наверно и не ходил – на окраине деревни дома стояли реже, людей было меньше. За домом Глафиры Петровны так и вовсе начинался лес – сразу за небольшой полянкой с ромашками и зарослями Иван-чая в человеческий рост.

На кухне Саша долго рассматривал следы и несколько раз хмыкнул. Затем подошёл к окну и посмотрел на улицу. Поджал губы, нахмурился, но Мирославе ничего не сказал.

– Ну, следопыт, каков вердикт? – Усмехнулась девушка, наблюдая за его действиями.

Саша слегка улыбнулся – как же редко он это делал! – и пожал плечами:

– Скажу тоже, что и вчера – запирай двери на ночь. Если верить в то, что сказала моя бабушка, то тебе предупреждают о чем-то, что придёт с этой стороны.

– Откуда такой вывод?

– Следы заканчиваются здесь и это пятно на стекле... Будто призыв смотреть именно в эту сторону.

Мирослава не знала что и сказать. Она чувствовала – здесь действительно что-то есть, нечто непостижимое для её понимания. Но боялась самой себе признаться в том, что всё во что она упорно не верила, на самом деле существует.

А если так, то как ей оставаться столько дней в этом доме в одиночестве? Выходит, даже сейчас где-то рядом находится невидимый ей домовый и наблюдает? Она снова вспомнила жёлтые глаза из своего сна и поёжилась. Саша заметил это.

– Уверена, что не хочешь у нас пожить? А то пойду, вещи свои перенесу.

Мирослава отрицательно покачала головой:

– Спасибо, но нет. Я послезавтра к бабушке поехать хочу. Далеко ехать, нужно отдохнуть. На новом месте я дня три-четыре плохо сплю, привыкаю...

– Ну, здесь-то ты хорошо спишь. – Скептически усмехнулся Саша, от взгляда которого не ускользнул уставший вид девушки и тёмные круги под глазами. – Ладно, если что, то мы рядом, не стесняйся.

Он развернулся, чтобы уйти, но его остановил вопрос, который Мирослава до сих пор решалась задать.

– Саша, скажи, бабушка и вам помогала? Ну, колдовством там всяким?

– Было дело, готовила для меня несколько настоев, когда болел сильно, но я не назвал бы это колдовством.

– Понятно. – Поникла девушка, почувствовав, что парень не говорит всей правды. Была какая-то история – она поня-

ла это по тоскливому взгляду, которым Надежда Ивановна окинула внука. И по тому, как сейчас смотрел на неё Саша – словно размышлял над тем, стоит ли рассказать правду? Что ж, она не будет настаивать – пускай хранит свои секреты.

На следующий день после полудня в калитку постучали. Мирослава как раз сидела на кухне, пила крепкий кофе, так как снова не спала половину ночи. Всё прислушивалась – вдруг половица скрипнет, или какой-нибудь шорох послышится. Ложиться спать было страшно – вдруг наяву появятся жёлтые глаза, и нечто неведомое приблизится так же, как во сне?

Она попыталась читать книгу, но всё время отвлекалась на мысли о тетрадах, словах Саши и Надежды Ивановны. Вспоминала каждую мелочь каждого лета, проведённого в Кикеевке – случалось ли раньше нечто подобное? Не видела ли она чего странного? Возможно, она своим скептическим отношением неосознанно стёрла подобные воспоминания?

Девушка вышла во двор с кружкой в руке и прошла по тропинке среди высоких георгинов. За калиткой стоял незнакомый парень неприятной наружности. Мирослава не могла сразу понять, что именно было в нём неприятного.

Высокий и худой, с серьгой в ухе и весь в чёрном – неформал что ли? – он всё время чесал себе то одну, то другую щёку, иногда – шею.

–Здравствуйте! Вам кого? – Вежливо спросила Миросла-

ва, однако вплотную к калитке не подошла и, тем более – не открыла. Ей не нравился блуждающий взгляд парня.

– Здоров. – Голос с хрипотцой, взгляд никак не задержится на одном месте, всё бегаёт и как будто заглядывает куда-то через плечо девушки. – А чё, старухи дома нет?

Мирослава опешила от такого тона и обращения, крепче сжала кружку, чтобы не выдать дрожь в руках.

– Не старуха, а Глафира Петровна. – Максимально вежливо ответила она, наблюдая за парнем, продолжавшим периодически чесать лицо. – Если у тебя к ней какое-то дело, можешь сказать мне. Она придёт – я передам.

Он хохотнул, впервые задержал взгляд на девушке, и она заметила какие у него расширенные зрачки, а потом вспомнила о том, что где-то читала – у наркоманов бывает неосознанная чесотка. Ещё этого не хватало.

– Слышал, её в город увезли в больничку?

– Тебя неправильно информировали. – Холодно ответила Мирослава и уже почти развернулась, чтобы уйти, когда вдруг слова парня заставили её остановиться.

– А тебе Глеб привет передаёт.

Она не ответила, вернулась в дом и только там, на крыльце, обернулась – парень исчез, но на душе у неё скребли кошки. Как бы Глеб не пришёл – она чувствовала, что он не оставит просто так её вмешательство в его забавы со Стёпкой. Неужели он подослал одного из своих дружков следить за домом, едва узнал, что Мирослава осталась одна?

Очень не хотелось снова с ним разговаривать. Мелькнула мысль пойти к Быковым, рассказать всё и в самом деле остаться пожить у них. Но Мирослава отринула этот порыв – не хотелось ни людей стеснять, ни идти на поводу у своих страхов.

Да и в Гусарино она собиралась завтра ехать, а на новом месте действительно плохо спится. Хотя, и дома теперь не лучше...

С наступлением ночи уверенности у неё поубавилась, но девушка упорно держала себя в руках. Искупавшись засветло – идти в баню посреди ночи она теперь даже не думала, – Мирослава переделалась в пижаму и мягкие тапочки – вечер выдался прохладный.

Включила телевизор, отключив звук – лишь бы мелькало что-то для фона – и погрузилась в чтение книги «Королевство шипов и роз», устроившись в кресле.

Обычно Мирослава любила читать, но в этот раз, измученная бессонными ночами, она не заметила, как задремала с книгой в руках.

Разбудил её лёгкий шум, доносившийся как будто со стороны кухни. Она подскочила так быстро, будто и вовсе не спала. Тут же напрягла слух и тихонько пошла на шум, осторожно положив книгу в кресло.

Свет был включен только в комнате, где читала Мирослава, остальные подсвечивались лишь полной луной, заглядывающей в окна. По пути она нащупала и сжала в руке «ору-

жие» – деревянную швабру, довольно увесистую.

Она осторожно прошла на кухню, напряжённо вглядываясь в предметы – включить сразу свет не было возможности – выключатель находился у дверей, которые вели в прихожую, а оттуда – на улицу.

Мирослава снова услышала шум – теперь она разобрала этот звук – лёгкий, едва уловимый скрежет по стеклу. Её взгляд тут же упал на то окно, к которому вчера вели следы. Звук прекратился.

Сердце замерло в груди – у калитки маячили чьи-то тени. Из-за высоких георгинов она не могла разглядеть пришельцев, но зато и они её не увидели, когда она по глупости подошла очень близко к окну, в попытке узнать – кто же так нагло вторгся во двор.

Люди не слишком-то таились, и через открытую форточку Мирослава расслышала голос Глеба и ещё второй – Дашин. Дневной гость тоже был с ними – она узнала его, когда он начал что-то рассказывать Глебу про сбыт техники, как будто он знает человека, которому можно за хорошие деньги продать ноутбук. Учитывая то, что компания уже открыла калитку и приближалась к дому, речь шла об её ноутбуке.

Мирослава похолодела, не зная, что предпринять. Она одна в доме, на дворе – середина ночи, даже если поднять шум, едва ли кто-то услышит. Выход один – бежать к Быковым и вызвать полицию.

– Спасибо, что предупредил. – Машинально шепнула Ми-

рослава тому, кого не могла видеть, но кто явно существовал – теперь она в этом не сомневалась. – Если умеешь – то удержи их хоть на минутку.

Она побежала обратно в гостиную – её окна выходили в сад. Слава Богу, она вечером не слишком плотно прикрыла ставни – старые, местами разохшиеся, они тяжело открывались только со стороны улицы.

Не успев подбежать к окну, она увидела, что там, в саду уже мелькает чья-то тень, но из-за тюлевых занавесок не могла разглядеть – один человек или несколько.

Со стороны кухни в это время уже доносился треск – выламывали замок и ругались – старенький, едва державшийся в деревянной двери, он почему-то вдруг не захотел поддаваться.

В следующий миг ставни – те самые, не плотно прикрытые, распахнулись, и чья-то рука отдернула занавеску. От страха Мирослава уже замахнулась шваброй, которую до сих пор сжимала в руках, но остановилась в последний момент, увидев знакомое лицо.

– Сашка! – Шёпотом выдохнула она, но он приложил палец к губам, призывая молчать, и протянул к ней руку.

Девушка поставила своё «оружие», схватила со стола телефон, сунув его в карман пижамы, и полезла на подоконник. В этот момент голоса раздалась на кухне – замок наконец сдался. Или сдался тот, кто заставил этот замок так долго продержаться?

Саша помог девушке выбраться на улицу и быстро, стараясь не шуметь, прикрыл ставни, затем пригнулся, потянув Мирославу за собой, и они осторожно двинулись вдоль дома.

На углу он выпрямился, прижавшись к стене, Мирослава последовала его примеру. Они прислушивались к звукам в доме – там что-то разбилось, кто-то засмеялся. Мирославу била мелкая дрожь.

– Как ты узнал? – Едва слышно прошептала она. Саша предостерегающе шикнул, но всё же ответил:

– Ко мне минут десять назад Стёпка пришёл, сказал ты в беде.

Мирослава удивилась ещё больше:

– А он откуда?...

– Я не знаю! – Резким шёпотом ответил Саша. – Бродит везде, вот, наверное, и услышал, что Глеб затеял. Нам нужно уходить сейчас же – он с собой целую толпу привёл.

– Но как же... Нужно полицию вызвать.

– Идём! Бабушка уже позвонила, но их можно не ждать – поедут они ночью из Кербеевки, как же. Давай, уходим.

Но вот голос Даши раздался уже на улице:

– Этой твари здесь нет, наверняка успела сбежать! Нужно двор обыскать.

Саша взял Мирославу за руку и побежал к забору в дальнем конце огорода – там, за кустами малины, за травами и папоротниками, легче было оставаться незамеченными.

– Нужно перелезть, давай помогу. – Саша подхватил де-

вушку за талию, помогая забраться на верхнюю поперечину деревянного забора, и придержал за руки, когда она спрыгивала вниз по ту сторону. Сам легко перемахнув, приземлился рядом, снова взял её за руку, и повёл за собой.

Им всего лишь нужно было добраться до проулка, ведущего к его дому, но Даша и ещё один парень уже лазили в огороде, подсвечивая фонариками каждый куст.

Разумеется, увидела их Даша, истошно завопив:

– Вот они! Хватай их! С ней Быков!

– Твою мать... – Прошептал Саша, когда вдруг из-за угла, откуда-то из лопухов на него выскочил один из дружков Глеба. Оказывается, Глеб развернули целую операцию по захвату, раз его друзья дежурили по периметру.

На серьёзное дело шёл, как будто. Только какого итога он ожидал? Как собирался в дальнейшем выкручиваться из этой истории? Ведь для того, чтобы Мирослава не обратилась в полицию, не подняла тревогу, её требовалось бы убить.

Эти и сотни других вопросов проносились в голове девушки в то время, как сама она изо всех сил неслась вслед за Сашей. Она не успела даже удивиться тому, как ловко он, одним ударом в челюсть, вырубил напавшего на них парня, а затем потянул её за собой куда-то, но не в сторону дома. Туда уже нельзя – со стороны проулка слышался голос Глеба, раздающего команды.

Позади них Даша с парнями лезла через забор и истошно

визжала, чтобы Мирославу поймали.

Но Мирослава опережала погоню, благодаря сильной руке, крепко сжимавшей её ладонь. Саша бежал вперёд, иногда оборачиваясь, чтобы оценить расположение преследователей – в лунном свете их было хорошо видно, как и беглецов. Трое парней, Даша, а позади них уже маячит долговязая фигура Глеба и ещё пятёрка его друзей – некоторые из них вооружились палками или битами – не разглядеть.

Друзья пересекли поляну и нырнули в лес – туда, где среди деревьев было сыро и темно, непролазный бурелом преграждал дорогу, а лопухи вытянулись в человеческий рост, а значит там – больше шансов укрыться.

В голове Мирославы на секунду зазвучал голос бабушки «Не ходи пока в лес...», но выбора не было – она видела, что их окружают, словно специально загоняя в чащу. Одна она бы не пошла, но рядом с Сашкой, почему-то не было страшно, и поэтому Мирослава лишь крепче сжала ладонь друга, исчезая в темноте леса. А следом неслись преследователи – некоторые из них улюлюкали, смеялись ненормально, словно находясь под воздействием алкоголя или наркотиков – погоня доставляла им удовольствие.

Глава 7.

Саша петлял между корнями и кочками, безошибочно находя дорогу, не сбавляя при этом скорости. Если бы он не держал Мирославу, она уже давно упала бы, зацепившись ногой за какой-нибудь камень или корягу.

Они спустились в овраг, уходивший в глубь леса, но не выбрались на другую сторону, а побежали по нему. Дно оврага покрывал толстый ковёр из опавшей листвы и хвои, и поэтому друзья не оставляли следов, которые можно было заметить невооруженным глазом.

Вскоре ветки над их головами начали переплетаться, образуя подобие туннеля, а немного погодя нашлось удобное место для подъёма, и беглецы выбрались наверх.

Постояли пару минут, прислушиваясь – голоса преследователей всё ещё доносились до них эхом, постепенно приближаясь.

– Настырный... – Выдохнул Саша и снова потянул за собой Мирославу.

Они бежал, до тех пор, пока подлесок не сделался ещё гуще, а голоса за спиной наконец-то стихли. Мирослава без сил опустилась на поваленное дерево, покрытое мхом и опавшими листьями. Отдышавшись, она посмотрела на Сашу:

– Что им нужно? Почему они вломились в дом?

– Я тебя предупреждал ведь, что бы ты была осторожнее

с этой компанией.

– Да я...

– Ты заступилась за Стёпку и сделала это при свидетелях – для Глеба этого достаточно для мести. У «крутых» парней вроде него очень чувствительная гордость. – Парень заметил её возмущение и добавил: – И да, я знаю, что оставить в беде Стёпку было нельзя, и ты поступила храбро, хотя и глупо.

Саша замолчал – ему хотелось сказать о том, что он мог ведь не оказаться рядом, и тогда неизвестно что могло бы случиться. Но вместо этого он отдышался и скинул с себя тёмно-красную рубашку в клетку, оставшись в серой футболке. Рубашку протянул Мирославе.

Она непонимающе посмотрела на него.

– Сейчас тебе станет холодно, когда остынешь после пробежки. И у тебя очень светлая футболка – видно издалека. Надевай.

– Думаешь, они продолжают преследовать нас? – Мирослава накинула рубашку поверх светло-розовой пижамы и застегнула пуговицы.

– Я не знаю, Мира. – Покачал головой Саша, устало вздохнул, присел рядом. – От них всего можно ожидать в таком состоянии.

Девушка невольно улыбнулась – ей нравилась такая сокращённая форма её имени, но её так никто не называл, предпочитая стандартное «Слава».

– Хочешь сказать – они под «дурию»? – У Мирославы сло-

жилось именно такое впечатление, потому что парни – да и Даша – вели себя слишком уж дико. Как будто под воздействием каких-то веществ или алкоголя. В ушах до сих пор стоял вой, с которым преследователи бежали за ними в лес.

Саша лишь пожал плечами, осматриваясь. Взглянул на небо:

– Ну, уж точно не в трезвом состоянии. До рассвета здесь останемся, если конечно, гости не пожалуют. Утром вернёмся домой. Бабушка, правда, волноваться будет...

Мирослава вдруг испуганно вздрогнула:

– Саша, а они не могут к тебе домой сунуться? Баба Надя там ведь одна!

Он покачал головой:

– Не одна, Стёпка у нас остался. Она после полиции позвонила его родителям и наверняка еще кому-то из соседей. Сейчас ещё, может, и всю деревню соберёт. – Он усмехнулся.

Мирослава вдруг вспомнила про телефон, достала его из кармана, но тут же разочарованно ахнула – совсем связи нет и батарея почти на нуле – всегда она забывает вовремя подключать зарядное устройство.

– Я не понимаю – как Стёпка узнал о том, что случится? – Задумчиво сказала она, убирая бесполезный телефон – Наверное, и правда подслушал случайно. Но почему он в принципе ночами бродит по улицам?

– Он странный. Его дома не удержишь, и родители перестали пытаться это сделать. Он сам решает – куда и когда ему

идти. И очень хорошо, что в этот раз ему приспичило бродить ночью. – На секунду Саша умолк, справляясь с эмоциями. Ему было страшно представить то, что могло случиться, если бы не Стёпка, посреди ночи постучавшийся в двери его дома. Саша задумался о том, вправе ли он теперь рассказывать то небольшое, что знал об этом парнишке, но в итоге решился: – Одно время про него слухи ходили... будто он не из наших. Ну, то есть не из людей. Подменьш лесной.

Девушка никак не отреагировала, словно и не слышала, а Саша по-своему воспринял её молчание:

– Я знаю, ты во всё это не веришь, да и это всего лишь слухи...

– Теперь верю, Саша. – Мирослава поёжилась – действительно, холод начинал постепенно пробираться. Как назло, именно сегодня выдалась довольно прохладная ночь, а небо грозило вскоре укрыться за тучами. – Ты знаешь, меня предупредили о том, что приближается опасность. Я ведь спала в это время...

Она подробно рассказала Саше обо всём случившемся, он внимательно слушал и лишь кивал. Мирослава не заметила ни скептической усмешки, ни капли неверия с его стороны, лишь про следы вспомнил – оказалось они действительно неспроста вели именно к тому окну, из которого видна калитка.

– Так что на счёт Стёпки? Что такое «подменьш»? – Спросила Мирослава, подтянув колени и обхватив их рука-

ми – от сырой земли сделалось прохладно ногам, обутым в тонкие домашние тапочки. Вокруг было темно и страшно, над головами шумели деревья, и молчать не хотелось – голос хоть как-то развеивал окружающий мрак.

– Считается, что иногда человеческого ребёнка забирают лесные духи – кикиморы, лешие, а взамен оставляют своего, замаскированного под обычного человека.

– Ну это уже совсем дикость! Или нет? – Она с сомнением покосилась на Сашу, пытаясь разобрать выражение его лица. Он пожал плечами и заговорил негромко, иногда умолкая на секунду, чтобы прислушаться к звукам в лесу – нет ли погони:

– Кто знает. Бабушка рассказывала, что когда у Филатовых родился ребёнок, то лет до семи он был нормальным. Бегал, разговаривал, в школу пошёл как все. А потом вдруг заболел. Он в то время как раз потерялся в лесу – его целый день искали, только к вечеру обнаружили. Но только он начал себя вести иначе и никого не узнавал. И что только Филатовы с ним не делали, к каким врачам не водили – всё без толку. Стёпку действительно как будто подменили. Обычно он был тихим, но в любой момент у него мог случиться припадок, он часто кричал, всё ломал, дрался. Пока однажды не затих и не сделался таким вот, какой есть. Вот и пошли слухи – люди здесь суеверные очень. Иногда – не без повода.

– Ну это, наверное, болезнь какая-то? Ведь как можно верить в то, что твоего ребенка поменяли на какую-то лесную

нечисть? – Мирослава в недоумении пожала плечами и вдруг резко обернулась, услышав какой-то звук за спиной. – Ты это слышишь?

Сашка уже пристально и напряжённо смотрел в ночной лес, но, как назло, набегали тучи, закрывая луну и лишая друзей света.

– Слышу. Воеет кто-то?

– Волки?

Он отрицательно помотал головой:

– Волков я слышал, не похоже. И нет их здесь – только за рекой.

– Может эти?.. – Она мотнула головой в сторону, откуда они пришли, имея ввиду их преследователей.

– Пойдём-ка лучше отсюда – попробуем по кругу вернуться на опушку, посмотреть разбежались они или нет.

За их спинами вдруг громко треснула ветка, и оба подскочили, оборачиваясь. Саша инстинктивно оттолкнул Мирославу к себе за спину, поднимая с земли крепкую палку.

– Кто здесь? – Сказал он спокойно, хотя девушка видела, как напряглось всё его тело и участилось дыхание.

Ответом им была тишина, но где-то в глубине леса продолжался тихий вой.

– Идём. – Он попятился, подталкивая девушку в сторону опушки. Взгляд его продолжал высматривать возможную опасность. В глубине леса заухал филин, ветер усилился, и кое-где заскрипели ветки. Мирослава сама нашла Сашину

руку и вцепилась мёртвой хваткой – так ей было спокойнее.

На этот раз они не бежали, шли осторожно, молчали, перебираясь через препятствия – ветки, корни, кустарники. Хотелось поскорее оказаться дома и в тепле пить чай при электрическом свете.

Мирослава поёжилась, когда ветер начал раздуваться ещё сильнее. Небо полностью заволочло тучами и на голову девушки упали первые капли дождя.

– Везёт нам, я смотрю... – Прошептала она, подумав о том, что Сашке, должно быть холодно без рубашки.

–Ничего, скоро выйдем. Сейчас свернём к болоту, которое за нашим домом – я там тропинку знаю. Не думаю, что они будут ждать нас там. – Ответил Саша, ободряюще пожав её ладошку.

Он подумал о том, что ни за что больше не позволит Мирославе оставаться одной дома – пусть живёт у них пока. Вдруг снова раздался треск ломаемых веток прямо перед ними, и друзья попятились.

–Мне страшно. – Шепнула Мирослава, когда, спустя несколько долгих минут напряжённого ожидания, они снова никого не обнаружили. На всякий случай свернули чуть в сторону, обогнув возможную опасность.

– Тебе станет легче, если я скажу, что мне тоже страшно? – Саша оглядывался по сторонам, ни на секунду не отпуская руку девушки. Голос его, как всегда, звучал спокойно, но изнутри грызло тревожное чувство, которое называли шестым.

Он точно знал направление к дому. Знал, где находится опушка, но почему же ему сейчас кажется, будто идут они не в сторону деревни, а удаляются от неё?

Парень не допускал мысли о том, что они могли заблудиться – во-первых, за два года, прожитых здесь, он изучил лес вокруг деревни, знал звериные тропы, ставил здесь силки на зайцев и куропаток. Во-вторых, не настолько далеко они зашли, чтобы потерять направление.

Но тревога ни на секунду не покидала его. Ещё эти звуки – здесь попросту не было крупных зверей, способных своим весом сломать сухую ветку. А люди уже давно бы выдали себя.

Вдруг впереди, совсем близко раздался вой, от которого по спине поползли мурашки. Друзья замерли.

– Волк?... – Шепнула Мирослава, вглядываясь во мрак леса и пытаясь расслышать в порывах ветра еще какие-либо звуки, предупреждающие об опасности.

– Нет. – Покачал головой Саша. – Даже если бы они водились по эту сторону реки, то голос... не волчий. Как будто человек воет.

– И мне так показалось.

Они переглянулись – никто из них не знал что делать.

– Идём. Уже скоро выберемся...

Они снова отклонились чуть в сторону, а после вернулись к прежнему направлению, но никакого «скоро» не случилось – друзья шли и шли через лес с ощущением того, что уходят

ещё глубже в чашу.

Саша всё больше хмурился, периодически вытирая с лица капли дождя, который вроде бы не собирался усиливаться, но на нервы всё равно действовал.

Он вопросительно посмотрел на Мирославу, когда та внезапно остановилась.

– Мне бабушка говорила в лес не ходить... – Она, вдруг что-то осознав, испуганно посмотрела на Сашу, поднимая руку к шее, чтобы коснуться оберега, который бабушка просила её не снимать.

На шее ничего не было, и Мирослава вспомнила, как вечером сняла его на время купания, чтобы кожаный шнурок и деревянный кулон не намокли. Она всегда так делала, берегла бабушкин подарок. Вот только никогда раньше она не забывала снова надеть его.

Почему-то ей вдруг сделалось жутко, страшно, по спине пополз холодок – если бабушка верила в силу оберега, значит, он и в самом деле имел эту самую силу. Теперь весь скептицизм Мирославы начинал улетучиваться – слишком много странного произошло за сегодняшний вечер.

– Что случилось? – Саша встревоженно поймал её взгляд, не понимая сквозившего в нём отчаяния.

– Оберег... – Шепнула Мирослава одними губами. Переведя дух, она вкратце рассказала Саше про бабушкин подарок и её слова об этом кулоне.

– Бабушка что-то знала про этот лес, поэтому просила ме-

ня не ходить сюда, поэтому просила не снимать оберег, а я... мы.. – Она замолчала в отчаянии. – Мы теперь просто заблудились здесь.

– Как мы могли заблудиться, если не уходили далеко в лес? И возвращались мы точно в нужном направлении... – Тихо, но с ноткой отчаяния в голосе сказал Саша, проведя руками по волосам.

– Нас заставляют идти в другую сторону... – Тихо сказала Мирослава и тут же ответила сама себе: – Но это же бред! Я не верю...не верю в такие вещи. – Мирослава на минуту закрыла лицо ладонями, давая себе время прийти в себя и перевести дух. Плакать она не собиралась – попала в непонятную ситуацию, значит – нужно выбираться, а не реветь. – Ладно, чего стоять, пошли.

– Мы уже давно должны были выйти к болоту. – Произнёс Саша, соглашаясь с выводом девушки. – И я не понимаю, как я мог так ошибиться с направлением. Я...

– Ты не ошибался. – Покачала головой Мирослава. – Но сейчас всё равно ничего не поделаешь – давай будем просто пытаться выбраться?

Они переглянулись, понимая, что если в силу действительно вступило нечто потустороннее, то выбраться будет не просто.

Под мелким дождём они уходили всё дальше в лес, окончательно теряя чувство направления. Мирослава теперь держала телефон в руке, иногда проверяя – не появилась ли

связь, но её не было совсем, не работали даже экстренные вызовы.

Саша пытался ориентироваться, используя привычные приметы – мох на северной стороне деревьев, более крупные ветки, указывающие на юг, на положение изредка выглядывающей из-за туч луны. Но чем дальше они уходили, тем больше он сам впадал в панику, так как понимал, что ничего не стоят его ориентиры – вокруг происходила какая-то чертовщина.

Он не мог не заметить того, что если они шли строго на север, то за следующим деревом направление менялось на юг и наоборот. Несколько раз он повторно встречал одни и те же приметные деревья или камни и понимал, что они ходят кругами.

До рассвета оставалось совсем немного времени, когда дождь закончился, оставив после себя запах свежести и мокрой земли, уступив место давящей тишине древнего леса. Саша никогда не уходил так далеко в лес.

Мокрая одежда липла к телу, в ботинках хлюпало. На минуту Мирослава остановилась, дрожа от холода. Её била крупная дрожь, поэтому, когда Саша молча обнял её в попытке согреть, она с благодарностью обняла его в ответ.

– Что делать будем? – Спросила девушка, когда зубы перестали выбивать дробь.

– Будем искать выход. – Он посмотрел на светлеющее небо – скоро рассвет. Но как искать выход, если здесь творится

что-то не ладное?

Глава 8.

Ещё несколько минут они молча стояли посреди лесной поляны, со всех сторон окружённой высокими деревьями – лес был смешанным, но на этом участке преобладали сосны.

– Что это там, в траве? – Внимание Мирославы привлёк какой-то круглый предмет. Чтобы рассмотреть поближе, она отстранилась от Саши, и он нехотя разжал объятия, присмотрелся в предрассветном полумраке, пытаясь разглядеть то, что привлекло внимание девушки.

– Мухоморы, кажется...

– Такие огромные? – Удивилась Мирослава, приближаясь к ярким грибам, со шляпками размером с суповую тарелку.

– Ещё больше бывают. Один раз я видел мухомор сантиметров тридцать в диаметре... – Саша тоже подошёл, легонько ткнул мыском ботинка самый большой гриб. Почему-то они росли тесными группками по три – четыре штуки.

– Смотри, там ещё. – Мирослава указала на ближайшие сосны, под которыми расположилось ещё несколько групп ядовитых грибов.

– Не нравится мне это. – Пробормотал Саша, следуя за Мирославой, которая уже была готова ступить ещё дальше в лес – к очередной группе мухоморов.

Он схватил её за руку, удерживая:

– Посмотри внимательно. – Он поочерёдно указал паль-

цем на каждую из грибных групп. – Как это выглядит со стороны?

Девушка замерла, в её глазах мелькнуло отчаяние:

– Нас опять заманивают... Они растут так странно – будто на одной линии, и почти на одинаковом расстоянии – как путеводные маячки...

– Вот именно. И ведут они от поляны – в темную часть леса. – Саша вдруг замер и даже прикрыл глаза, прислушиваясь: – Речка шумит.

– Пересмешка? – Обрадованно воскликнула Мирослава и едва не захлопала в ладоши от счастья. Стоит им найти Пересмешку, которая плутала где-то в этой тайге, так они сразу и вернутся домой, уже не собьются с пути.

Саша не ответил, с сомнением пожав плечами – вдруг это какая-то слуховая галлюцинация. Он уже был готов поверить во что угодно.

Вот только пойти на звук получалось только по грибной тропе. В любом другом месте, куда бы они ни повернули, им преграждал путь бурелом. Плотно переплетающиеся ветви кустарников и валежник высотой почти в два человеческих роста.

Выбора у них не было – снова взявшись за руки, друзья осторожно пошли вперёд мимо мухоморов. Тихий звук пока ещё далёкой от них Пересмешки манил обещанием указать путь домой.

Саша заметил, что сделалось как будто темнее, хотя бли-

зился рассвет. Он посмотрел на небо, но в просветах между густыми ветвями не увидел ни одной тучки и нахмурился – что ждёт их впереди? И какого чёрта ноги понесли его в этот лес? Был ли у них на тот момент иной путь для отступления?

В одиночку он не побоялся бы ввязаться в драку хотя бы и с десятком противников. Скорее всего, он бы проиграл, но не бежал бы от опасности. Но в этот вечер он не мог себе позволить геройствовать понапрасну. Он должен был увести от опасности Мирославу. Вот только он всё больше сомневался в том, что у него это получилось.

Казалось, они шли целую вечность, но вдруг девушка ойкнула, указывая вперёд. Перед ними раскинулось то ли болотце, то ли озеро – небольшое, с зарослями рогоза по берегам, поросшее ряской так, что воды практически не было видно. На противоположном берегу лежало поваленное дерево, уходя трухлявыми корнями в воду. В его когда-то могучем теле зияла дыра – дерево было полым, и Мирослава невольно подумала о норе и о возможных её обитателях.

Где-то там, за болотом, всё громче шумела речка.

– Нужна длинная палка – сказал Саша, оглядываясь. – Почву прощупывать – берег у него подозрительный, как бы не затянуло.

Ковёр густого мха и опавших листьев раскинулся вокруг водоёма, исчезая в тайге, насколько хватало глаз, надёжно укрывая всё то, что могло оказаться под ним – будь то твёрдая почва, или же обманчивое, зыбкое болото.

Саша уже выламывал длинный шест из росшей неподалёку молодой берёзки, когда Мирослава вздрогнула, услышав всплеск на той стороне болота.

– Что это? – Шепнула она, веткой полыни отгоняя назойливых комаров от себя и от Саши.

– Рыба? – С сомнением ответил парень, но оба уже понимали, что это было нечто иное. Из-под уходивших в воду корней поваленного дерева расходились круги, исчезая в плотной ряске.

– Вернёмся... – Предложила Мирослава и потянула Сашу обратно, прочь от болота. – Страшно мне, не пойду я через это...

Она не успела договорить, потому что ряска возле берега заходила ходуном, зелёная вода запузырилась и, как в страшном сне, из её глубин вынырнула голова с чёрными волосами и горящими угольками глаз.

Следом показалась непропорционально длинная, похожая на корявую палку, рука с тонкими шишковатыми пальцами, увенчанными когтями.

Девушка вскрикнула, отскакивая подальше от берега. При этом она не могла отвести взгляда от показавшейся твари. Неужели сейчас всё происходит на самом деле, а не во сне и перед ними действительно предстало некое страшное создание, древнее, как мир и оттого забытое, воспринимающееся лишь как сказка, миф?

Существо замерло, оставаясь погружённым в мутную зе-

лёную воду. Только горящие глаза – два огонька на почти человеческом лице – не мигая глядели на друзей, лишь изредка поворачиваясь вправо-влево под спутанными волосами, которые можно было принять за тину или водоросли. Костлявая тонкая рука, перебирая пальцами, словно паук, ощупывала берег, поросший мхом.

Саша медленно отступал, закрывая собой Мирославу – он понимал, что по какой-то причине тварь ещё не напала, а значит не стоит делать резких движений – кто знает, что именно может её спровоцировать?

Парню было страшно, он ощущал, как покрылась мурашками его кожа, а по спине струился холодный пот, сердце колотилось где-то в горле, словно норовило выпрыгнуть и умчаться прочь.

Разум отказывался верить тому, что видели глаза – разве бывают такие создания в реальной жизни? Выходит, бывают.

Саша крепче сжал в руках палку, которая должна была послужить шестом, и отступил ещё на шаг, ощущая за своей спиной прерывистое дыхание Мирославы.

Казалось, он услышал биение её сердца – такое же громкое и испуганное, как у него. Мирослава ухватила за его плечо, и он почувствовал, как дрожат её пальцы. И тогда он вдруг перестал ощущать свой собственный страх, потому что рядом с ним стояла та единственная девушка, которая ему нравилась, и он должен был её защитить и вывести из этого леса.

В этот момент тварь выбросила из воды свои длинные, ко-

рявые руки – настолько длинные, что они почти дотянулись до друзей, прочертив глубокие борозды во мху перед носками Сашиных ботинок.

Мирослава вскрикнула, когда руки быстро исчезли в воде лишь для того, чтобы в следующую секунду взметнуться с новой силой.

Они попятились назад, чтобы не выпускать тварь из виду, Саша ударил палкой по этим лапам-корягам, заставив их снова обратиться в воду.

Не дожидаясь нового выпада, друзья бросились прочь, следуя за той же цепочкой мухоморов.

Саша обернулся и с ужасом увидел, как длинные руки вытянули из болота такое же непропорционально длинное тело с тонкими ногами. Чёрные волосы свисали почти до земли, глаза горели ярче прежнего. Существо не поднималось в полный рост, стояло на берегу, странным образом выгнув конечности и напоминая паука.

– Беги! – Саша подтолкнул Мирославу в спину, хотя и не представлял, куда им бежать и смогут ли они в принципе скрыться от этого существа, которое уже бросилось вдогонку, довольно проворно перемещаясь на своих длинных конечностях.

Утро словно не спешило наступать – звёзды до сих пор не исчезли, всё ещё поблёскивая в предрассветном небе. Где-то раздались первые птичьи трели, которые могли бы немного успокоить друзей, если бы за ними не гналось страшное су-

щество. Оно не спешило выйти на поляну вслед за беглецами, оставаясь в сумраке деревьев, и Мирослава понадеялась, что вот теперь, с рассветом они спасутся.

Разве не так бывает во всех страшных сказках и фильмах – дневной свет убивает всяких полночных тварей или, по крайней мере, заставляет их прятаться в свои тёмные норы?

Саша вдруг остановил её посреди поляны и указал рукой куда-то вперёд – в заросли боярышника, примостившегося у осин.

Оттуда на них смотрели глаза.

Такие же горящие угольки, как и у твари из болота. Не мигая наблюдали, выжидали.

– Саша... – В панике Мирослава крепче сжала его ладонь.

Он не ответил, осматриваясь и холодея от ужаса – повсюду, куда ни глянь, горели страшные глаза. Они угодили в ловушку.

Мирослава судорожно выдохнула, когда существа начали не торопясь выходить из леса, окружая их с Сашей.

То из существ, которое оказалось к ним ближе всего, вдруг выбросило вперёд длинную руку и почти ухватилось за Мирославу. Девушка вовремя шагнула в сторону, а Саша ударил палкой – только когти зашуршали по дереву.

Вдруг Мирослава вспомнила молитву, которой очень давно – ещё в детстве – учила бабушка, и впервые в жизни зашептала «Отче наш». Неуверенно, спотыкаясь на каждом слове, но с большой надеждой.

То существо, которое только что бросалось на них, кажется, отступило на шаг, и выжидающе уставилось на друзей. За его спиной появился ещё один корявый, длиннорукий силуэт.

– Это не поможет. – Мирослава с Сашей одновременно вздрогнули, услышав знакомый голос.

Между ними и тварями вдруг промелькнула светлая фигура и замерла решительно, бросив через плечо:

– Молитва слаба против жителей леса.

Откуда он тут взялся?

Стёпка стоял уверенно, держа в руке свою шапку, которую никогда не снимал. На нём по-прежнему была мешковатая одежда, но сам он как-то неуловимо изменился. Вроде бы сделался выше и здоровее на вид, хотя никуда не исчезла болезненная бледность. Его словно окутывало едва уловимое сияние.

Мирослава теперь поняла, почему он всегда был в шапке – прятал уши, которые были очень странной формы. Удлинённые и острые, как у сказочных эльфов – их не могли скрыть светлые волосы, немного не доходившие до плеч.

– Что происходит? – Спросила Мирослава, но никто не ответил.

Сразу несколько тварей зашипели, и сунулись было в сторону Стёпки, но парень вскинул вверх руку и твёрдым, звонким голосом произнёс:

– Прочь! Зовите Хозяина!

Мирослава и Саша увидели, что кончики его пальцев слегка мерцают. А когда твари снова зашипели, оскалив короткие, но острые зубы, то Стёпка повторил свой приказ, и на этот раз голос его странным образом разнёсся эхом по поляне, вспугнув нескольких птиц.

Злобные создания отступили, двое из них нехотя развернулись и исчезли в лесу. Тогда Стёпка повернулся к друзьям. Лицо его оставалось бесстрастным, черты сделались ещё более резкими, а уши так и притягивали взгляд.

Он молча достал что-то из кармана и протянул Мирославе. Девушка удивлённо ахнула, увидев знакомый кругляш в обрамлении каменных бусин.

– Мой оберег! – Воскликнула она, схватив кулон и поспешно надела его на шею, прижала деревяшку к груди.

– Больше никогда не снимай. – Не громко сказал Стёпка.

– Что происходит? – Девушка повторила свой вопрос и тут же задала следующий: – Как ты нашёл нас? И кто ты на самом деле?

Губы парня тронула едва заметная грустная улыбка, промелькнувшая в уголках бледных губ:

– Я не враг – этого достаточно. Эти, – он кивнул в сторону окружающих их существ, притаившихся в тени деревьев. – не отпустили бы вас просто так.

– Кто они?

– Слуги болотной кикиморы... – медленно ответил Стёпка и также не спеша развернулся лицом к лесу, словно по-

чувствовал чьё-то приближение.

И действительно – в чаще раздались птичьи трели, листва зашелестела, хотя ветра не было, а затем и сами деревья закачались, и словно расступились, являя друзьям того, кого позвал Стёпка.

Лесной Хозяин шагнул – нет, плавно перетёк шорохом листвы и трав, из которых состояло его одеяние. Или это было не одеяние, а он сам? Мирослава в ужасе сжалась в Сашиных объятиях, задрав вверх голову и разглядывая невероятное существо, горой возвышавшееся над ними.

Так вот он какой! Где-то в уголках её памяти ожили обрывки воспоминаний из детства, из того времени, когда она любила слушать мистические истории, которыми делилась с ней лучшая подруга. Хозяином называли Лешего – лесного духа, верховного среди прочих.

Даже сейчас, в наше время, некоторые лесорубы задабривали его хлебной горбушкой или другим подношением, прежде чем начать валить деревья. А в древние времена ему приносили жертвы, что бы он оберегал домашний скот от лесных хищников, да направлял живность к охотничьим силкам. Он правит не только животным миром леса, но и более низшими лесными духами.

Лицо его отдалённо напоминало человеческое, если бы не огромные уши, похожие на оленьи, да множество витиеватых рогов, издали походивших на корону.

Тело его не имело чёткой формы – издали можно было

принять за огромный ворох листьев, или холм, поросший мхом. Лишь в движении его форма менялась – вытягивалась или изгибалась.

Чёрные глаза больше походили на камни обсидиана – влажно поблёскивая, они изучающе и строго смотрели на пришельцев и особенно – на того, кто посмел потревожить его покой.

Стёпка смело шагнул вперёд, словно отвлекая внимание Хозяина от друзей. Существо согнулось, будто в поклоне, но на самом деле склонилось для того, чтобы лучше видеть стоявшего перед ним человека.

– Ах, это ты, букашка.... – Не голос, а шелест листвы в кронах деревьев, жужжание пчёл в знойный день, капли осеннего дождя по еловым веткам, вой пурги в разгар зимы. – Чего тебе?

Друзья с замиранием сердце наблюдали развернувшуюся перед ними сцену – щуплый парнишка действительно выглядел букашкой перед возвышавшимся над ним созданием. Несмотря на эту разницу, Стёпка не боялся, стоял неподвижно, и даже не шелохнулся в тот момент, когда лицо Хозяина почти вплотную приблизилось к нему

– Отпусти их. – Стёпка говорил не громко. Не умолял, не просил, и не приказывал – голос бесстрастен, как и выражение лица.

Фигура Хозяина вытянулась, шея его словно удлинилась, лицо приблизилось к Саше и Мирославе, ноздри шумно втя-

нули воздух, будто приносиваясь. Полностью чёрные глаза без радужки или белка, окинули их взглядом, в воздухе прошепестели слова, адресованные Стёпке:

– Я не могу. – Из вороха листвы показалась крючковатая пятерня и поманила тварей, притаившихся за деревьями. Те выскочили почти радостно, бросились к людям, предвкушая добычу.

– Стой! – Почти крикнул Стёпка, снова вскидывая вверх руку.

Казалось, Хозяин опешил от такой наглости, но, тем не менее, одним движением руки заставил остановиться своих прислужников.

– Зачем они тебе? – Голос Стёпки был снова тих и спокоен.

– Оба не нужны. – Длинный палец указал на Мирославу, и Саша крепче прижал девушку к себе, заслонил собой, в попытке укрыть от страшного взгляда.

– Зачем? Расскажи.

– Ты же должен знать, что я не люблю длинных речей на вашем языке.

Стёпка уверенно протянул Хозяину руку:

– Тогда покажи.

Леший медленно, словно нехотя протянул свою руку и едва заметно соприкоснулся пальцами со Стёпкой. Прикосновение заняло не больше минуты, но и Мирослава, и Саша поняли, что за эту минуту Стёпка успел что-то увидеть, что-

то узнать – он общался с Хозяином на каком-то ином уровне, недоступном простым смертным.

Парень не обернулся к ним, но друзья увидели, как плечи его вдруг поникли, он недолго размышлял, прежде чем уверенно сказать:

– Отпусти их сейчас. На девушке – одолень-трава заговорённая, а парень будет до смерти биться за неё, просто так ты её не возьмёшь. И я... я готов предложить обмен за их жизни.

Хозяин заинтересованно склонил голову на бок:

– Что же ты можешь мне предложить?

Стёпка ответил не сразу, почему-то осмотрелся вокруг, вздохнул, медленно втянув воздух:

– Я больше не стану проситься обратно. Больше не потревожу тебя просьбами.

Несколько минут Хозяин раздумывал, пристально глядя на стоявшего перед ним парня:

– Готов принять моё решение? – В голосе Лешего промелькнуло удивление. – Почему?

– Они – мои друзья. – Просто ответил Стёпка, не спуская глаз с возвышавшегося над ним существа – так, словно боялся упустить из виду, или... старался запомнить?

– Так тому и быть. – Выдохнул ворох листвы, закружившийся вокруг ребят, осыпавший Стёпку лесной пылью – кусочками мха, обрывками травинок, берёзовыми «серёжками». – Но только в этот раз.

Чувствуя, что сейчас произошло что-то важное для Стёп-

ки, что он чем-то пожертвовал ради них, Мирослава и Саша молчали, боясь потревожить паренька, оставшегося понуро стоять на том же месте и смотреть в лесную чащу – туда, где минуту назад возвышался лесной владыка.

Но исчез и Хозяин, и те странные длиннорукие существа. Светило солнце, в лесу пели птицы, над поляной жужжали пчёлы и порхали бабочки, собирая цветочный нектар и не замечая друзей.

Глава 9.

– Идёмте, что ли. – Наконец сказал Стёпка, не глядя на ребят и надевая шапку. – Вас все ищут.

Они ошеломлённо, ещё не придя в себя от пережитого, смотрели вслед парню, уверенно шагавшему через лесную чащу так, словно он с закрытыми глазами мог найти дорогу домой.

– Стёпа, стой! – Окликнул его Саша. – Ты точно знаешь куда идти? Пересмешка в той стороне. – Он указал рукой туда, где они слышали шум воды.

Их спаситель отрицательно покачал головой, не оборачиваясь:

– Нет. Там река Плакучая. Вы очень далеко зашли. Пересмешка вон там – Он показал рукой – оказывается, друзья ушли бы от неё ещё дальше в лес, если бы не столкнулись с болотной тварью.

Не дожидаясь их, паренёк продолжил путь. Он шёл, не слишком быстро, но уверенно и почему-то ему не мешали ни ветки, ни корни, будто сами уступали ему дорогу.

Мирослава окликнула Стёпу, догоняя, касаясь ладонью его плеча и заставляя остановиться:

– Я не понимаю, что происходит, но спасибо тебе! Ты спас нас...

– Да, спас. – Кивнул он и как-то слегка смущённо добавил: – То, что я сказал Хозяину... ну, про дружбу... Можете не заморачиваться... Со мной... не нужно дружить.

Мирослава оторопело смотрела на него, пытаясь понять смысл слов – он не хочет, чтобы с ним дружили? Или не хочет навязываться в друзья?

Девушка вспомнила слова Саши о том, что со Стёпкой никто не дружит и, заглянув в глаза, увидела, как в них плескалось море тоски и одиночества, и просто шагнула к нему, обняла – искренне, по-настоящему. Сашка, не находя слов, по-приятельски хлопнул его по плечу:

– Спасибо тебе, правда. Хотя я совсем не понимаю, что сейчас произошло, как тебе удалось?

Когда Мирослава разжала объятия, Стёпка смущённо улыбнулся, кивнул и зашагал дальше, не ответив на вопрос Саши.

– А я знаю кто ты! – Мирослава поравнялась с ним, поймала удивлённый взгляд и ответила на немой вопрос: – Ты-эльф!

Парень коротко и безрадостно хохотнул, покачал головой:

– Было бы не плохо!

– Но твои уши...

Стёпка остановился:

– Мои уши – только метка. Знак того, что я – не человек.

– Но кто же ты тогда? – Спросил Саша, который и вовсе не пытался строить никаких догадок.

Стёпка окинул их оценивающим взглядом и понял, что просто так они от него не отстанут. Он помолчал в задумчивости – никому прежде он не рассказывал о своём происхождении, кроме единственного раза, далёкого, как сон. Может ли и в этот раз он открыться? Кивнув самому себе, он заговорил:

– Вы только что видели моего отца. – Произнёс он самым обыденным тоном. Как будто говорил о погоде. – Я – внебрачное дитя Лесного Владыки от смертной женщины.

– Ирина Афанасьевна...? – Опешил было Сашка, но друг отрицательно замотал головой.

– Нет, настоящей моей матери уже давно нет в живых, я её никогда не знал. Но Ирина Афанасьевна с супругом знают о моём происхождении.

Он говорил спокойно, хотя в голосе сквозила горечь и боль утраты. Мирослава засомневалась – стоит ли ворошить его былые раны? Настолько ли нужна им эта правда. Но, видимо, Стёпка уже и сам решил всё рассказать, потому что вдруг уселся на землю, по плечи утонув в высоком разнотравье.

Он не стал дожидаться, когда друзья сядут рядом, сразу начал говорить, будто боялся передумать. Голос его был тих, печален и порой почти сливался с шелестом листвы над их головами.

– Когда-то давно родился у Хозяина очередной ребёнок.

Ему, как и всем прочим детям, было суждено стать одним из лешачат или других лесных духов, но вот беда – дитя уродилось слабым, чахлым. Оно было уродливо по меркам лесных жителей и не обладало необходимой силой и навыками для жизни в лесу.

Его долго пытались выходить, давали разные настои, травы целебные, но ничего не помогало.

И тогда Хозяин принял единственное верное решение – избавиться от младенца, пока не поздно. Так всегда делали до него – избавлялись от неудобных детей, передавая их людям, тем самым давая им шанс на жизнь, а себя избавляя от бремени. Случалось и так, что некоторые, подобные этому ребенку, выживали среди людей и оставались в их мире до конца своих дней. Большинство, конечно, умирало, ведь люди не понимали того, с чем столкнулись, они боялись таких детей и старались избавиться от них разными способами.

Лесной Владыка не собирался нарушать этот древний обычай. Но лес никогда не отпускает своих детей просто так, не получив взамен другую душу.

Поэтому ребёнка подменили.

В ту пору, для Хозяина очень кстати, а для одной молодой супружеской пары из деревни – на беду, заблудился в этом лесу их маленький сын. Его-то и забрали, утащили кикиморы, оставив на его месте больного сына Лесного Владыки.

– Филатовы... – Едва слышно прошептала Мирослава, приложив ладонь к лицу и не отрывая взгляда от Стёпкино-

го лица. Точнее – не Стёпкиного, ведь перед ней сидел не человек, а некое лесное создание.

– Да, Филатовы. – Кивнул паренёк, встретился взглядом с друзьями, оценивая их настрой, но не увидел ни капли враждебности или неприязни. – Они не сразу поняли, в чём дело – ведь выглядел-то я как настоящий Стёпка. Первой догадалась, конечно же, Ирина Афанасьевна – ведь мать не обманешь, мать всегда своё дитя узнает из тысячи....

Она, конечно, испугалась, когда разобралась что к чему. А тут ещё и я масла в огонь добавил, когда сам признался в том, кто я, и рассказал, что случилось с их настоящим сыном, который больше никогда не вернётся.

Тогда я ещё совсем плохо людей понимал. Не осознавал ни того, какую боль причиняю своей правдой, ни того, как на самом деле рисковал. Ведь были раньше времена, когда от таких как я люди пытались избавиться самыми страшными способами, в надежде, что это вернёт их настоящего ребенка.

Подобных мне пытались «лечить», прижигая раскалённым железом, опаивая ядовитыми настоями, оставляя на ночь в лесу, который был уже не способен принять своих бывших детей. Но мне повезло... – Взгляд Стёпки подёрнулся дымкой воспоминаний, он уже не смотрел на друзей, просто рассказывал. Слова лились рекой, а Саша с Мирославой будто не слушали, а смотрели на обрывки его воспоминаний. – Одно время она часто и долго плакала, когда думала, что я не вижу. Но я видел, и чувствовал. Мне было тяжело

в этом мире, в этом теле, ведь изначально я выглядел иначе, до того, как меня «перекроили» под человека.

Я понимал её боль и тоску, и не хотел терзать бедную женщину, которая всегда была добра ко мне, несмотря на свой страх. И однажды зимой я пошёл на реку – туда, где проруби были. Хотел утопиться, ведь дороги назад мне не было. Но она не дала. Спасла меня.

По глубокому снегу, в сапогах на босу ногу, в одном тонком пальто поверх домашнего халата, Ирина бежала к реке – туда вела цепочка следов того, чьи маленькие босые ножки почти не проваливались на снегу.

– Степан! – Закричала она, увидев его щуплую фигурку у открытой проруби.

«Только бы успеть! Только успеть! Успеть!!» – Билась в голове единственная мысль в то время, когда грудь резало от сбившегося дыхания и морозного воздуха.

Мальчишка обернулся на её голос и с безразличным выражением на лице наблюдал за тем, как она, спотыкаясь, по колено в снегу, спускается к реке. Волосы растрепались, пальто нараспашку... Он подался было в её сторону, но вдруг снова решительно отвернулся, глядя в прорубь и уже занёс ногу для последнего шага – слишком больно было ему жить между двумя мирами, ни один из которых не мог принять его до конца.

Его душа тянулась к лесу, к настоящему своему отцу, но

тот отрёкся от ребёнка в момент, когда забрал взамен того, другого мальчика. Его душа тянулась и к Ирине, пленённая её добротой, но он не мог каждый день видеть боль в её глазах, когда она вспоминала о том, что он-не её настоящий сын, а всего лишь подменьши, жалкая копия.

Она успела. Схватила его в охапку, прижала к себе, рыдая, уткнувшись лицом в светлые волосы.

Он долго стоял неподвижно в этих объятиях, пытался понять – что же это за странное чувство разрастается в груди?

И когда тонкие ручки этого тщедушного тела обвили шею женщины, он вдруг тоже заплакал. А она схватила его лицо в ладони, заглядывая в глаза. Заговорила спешно:

– Не уходи, прошу. Останься с нами.

– Ты... боишься меня. – Несмотря на то, что он понимал слишком многое, он всё же оставался ребёнком и губы его предательски дрожали.

– Нет. – Она вдруг поцеловала его лоб, потом щёки, – больше нет! Всё чего я боюсь – снова тебя потерять.

Мальши с глазами древнего существа покачал головой:

– Я – не ваш сын...

– Знаю... Знаю, ты говорил... – Ирина заботливо убрала с его лица светлые волосы, гораздо светлее, чем были у её сына. В её душе смертным боем бились чувства – желание совершить невозможное – вернуть настоящего Стёпку, и

желание защитить этого малыша, странного и до жути похожего на её родного сына. – Но... его ведь не вернуть? Никак?

Он отрицательно покачал головой. Он видел, что она пытается разглядеть обман в его глазах, но обмана не было – настоящего ребёнка забрали раз и навсегда, он уже давно стал одним из лесных жителей, духом, незримым призраком для всех людей. Дороги назад для таких детей не было. А для него была – если бы отец, Лесной Владыка, согласился его принять обратно.

– Может, я о многом прошу – я не знаю... – Прошептала она, – Но пожалуйста, живи с нами, как наш сын. Если ты хочешь и можешь вернуться к своим – я отпущу тебя. Но... Но только не так! – Она кивнула в сторону проруби.

– Я не могу вернуться к своим. Меня не примут, я почти что мёртв для них... Я могу уйти только одной дорогой, чтобы не причинять никому боли.

– Я уйду следом. – Твёрдо сказала Ирина и мальчик долго с удивлением смотрел на нее, понимая, что женщина говорит всерьёз.

– Почему?

– Потому что ты – ребёнок, хоть и не человек по крови, и потому что теперь ты – мой сын и я... я полюбила тебя, понимаешь? И это порой терзает меня даже больше всего остального – как будто я предала того, другого сына. Я не буду врать тебе, поэтому скажу, что всегда буду скучать

по нему и желать его возвращения, но это не означает, что из-за этого я буду любить тебя меньше. Ведь не твоя вина в том, что с вами так поступили...

*Он кивнул, сдерживая вновь подкатывающие слёзы, сгла-
тывая горький ком – он никогда не ощущал ничего подобного.*

*– Я останусь с тобой...мама.. И ты никого не предавала. Он знает об этом. – Едва слышно прошептал лесной ребё-
нок, сходя с ума от уюта этих объятий, когда она с новой силой прижала его к себе*

Мирослава словно очнулась ото сна и вытерла слёзы, ко-
торых даже не заметила, пока слушала Стёпку.

Саша сидел рядом, хмурый, поникший – сразу понятно,
что рассказ Стёпки вскрыл и его старые раны. Он судорожно
втянул воздух и резко поднялся, отошёл в сторону.

– Стёпа... – Мирослава коснулась ладонью его руки, вы-
рывая паренька из воспоминаний. – Спасибо что рассказал.
От нас никто не узнает правду. Но скажи – что всё-таки про-
изошло на поляне? Твой разговор с отцом... Что означали
твои слова о том, что ты не будешь проситься обратно?

Паренёк поднялся, подал руку Мирославе:

– Долгие годы я приходил сюда, искал с ним встреч, про-
сил забрать меня обратно. Мне по-прежнему тяжело жить в
мире людей, несмотря на то, что я полюбил своих новых ро-
дителей. Моя...сущность и это тело не совсем совместимы –
каждое движение отдаётся во мне болью.

Но не подумай, что я жалуясь. Мне в любом случае стоило окончательно разорвать эти узы – нельзя всегда жить в двух мирах.

– Получается, что это не из-за нас ты не сможешь вернуться?

– Не из-за вас. Хозяин не хочет принимать меня обратно, для него я сразу был наполовину человеком – существом с изъяном, и он надеялся, что в мире людей я погибну...

– Так для чего тебе нужен такой отец? – Резко спросил Саша, – Твои настоящие родители – люди, как ни крути.

– Я знаю. – Спокойно ответил Стёпка. – Но я ничего не могу поделать со своей истинной сущностью – меня тянет домой. И будет тянуть всю жизнь.

– Твой дом – там. – Саша махнул рукой куда-то в сторону, имея ввиду деревню, – Твоей матери пришлось смириться с такой страшной болью, суметь принять тебя и полюбить, а ты рвёшься... куда? Бегать по лесам и скалить зубы, как вот эти вот... – Он снова махнул рукой, теперь уже в сторону леса.

Мирослава перехватила его руку, крепко сжала:

– Он всё понимает, Саша! Но есть же вещи, чувства, которые сильнее нас!

– Вот именно. – Уже привычным, спокойным тоном ответил Саша. – Некоторые многое отдали бы за такую материнскую любовь.

Мирослава ничего не ответила, снова вспомнив рассказ бабушки о Сашиной семье, точнее о том, что с ней стало.

Стёпка поглядел понимающе и сказал как можно бодрее:

– Давайте же, идём! Вас уже третий день ищут!

– Как третий? – Не понял Саша, переглянувшись с Мирославой.

– Мы же только вчера вечером. . . . – девушка замолчала на полуслове, встретившись взглядом со Стёпкой.

– Время идёт иначе, когда леший водит по кругу. – Паренёк засунул руки в карманы и уверенно зашагал вперёд.

Глава 10.

Солнце близилось к зениту, делалось очень жарко. При-торный запах трав кружил голову, но Стёпка всё вёл друзей вперёд. Ни Саша, ни Мирослава не понимали, как же они сумели за одну ночь зайти так далеко в лес.

Стёпа объяснял это тем, что ребята потеряли счёт времени, потому что находились под воздействием морока, навещённого Лесным Хозяином. По той же причине они сбились с пути и никак не могли найти дорогу назад.

– Меня вот что волнует, – наконец произнёс молчавший всю дорогу Саша. – Почему Хозяин навёл этот морок и зачем ему нужна Мира? Ведь нужна? Я правильно понял?

Стёпа кивнул, глядя в глаза нового друга:

– Да, ты понял почти правильно. Но об этом нам придётся поговорить позже, потому что сейчас мы уже пришли, а разговор выйдет долгим.

И действительно, через пару минут друзья услышали доносившиеся до них голоса людей – оказывается, они стояли на лесной опушке, совсем недалеко от дома Саши – стоило только пересечь небольшое поле, плавно переходившее в болото, усеянное ондатровыми хатками.

– Идите. – Стёпа кивнул в сторону деревни. – Мне лучше не появляться с вами – если увидят, что это я вас вывел из леса, то пойдут слухи, которых и без того хватает.

– Но ты придёшь к нам? Как скоро? – Взволнованно спросила Мирослава, машинально прижав ладонь к груди – туда, где под футболкой прощупывался деревянный кругляш.

– Отдохните сначала. Скоро вы почувствуете, сколько на самом деле провели времени в лесу. – Слегка улыбнулся Стёпа и взглядом указал на руку Мирославы, прижимавшую к груди кулон: – Не снимай оберег, он действительно очень сильный. Пока он на тебе, ни одно лесное существо тебя не коснётся и не наведёт морок. Всё было бы иначе, не оставь ты его дома.

С этими словами парень исчез за деревьями, предоставив друзей самим себе.

– Что мы всем скажем? – Спросила Мирослава, взглянув на хмурого Сашу.

Он неуверенно качнул головой:

– Ну не правду это уж точно, иначе приедут за нами ребята в белых халатах.

– Да, в дурку нам пока рановато, надеюсь. – Устало вздохнула девушка, оглянувшись на лес. – Ведь это всё мне не приснилось?

– Не думаю, что мы с тобой видели одинаковый сон. – Улыбнулся Саша и направился в сторону дома, придерживая девушку за руку, чтобы она не споткнулась на кочках, незаметных в высокой траве.

На поляне, и на болоте – везде были люди. Собралась едва ли не вся деревня, плюс несколько человек в форме и собаки,

которые залаяли, стоило друзьям выйти из леса.

К ним тут же бросились, узнали, повели домой. На ходу полицейские начали вести допрос – кто, откуда, сколько лет, где были и что делали.

Прибежала баба Надя, со слезами на глазах вцепилась во внука и тут же притянула к себе Мирославу, целуя обоих. Затем разогнала всех полицейских, которые выглядели весьма недовольными – приехали по срочному вызову из Кербеевки, собак привезли, а всё ради чего? Подростки, скорее всего не пропадали, а просто сбежали, нагулялись и вернулись, стоило ли из-за этого тревогу поднимать?

Дома у Саши баба Надя быстро накрывала на стол, наливала им горячий чай и всё говорила, говорила...

– Когда ты за Славой побежал, я сразу же в полицию позвонила, только они не сразу соизволили приехать. Тогда я всю Кикеевку на уши поставила, уже сами мы вас искать начали.

Вчера к вечеру явилась полиция, наконец-то, стали с собаками искать. На Глеба я сама лично заявление написала, только они сказали – нет улик, дело заводить не будем. Эти... они ведь разбежались быстро. Погрома в доме нет, только вазу разбили и, как я думаю, забрали компьютер и может ещё чего ценного из вещей – я заходила, но не проверяла, по углам на лазила. Так что тебе, Слава, самой нужно будет съездить в участок в Кербеевке и заявление написать. Толку мало, да только и спускать с рук нельзя такое.

Кстати, бабушка твоя ничего не знает – я побоялась, что её там удар хватит от таких новостей, да и сердцем чуяла, что найдётесь вы.

А собаки-то эти, полицейские... особо далеко в лес идти не захотели – скулили, поджав хвосты.

Ох, как же вас так угораздило-то? Ты, Саша, лес-то вроде хорошо знаешь.

Саша, который чуть ли не залпом пил кружку за кружкой горячий чай, вдруг серьёзно посмотрел на Надежду Ивановну и сказал:

– Баб, нас не три дня не было. Мы только вчера вечером в лес попали. Я Миру увёл за огороды, хотел в обход к нам привести, но оказалось, что там повсюду друзья Глеба. Я не справился бы со всеми сразу, а без потасовки точно не обошлось бы. И тогда сдуру в лес помчался, тоже думал, что хорошо его знаю, со следа собью...

– Да о чём ты внучек? – Баба Надя подозрительно посмотрела на Сашу. – Ты на календарь посмотри – ровно третий день, как пропали вы.

– Саша правду говорит. – Подала голос Мирослава, которая устроилась на диване, свернувшись калачиком и уже почти засыпала, убаюканная навалившейся усталостью и голодом Надежды Ивановны. – Нас леший кругами водил, думали, не выберемся.

Надежда Ивановна вдруг села на стул, вздохнула, покачав

головой:

– Верю я вам, ребятки. – И добавила, заметив удивлённый взгляд Мирославы: – всякого повидала в жизни, вот и верю. Только за то, что вас леший водил, бабке твоей нагоняй хороший нужен!

– Это ещё почему? – Сашка чуть не подавился чаем.

– Да потому что ведающая она – тебе ли не знать! – Надежда Ивановна осеклась, словно сказала лишнего, махнула рукой и посмотрела на Мирославу: – Знает она много про нечисть разную, и как с ней совладать – тоже. Если бы она не утаивала от тебя свои знания, то рассказала бы о том, что если в лесу заблудишься и поймёшь, что кругами ходишь, то сними всю одежду и надень наизнанку. И иди в одном направлении, но спиной вперёд. Так и выйдешь из лесу. Старый проверенный способ – мне о нём ещё моя бабка рассказывала.

– А Вы не знаете, почему она эти знания от меня утаивает? – Устало спросила Мирослава, чувствуя, как тяжелеют веки.

– Не мне тебе о том рассказывать. Если рассудить, то есть у неё на то причины. Только кто знает – может, для тебя и лучше было бы всё знать.

Саша не сводил хмурого взгляда с бабушки, потом молча встал и укрыл пледом уснувшую девушку. Надежда Ивановна только с грустью покачала головой, заметив, как внук нежно коснулся плеча Мирославы прежде, чем уйти.

В доме Быковых и речи не шло о том, чтобы Мирослава отправилась жить домой. Надежда Ивановна, вместе с внуком помогла девушке перенести необходимые вещи из дома Глафиры Петровны, а Сашка переселился в летнюю кухню, уступив свою комнату.

Когда переносили вещи, обнаружили и все пропажи после налёта Глеба. Не было ноутбука, старенького кнопочного телефона, который использовался как домашний, денег, которые Мирослава держала в тумбочке возле кровати- даже искать не нужно было.

Этим же вечером друзья почувствовали, что бродили по лесу не одну ночь, а гораздо больше, – болели мышцы ног и спины, никто их них не мог нормально уснуть, как будто сбились биологические часы.

Мирослава то и дело просыпалась от кошмарных снов, вскрикивала. Дважды к ней заходила Надежда Ивановна, чтобы успокоить, приносила тёплое молоко. Проснувшись в очередной раз и взглянув на часы, девушка решила, что хватит беспокоить добрую старушку и вышла на улицу, накинув на плечи тонкий кардиган.

Она постояла на крыльце, вдыхая густой и ароматный летний воздух, посмотрела на луну, невольно бросила взгляд на летнюю кухню, где ночевал Сашка. Мирослава не удивилась, когда увидела тусклый свет ночника в окне – парень тоже не

спал.

Подошла к домику, и хотела уже постучать в двери, но тут вдруг уловила лёгкий запах табачного дыма, доносившийся из сада. Девушка завернула за угол кухоньки и увидела Сашку, стоявшего в саду с сигаретой в зубах.

Он смотрел на небо и не слышал приближения девушки, поэтому вздрогнул, когда под её ногой хрустнула веточка. Оборачиваясь, парень одновременно отшвырнул сигарету подальше в сад, но увидев Мирославу, облегчённо вздохнул, сказал улыбнувшись:

– Бабушка не одобряет. Ты не против? – Его рука замерла над новой сигаретой, которую он уже собрался достать из пачки взамен выброшенной.

Мирослава помотала головой:

– Не против. – Она встала рядом. Щёлкнуло колёсико зажигалки, оранжевый огонёк выхватил из темноты волевые черты лица. – Не думала, что ты куришь.

– Да я и не курю особо. – Он выдохнул дым в сторону от девушки. – Очень редко. В основном только когда нервничаю.

– А нервничаешь часто?

Он скосил на неё глаза, лёгкая улыбка тронула губы:

– Да всё чаще в последнее время.

Она поняла намёк, кашлянула:

– Я не при чём, оно само так выходит.

Они постояли молча, пока Саша курил. Затем он затоптал

окурок, засунул руки в карманы джинсов:

– Я серьёзно, Мира. Вокруг тебя что-то происходит. И у меня всё не идет из головы слова того... существа, лешего. Он ясно дал понять, что ему нужна была ты.

Девушка поёжилась, снова перебирая в голове события прошлого дня. Точнее – трёх дней.

– Если бы не Стёпка, то что? – Спросил парень сам себя. – Что было бы? Тебя утащил бы леший? Зачем ты ему?

– У меня предположений нет. – Пожала плечами Мирослава. Она и без того пыталась отыскать хоть какую-то взаимосвязь между собой и Лесным Хозяином.

– Нам нужно поговорить со Стёпкой. Как бы там ни было – он знает если не всё, то большую часть. – Решил Саша.

– Ты...сходишь к нему вместе со мной? – С надеждой взглянула на него Мирослава. – Если честно, я его теперь немного боюсь... И так всё произошедшее со мной похоже больше на страшный сон или фильм ужасов, а тут ещё оказывается, что безобидный с виду паренёк – не человек.

– Конечно, схожу, о чём ты спрашиваешь... – Сашка взглянул на неё как-то странно, затем взял за руку. Девушка непонимающе посмотрела на него, но руку не убрала. Её взгляд невольно упал на губы парня, и она поспешно отвела глаза. – Ты не думала о том, чтобы уехать?

Она опешила от такого вопроса – совсем других разговоров ждёшь, когда стоишь в ночном саду и держишь за руку симпатичного тебе парня. Он продолжил, не дав ей загово-

ритель:

– В ту ночь на карьере, я не сказал тебе правду. – Сердце Мирославы ухнуло куда-то вниз, романтические мысли сразу улетучились. – Я видел, то, что тебя удерживало. Но в тот момент и сам не поверил, думал – привиделось. Но теперь понимаю, что всё было по-настоящему.

– И что же...было там?

– Рука. Длинная, костлявая, вся в скользкой чешуе. Я не видел само существо, только руку – вода была очень мутной, темно... Но руку я уж точно разглядел.

По спине девушки пробежал холодок. На неё снова нахлынул страх, который она испытала там, на карьере. Если бы не Саша, то она так и погибла бы там. Или нет? Или её ждала другая, более страшная участь? Кто и куда мог утащить её?

Вспомнились твари из леса – горящие глаза и острые зубы. Сейчас это всё казалось просто сном....

– Эй. – Саша легонько встряхнул её руку, заметив, что Мирослава всё больше погружается в мрачные мысли и поддаётся страху. – Послушай. Ты по каким-то причинам нужна этим лесным тварям. Но если ты уедешь, они не доберутся до тебя. – Он помолчал, затем втянул воздух, будто что-то мешало ему говорить. – Хотя, признаюсь – мне совсем не хочется, чтобы ты уезжала.

Она вскинула голову, удивлённо заглядывая в его лицо, почувствовала, как сердце подпрыгнуло в груди – это что, признание в чувствах?

– Почему? – Спросила тихо.

Но Сашка проигнорировал вопрос, продолжил говорить:

– Если ты решишь остаться, то знай – я буду с тобой, я буду драться за тебя и защищать даже ценой своей жизни, если вдруг на то пойдёт. Но будет лучше, если ты уедешь. – Он прошептал это скороговоркой, затем вдруг порывисто обнял её, коротко поцеловал в макушку и быстрым шагом направился к кухне.

Она услышала, как хлопнула дверь. В окне мелькнул его силуэт, затем огонёк ночника погас. Ещё некоторое время она стояла, в недоумении глядя на кухню. В голове всё ещё звучали слова Сашки, и было в них что-то странное, в интонации с которой он говорил – как будто знал, что драться и умирать придётся.

И от этого ей сделалось страшно. И без того казалось, будто Сашина бабушка тоже хранит какую-то тайну. Вдруг это как-то связано с самой Мирославой, и Сашка знает что-то, о чём не хочет или не может ей сказать?

Решив, что завтра с утра первым делом поговорит со Стёпкой, а потом поедет к бабушке в больницу и уже после решит, что делать, Мирослава направилась к дому. Она твёрдо решила расспросить Глафиру Петровну о тайнах, которые та скрывала, и о колдовских умениях. Неужели, её бабушка действительно ведьма? Может, она сделала нечто такое, что разгневало лесную нечисть, и гнев этот коснулся Мирославы?

Она тихонько прошла в Сашину комнату и достала из сумки тетради – те самые, которые нашла в столе у бабушки. Почему-то из всех вещей она захватила их в первую очередь, ей казалось, что в них она сможет найти хотя бы часть ответов. Вот только нужно их перечитать очень внимательно на этот раз. Особенно места о защитных амулетах и обрядах. Защита – это то, что ей сейчас нужно.

Спать не хотелось, поэтому она удобно устроилась на постели, разложив тетради вокруг, взяв ручку и блокнот. В первую очередь она выписала имена из тетрадей, о которых собиралась спросить у бабушки – Поликарп Дмитриевич К. и Агафья Александровна К.

Глава 11.

Утром на подоконнике стояли цветы в вазочке. Так как цветы ставили со стороны улицы – на ночь окно оставалось приоткрыто, а дверь в комнату заперта изнутри – Мирослава сразу поняла, чьих это рук дело. Вспомнила вчерашний разговор, улыбнулась – Саша всегда был сдержан, спокоен, держал в себе все эмоции и даже в чувствах признался по-своему, не так как сделал бы это другой парень.

Мирослава подошла к окну, улыбнувшись, вдохнула аромат полевых цветов, и подумала о том, что как же это странно – после случившегося с ними слова уже оказались и не нужны. Там, в лесу оба поняли что-то важное о чувствах друг к другу.

Девушка ещё не забыла, как крепко держал её Саша за руку на протяжении их блужданий по лесу. И не забыла того, как он закрыл её собой, когда корявый длинный палец Лесного Хозяина указал на неё. Саша словно сделался выше ростом, обнял так, словно мог собой укрыть её от беды.

И ведь они знакомы совсем не долго, но при этом с Сашей было очень легко говорить, да и чувствовала она себя рядом с ним, будто на самом деле они знают друг друга уже очень давно. Наверное, это и называется родством душ?

Стёпки дома не оказалось, несмотря на то, что Мирослава

и Саша пришли к дому Филатовых почти с рассветом. Мирослава собиралась поехать в Гусарино, в больницу к бабушке, а так как путь не близкий, стоило выезжать пораньше.

Когда друзья постучали в калитку Филатовых, к ним вышла Ирина Афанасьевна и теперь, зная её историю, друзья иначе взглянули на женщину. Раньше они не обращали внимания на её взгляд – полный усталости, тоски, и тепла.

Так смотрят те, кто смирился с утратой и нашёл в себе силы жить дальше, обрёл новый смысл, но не переставал при этом помнить и о том важном, что было потеряно навсегда.

Ирина Афанасьевна держалась спокойно и дружелюбно, пригласила друзей зайти на чай и подождать возвращения Степана. Но все они знали, что парень мог вернуться не скоро, поэтому от чаепития пришлось отказаться.

– Я рада, что вы дружите со Стёпой. – Сказала женщина им на прощание. – У него никогда не было здесь друзей. Заходите к нам в любое время.

Саша проводил Мирославу до остановки. Через пятнадцать минут должен был подойти междугородний автобус.

На остановке они держались в стороне от двух старушек, которые, поздоровавшись, с подозрением поглядели на молодёжь и тут же о чём-то зашептались. Наверняка обсуждали недавнее исчезновение подростков – самая серьёзная новость в Кикеевке за последнее время.

– Ты уверена, что мне не стоит ехать с тобой? – В очередной раз спросил Саша, но Мирослава отрицательно покача-

ла головой.

– Да, уверена. Мне хочется побыть одной и подумать о многом, а дальняя дорога – лучшее место для размышлений.

– Хорошо. Только позвони, когда соберешься обратно. Я буду дома, не пропущу звонок. Приду встретить тебя.

Девушка, несмотря на мягкое тепло, разливающееся в груди, укоризненно взглянула на парня:

– Ты же не собираешься теперь везде сопровождать меня?

– Если понадобится. – Кивнул он серьёзно. – Я не знаю, чего дальше ожидать от Глеба и не хочу, чтобы ты ходила одна по улицам. Тем более – вечером.

– Как думаешь, мне стоит послушать твою бабушку и написать заявление на него?

– Честно? – Парень скривил губы в скептической усмешке. – Написать можно, но менты не станут разбираться с местными. Думаешь, это первый раз, когда их компания вломила к кому-то в дом? В прошлом году они вынесли всё ценное из дома Морозовых, когда те уехали на неделю в город, к родственникам. Вся деревня знала чьих это рук дело, и что? А вот если Глеб узнает про заявление, то может ещё больше обозлиться.

– Я и не знала, что он сколотил целую банду. И значит, теперь нужно сидеть, поджав хвост? – Возмутилась Мирослава, но Саша успокаивающим жестом коснулся её плеча, слегка улыбнулся.

– Конечно же нет. Что-нибудь придумаем. – Он глянул на

дорогу поверх головы девушки. – Вот и автобус.

К остановке подкатил старенький «пазик» с выгоревшими полосками на боках и потёртой «бархатной» обивкой на сиденьях.

– Ладно, до вечера. – Улыбнулась Мирослава. – Если встретишь Стёпку...

– Я договорюсь с ним о встрече, без тебя ничего выяснять не буду. – Закончил Саша и девушка удивлённо ахнула, будто он прочитал её мысли. Перед ступеньками автобуса они на секунду замешкались, и ей вдруг показалось, что вот сейчас Саша её поцелует. Его взгляд и правда задержался на губах девушки, но вдруг в глазах мелькнула какая-то тоска и боль, и он отвернулся, лишь коротко обнял её, легонько подтолкнув к автобусу.

Пока «пазик» разворачивался, Саша помахал рукой, он улыбался, но тоска во взгляде не исчезла.

Когда Кикеевка скрылась за поворотом ухабистой дороги, Мирослава извлекла из сумки блокнот с ручкой и две тетради – одну она прочитала ночью, вторую взяла в дорогу. Просмотрела свои ночные конспекты – заметки и выписки из самой пугающей тетради – той, которая была подписана именами Поликарпа и Агафьи.

Выглядело жутковато – среди собственного торопливого, неровного почерка то и дело можно было разобрать такие слова, как «жертва», «кровь», «порча», «хворь», «бесы».

В конце конспекта она отметила вопросы, ответы на кото-

рые казались особенно важными.

Кто такие Поликарп и Агафья?

Почему Поликарп перестал вести записи, а вместо этого за них взялась Агафья?

В том, что первое время писал именно Поликарп, не приходилось сомневаться – почерк был мужским и многие заговоры написаны в мужском роде.

Записей, сделанных женской рукой было мало, но и выглядели они при этом как страшный дневник сумасшедшей, а не сборник заговоров. Самые странные из них Мирослава отметила закладками прямо в тетради и сейчас пересматривала заново. От некоторых слов становилось не по себе.

Взять хотя бы вот это: «Давеча девки Клюковых пошли по ягоду, да так и не воротились. Искали их трое суток, да чего уж там искать – предупреждала я их, но не поверили. А расплатились бы как положено за услугу мою, так и живы бы остались. Закон наш неписаный ведь как гласит – за всякое дело платить надобно. Я свою часть уговора выполнила, а они – думали схитрить – недели амулетики заговорённые, чтобы я их силу взять в уплату не смогла... Узнать бы кто дал им эту защиту, но то – лишь дело времени. Главное, что лес получил своё, Он взял своё. Глядишь – так и сторгуемся, получу и я то, что мне надобно, а то помирать-то страсть как не охота...»

Подобные записи, от которых у Мирославы по спине начинал бежать холодок, перемежались заговорами и обрядами.

ми, некоторые из которых выглядели совершенно фантастически:

«Чтобы обернуться зверем – найди в лесу пень старый, воткни в него две дюжины ножей и прыгни через них две дюжины раз. Но будь осторожна – стоит кому-то подсмотреть и забрать хотя бы один нож – навеки вечные останешься зверем...»

Разбирать написанное было сложно – почерк мелкий, топорливый, будто писали в большой спешке. Но вот самая последняя страница отличалась – буквы ровные, чёткие, с тщательно выведенными закорючками. Начало текста было похоже на обращение к кому-то.

Мирослава перечитала этот кусочек:

«Но ни к чему тебе наука, здесь описанная. Для того, что бы ведать это ремесло, нужен тебе лишь пройти обряд.

Заклучив с Ним договор, силу получишь нашу. Поликарп не обманет – всё честь по чести будет. Для этого в купальскую ночь, явись в ведьмин час на перепутье тропок, что вдоль Плакуньи. С собой нож медный возьми – им ты кровь себе пустишь, когда настанет момент клятву скреплять. Больше ничего при тебе лишнего быть не должно – только твоё желание продолжить дело нашего рода. Дело наше – во славу Господина и для приумножения его силы, но о том, ты уже верно, знаешь, ведь мать учит дочь свою.

Как будешь на перепутье, позови Поликарпа по имени трижды, и трижды обернувшись противосолонь, тогда и

явится к тебе тот, кто может силу тебе дать. Как слова заветные повторишь – тут же ножом медным пусти себе кровь, да окропи ею тот предмет, который тебе даруют – так ты укрепишь своё слово, и сделка будет совершена, а ты получишь силу и сможешь продолжить дело всего рода нашего.»

Мирослава ничего не поняла из прочитанных слов, но на душе от них делалось неприятно, холодно и одиноко. К кому обращалась женщина, написавшая эти слова? Она надеялась, что скоро узнает об этом от бабушки.

В голове вдруг родилась смутная догадка – «на берегу Плакуньи»? Уж не о реке ли Плакучей идёт речь? Мирославе стало не по себе – заблудившись в лесу, они с Сашей как раз находились недалеко от этой речки, если верить словам Стёпки, а он навряд ли ошибался.

Девушка сделала пометку в блокноте, и открыла вторую тетрадь, которая не была подписана именем. Аккуратный почерк, похож на женский. Писала точно не бабушка – очень сильно отличается наклон букв.

Записи в ней больше привлекали Мирославу – все они были для защиты и охраны от тёмных сил.

«Ангел мой, пойдём со мной. Ты- впереди, я за тобой» – Одними губами прошептала Мирослава, повторив одну из записей. Эти слова рекомендовалось произносить при выходе из дома, особенно, когда отправляешься в дальнюю дорогу.

«Когда приснится дурной сон, постучи трижды по окон-

ной раме и скажи, глядя в окно: «Куда ночь, туда и сон» и беда минует тебя».

Много было заговоров и шепотков для исцеления, например, для остановки крови из раны: «Баба шла по дороге, собаку вела за собой; баба пала, собака пропала; руда стань, больше не кань».

Все слова были такими странными, но тем не менее, вчитываясь в них, Мирослава начинала ощущать прилив каких-то сил, тех самых, в которые она раньше не верила. Девушка предпочитала считать, что просто накручивает себя, но то, что ей довелось повидать за минувшие дни, заставило бы кого угодно поменять своё мнение.

Вторую половину тетради занимали описания трав и рецепты с ними, рекомендации по использованию.

За чтением Мирослава не заметила, как оказалась в Гусарино. До больницы добралась быстро. Она ехала сюда, полная решимости расспросить бабушку обо всём, но стоило оказаться в больнице, как решимость эта улетучилась. Не повредят ли бабушке эти разговоры?

Как хорошо, что Надежда Ивановна не позвонила и не сообщила ей о пропаже внуков – не хотела раньше времени беспокоить подругу, полная веры в то, что ребята найдутся. И теперь, глядя на бабушку, лежавшую на кровати с книжкой в руках, Мирослава засомневалась. Она помнила то отчаяние и страх, которые звучали в голосе Глафиры Петровны в прошлый раз, когда она просила не снимать амулет.

За минувшее время с Мирославой приключилось столько всего, что она и не знала с чего начать и как подступиться с расспросами.

Как оказалось, ей не нужно было ничего начинать – стоило Глафире Петровне увидеть внучку, как взгляд её изменился, и девушка поняла, что та что-то знает. Но откуда? Неужели успела позвонить Надежда Ивановна, и всё рассказать?

– Что-то случилось? – Бабушка пропустила приветствие, лишь похлопала ладонью по постели рядом с собой, и Мирослава замерла в недоумении. – У тебя очень усталый вид, как будто не выспалась.

–И тебе привет, бабуля. Да. Я переехала пока к Быковым, а ты же знаешь, что на новом месте я плохо сплю... – Девушка отвела глаза, всё ещё терзаясь сомнениями. Села рядом с бабушкой на краешек кровати, в нерешительности сжала сумку, не зная стоит ли достать тетрадь.

– Ах, почему Надька не сказала мне? – Всплеснула руками Глафира Петровна и осыпала внучку вопросами. – А почему ты у них? Тебе страшно одной, наверное? И почему ты не звонила так долго? Я уже начала переживать. И сама как не позвоню, вас с Сашей всё дома нет.

Мирослава кивнула:

– Да, страшно стало. А переехала я только вчера, баба Надя ещё не успела тебе рассказать.

Она достала пару книжек для бабушки, коснулась рукой

тетрадей, замерла в нерешительности.

– Что там у тебя? – Старушка наклонилась, чтобы заглянуть в сумку и замерла, увидев знакомые обложки. В палате воцарилось молчание – можно было услышать тихое тиканье настенных часов. Мирослава не спеша достала тетради, протянула бабушке.

– Узнала всё-таки, сама... – вздохнула Глафира Петровна, покачав головой и взяв безымянную тетрадь, погладила её по обложке. – Эх, прихватило меня, я и не успела спрятать их как следует.

– Кто в ней писал? – Мирослава наблюдала за тем, как бережно держит бабушка блок пожелтевших страниц.

– Именно в этой – твоя прабабка, моя мать.

Слова Глафиры Петровны повергли девушку в шок – подобного она точно не ожидала. В голове отчего-то сделалось пусто. Некоторое время обе они молчали, думая каждая о своём. Затем Мирослава тихо спросила:

– Она была ведьмой? И ты тоже ведьма, верно?

Глафира Петровна грустно улыбнулась:

– Да какая из меня ведьма... Так, знахарка разве что, всю жизнь только чаи целебные составляла. – Она отвернулась вдруг к окну, взгляд её сделался туманным, задумчивым. Старушка погружалась в воспоминания. – Никогда я, видит Бог, не использовала свою силу сполна. Лишь однажды...

Она замолчала, сокрушенно покачивая головой и не глядя перелистывая страницы тетради, проводя по ним рукой,

словно гладила. Мирослава решила нарушить затянувшееся молчание, достала следующую тетрадь:

– А это чьи записи?? Кто такие Поликарп и Агафья?

Глафира Петровна нахмурилась, тетрадь в руки не взяла, только отрицательно качнула головой.

– Тоже предки твои. Все у нас в роду, после Агафьи были наделены силой ведьмовской. С неё всё и началось, проклятие это... Хотя, может и раньше – теперь уж никто не сможет сказать наверняка.

Старческие пальцы судорожно сжались на старых страницах, почти сминая их. Словно борясь с собой, Глафира Петровна медленно произнесла, заглядывая в глаза внучки:

– Уезжай отсюда. И не возвращайся никогда. Мне помирать уж скоро, но ты и после того не приезжай.

– Баб, не говори так. Ты же знаешь, что я не уеду. Тем более сейчас, когда тебе плохо...

– А будет ещё хуже, с каждым днём всё хуже и хуже! Такие как я умирают долго, страшно! – Эти слова Глафира Петровна почти выкрикнула, приподнявшись в постели. – Но я не этого боюсь. Боюсь, что и тебя коснётся воля Агафьи.

– Объясни же мне нормально! – Воскликнула Мирослава, бросив тетради обратно в сумку и нервным движением застегнула «молнию». – Говоришь какими-то загадками! Как в кино прям!

– Если бы это было кино...

– Так расскажи мне! – Девушка потянулась к бабушке,

ухватила её за руку в требовательном жесте. Больничное одеяло сползло и Мирослава увидела на руке Глафиры Петровны следы от многочисленных капельниц. – Что это? Почему их так много? Тебе сейчас столько капельниц требуется?

Тут вдруг бросился ей в глаза и землистый цвет лица старушки, и осунувшиеся щёки, почти фиолетовые круги под глазами, и бледные губы. За стеной своего непонимания и вопросов она и не заметила сразу ухудшившееся состояние Глафиры Петровны.

– Тебе было плохо?

– Не твоего ума дело. – Вдруг процедила старушка сквозь зубы. – Сказано тебе – уезжай! Я тебе сразу говорила, просила не приезжать. Думала одумаешься, с родителями уедешь. Так нет же – будто сами черти сюда притянули!

Мирослава оторопела, поднялась с кровати и отступила на шаг – никогда прежде она не слышала в голосе бабушки столько злости и раздражения.

– Почему ты так говоришь? – Тихо спросила она, – Почему не можешь просто рассказать о том, что происходит? Знала бы ты что я пережила за последние дни... что видела. Ты думаешь, что я не поверю твоему рассказу? Так после всего что я видела – поверю!

Глафира Петровна покачала головой:

– Я как раз этого и боюсь – что ты поверишь! Вера – она не всегда к добру. Уезжай.

–Никуда я не поеду! Сейчас я для начала найду твоего

лечащего врача и спрошу о твоём состоянии. А после вернусь...

– Убирайся, я сказала! – Крикнула вдруг Глафира Петровна, сев в постели. – Уезжай домой, настырная девчонка!

На шум в палату забежала медсестра, замерла в недоумении глядя на пациентку и гостью. Мирослава, с трудом сглотив горький ком в горле и сдержав слёзы, загнала обиду поглубже, и взглянула на бабушку:

– Я приеду позже, когда ты успокоишься и будешь готова мне всё рассказать. Главное – выздоравливай.

Развернувшись, почти выбежала из больницы, забыв про врача. Позже вспомнила и решила, что позвонит и узнает всё по телефону. Сейчас всё равно обида не дала бы ни с кем нормально говорить. Хотелось расплакаться – никогда бабушка так с ней не разговаривала, никогда и подумать нельзя было, что однажды она вот так погонит её прочь.

Но нельзя было обижаться на Глафиру Петровну- Мирослава понимала это – ведь на её настроении сейчас сказывается и болезнь, и груз какой-то тайны, от которой она хочет защитить внучку.

Уже в автобусе Мирослава набрала номер Быковых. Саша почти сразу взял трубку и встревожился, уловив нотки горечи в голосе девушки.

– Всё в порядке, Мира? – Спросил он и девушка в своём воображении увидела, как он крепче сжал телефонную трубку и нахмурился.

– Да, просто расстроена. Расскажу, когда приеду.

– Хорошо. Я тебя жду.

Глава 12.

Мирослава едва успела выйти из автобуса, как Саша её тут же обнял – сразу увидел и понял состояние девушки. После этого она уже не смогла сдержаться и расплакалась, спрятав лицо на груди парня.

Он, ничего не говоря, аккуратно отвёл её в сторону – подальше от любопытных глаз, дал девушке время успокоиться, аккуратно поглаживая по спине до тех пор, пока слёзы не закончились. И даже после он продолжал молчать, просто наблюдая за Мирославой, которая, выпрямившись, тяжело вздохнула, провела ладонями по лицу, словно прогоняя прочь плохие мысли.

– Спасибо. – Сказала тихо, взяла Сашу за руку. – Идём домой.

По дороге она рассказала о разговоре с бабушкой и той интонации, которую впервые услышала в её голосе, о её словах, которые обидели, несмотря на то, что Мирослава понимала – бабушка говорила так не со зла.

– Она хочет защитить тебя. – Сказал Саша, когда они рука об руку не спеша шли по просёлочной дороге и наблюдали закат над Пересмешкой. Солнце медленно скрывалось за тёмными елями, озаряя мир мягким золотом. – И, может быть, она права.

– Я должна узнать, что она скрывает от меня. Как я могу

уехать, если даже не знаю от чего бегу?

– Тебе мало случившегося в лесу? – Саша вопросительно вздёрнул бровь. – Мало того случая на карьере и предупреждения домового? Ты же видишь, что происходит нечто странное...

– Я не уеду отсюда пока не узнаю, что именно происходит. Зачем я нужна Лесному Хозяину и что скрывает бабушка. – Повторила Мирослава. Подумав, добавила шутливо: – Вам с бабушкой не удастся так легко от меня избавиться.

Саша остановился, легонько дёрнув девушку за руку, заставляя развернуться к нему лицом и сказал серьёзно, глядя в глаза:

– Никогда так не говори. Я не хочу, чтобы ты уехала, но если так будет лучше для тебя, то я смирюсь... – Он замолчал, читая вопрос в её глазах и обдумывая свои слова. – Ты мне нужна, Мира. Я это понял ещё в первую нашу встречу. Но... я не могу позволить себе... В общем, у меня есть некоторые обстоятельства, из-за которых я не могу сказать тебе то, что ты хочешь услышать.

– Обстоятельства? – Не понимая улыбнулась Мирослава, затем засмеялась. – Неужели ты женат?

– Это было бы слишком просто... – Саша вздохнул, покачал головой, сражаясь с самим собой в желании рассказать ей правду. Но страх потерять её оказался сильнее, и он лишь попросил: – Дай мне немного времени на то, чтобы собраться с духом. Скоро я обязательно всё расскажу тебе, обещаю.

Мирослава устало пожала плечами:

– Как же все вокруг любят лелеять свои тайны. Я уже привыкла, так что подожду. – Помолчала в нерешительности и добавила совсем тихо: – Потому что ты мне тоже нужен...

Дома их уже ждал горячий ужин, а баба Надя снимала со сковороды последние оладьи.

Она спросила было у Мирославы о том, как прошла поездка и удивилась короткому «хорошо» в ответ. Саша подошёл к бабушке, что-то сказал тихо и она больше не спрашивала про Глафиру.

Под конец ужина, когда допивали ароматный малиновый чай в маленькой, но уютной кухоньке, Мирослава заговорила сама, обращаясь к Надежде Ивановне:

– Вы ведь давно знаете мою бабушку. Расскажите, как вы познакомились. С учётом того, что я теперь знаю чем занимается бабушка и верю во всю эту... чертовщину. По-другому не назовёшь.

Надежда Ивановна, кажется, не сильно удивилась просьбе. Мирослава понимала – кто как не лучшая подруга бабушки могла хоть что-то рассказать ей. Поэтому, решила в случае чего не отставать от старушки до тех пор, пока не узнает что-нибудь полезное. Но Сашина бабушка заговорила сама, коротко пожав плечами:

– Да нечего особо рассказывать. Когда мы с покойным ныне мужем моим сюда приехали, он захворал сильно. А она вылечила его травками своими. Она тогда уже прослы-

ла знатной травницей на всю Кикеевку, к ней ещё в те годы даже из Гусарино люди приезжали. И все удивлялись – молодая ведь совсем, а такими знаниями обладает, что вылечивает даже тяжелобольных. Потом у неё, наконец ребёночек родился – Андрей, отец твой – а у меня свой подрастал уже. Мальчишки сдружились, ну и мы с Глафирой тоже.

– У бабушки долго не было детей?

– Да, долго. Уж как она радовалась, когда Андрюшка родился. Вот только, понимаю я, что она всегда о девочке мечтала. – Улыбнулась грустно Надежда Иванова. – Потому как, когда ты появилась, она и вовсе разомлела. Когда ты еще малышкой была, уж как она над тобой дрожала. И как печалилась, когда родители тебя в Браженск увезли.

– Вы ведь знаете, почему она от меня скрывала своё... ремесло?

Надежда Ивановна помолчала, так как на самом деле не хотела вмешиваться в эту историю, но выхода не было – девочка и без того расстроена ссорой с бабушкой. Старушка не понимала почему бы Глафире не рассказать внучке всё как есть – глядишь, тогда и пришло бы к той понимание, сама бы и уехала отсюда без оглядки.

– Она убережь тебя хочет. – Наконец сказала Надежда Ивановна, почти повторяя Сашкина слова. – Не хочет, чтобы сила колдовская тебе передалась.

Мирослава переглянулась с Сашей, сидевшим рядом, задумчиво повертела в руках пузатую кружку с остатками чая.

– Я не понимаю. Это же не простуда, чтобы передаваться. – Улыбнулась нервно. – А даже если и передается мне эта сила, то что с того? Неужели это так страшно? Глядя на бабушку, я так не думаю.

– Ты помнишь, что сказала тебе бабушка в больнице? – Вмешался Сашка. – О том, что такие как она умирают страшно? Знаешь почему?

Мирослава похолодела, вспомнив этот момент в разговоре с бабушкой, покачала отрицательно головой. Надежда Ивановна с укором взглянула на внука и сказала:

– Всегда считалось – и так оно на самом деле и есть – что колдуны и ведьмы очень тяжело уходят в мир иной. Мучаются страшно, если силу свою при жизни никому не передали.

– Значит, она боится, что потом и я... – слова застревали в горле, Мирослава сделала глоток остывшего чая, – что и я буду так же мучиться, если не найду преемника?

– Нет. Она боится того, что, обладая колдовской силой ты будешь, так же, как и все ведьмы, изо дня в день брать грех на душу.

– Какой грех? – Не поняла Мирослава. – Нет, я понимаю, если ведьма делает зло, заговоры там всякие черные, порчу, то тогда она действительно грешит. Но разве бабушка моя, которая травами лечит, она делает что-то грешное?

– И да, и нет. Исцелять она-то исцеляет, но взамен должна что-то у человека взять.

Надежда Ивановна замолчала, покачивая головой в за-

думчивости – не болтает ли лишнего?

– Я так понимаю, что сейчас речь не о деньгах? – Мирослава вопросительно вздёрнула брови, затем нахмурилась. – Что ведьма берёт взамен?

– Силу жизненную. Тот, кто к ведьме обращается, отдаёт ей, сам того не зная, свою силу. Теряет при этом и часть своей жизни. Кто секунду, а кто и годы. От того зависит, какую услугу просит.

Мирослава молчала, переваривая услышанное, не обращая внимания на горячий чай, который поставил перед ней Саша, а после вышел на крыльцо, в сумерки, и закурил. В этот раз Надежда Ивановна не стала делать замечаний внуку – всё же, взрослый уже, сам разберется.

– Глафира часто избегала этого. – Тихо сказала старушка. – Не брала силу у тех, кто приходил к ней за помощью. Своей жизненной силой расплачивалась, от того и хворать начала с недавних пор.

– С кем расплачивалась? – Не поняла девушка, но тут уже Надежда Ивановна лишь пожала плечами.

– Этого я знать не могу. Она ведь и мне не всё рассказывала. Но что я знаю наверняка – над каждой ведьмой есть кто-то посильнее, тот кто и требует эту самую плату.

Мирослава устало потёрла пальцами лоб, пытаясь разогнать то облако мыслей, что вертелось в голове. Встала из-за стола, вылила в раковину свой чай, помыла кружку.

– Как будто в какой-то фильм ужасов попала. – Вздохнула

она. – Что мне с этим всем делать?

Надежда Ивановна лишь сочувственно покачала головой – ответить ей было нечего. Затем она взглянула на внука, который вернулся на кухню, принеся с собой запах табака, и сердце её отчего-то больно кольнуло. Она будто уловила ту незримую связь, возникшую между ним и Мирославой, и отвернулась к окну, чтобы скрыть подступившие слёзы.

Имеет ли Сашка шанс на счастье в этой жизни? Или оно было утеряно в тот вечер, когда его бездыханное тело принесли к Глафире в дом? Она никогда не перестанет благодарить подругу за то, что та спасла её внука. Как и не перестанет проклипать за то, что взамен забрала сына.

– Мира, там Стёпка пришёл. – Явно нервничая, сказал Саша, не заметив удручённого состояния бабушки. Он давно привык к тому, что она часто сидела по вечерам у окна, просто глядя в темноту. Знал, что вспоминала его отца и, наверное, где-то в глубине души продолжала ждать его возвращения – два года слишком малый срок, чтобы смириться с потерей сына.

– Ну, кто-то же должен сегодня добить меня окончательно. – Печально улыбнулась Мирослава и вместе с Сашей вышла на улицу, где в вечернем полумраке стоял на садовой тропинке Стёпка.

Глава 13.

Мирослава подумала о том, что, теперь, наверное, стоило если не бояться, то хотя бы опасаться Стёпку. Кто он или что на самом деле? Существо другого, чуждого мира, скрывающееся под человеческим обликом.

Но страха не было вовсе. Не только потому, что Стёпка спас их в лесу, пожертвовав своей хоть и крохотной, но возможностью, вернуться в свой настоящий, родной мир. Но и потому что Ирина Афанасьевна сумела полюбить его, несмотря на горе, случившееся в её семье. Значит, было за что любить нового сына, и зла нет в Стёпке.

К тому же, теперь, глядя на его осунувшееся лицо, Мирослава будто чувствовала где-то в глубине души отголоски его боли – не только физической.

Чтобы укрыться от назойливых комаров, и спокойно поговорить, друзья зашли в летнюю кухню, где теперь жил Сашка.

– Мама сказала, что вы приходили. – Парень сел на стул, подобрав под себя ноги и обхватив руками тощие колени. Мирослава подумала о том, что Стёпка, наверное, всё же по-настоящему любит свою новую семью, раз называет мамой Ирину Афанасьевну. – Я знаю зачем.

– Да, хочется уже узнать о чём вы говорили с Лесным Хозяином. – Саша принёс из дома ещё два стула для себя и Ми-

рославы, и электрический фумигатор – комаров с мошкой оказалось внутри предостаточно. – Зачем ему нужна Мира?

Стёпка покачал головой:

– Не Хозяину она нужна. В лесу с давних пор обитает сила мощнее, чем он. Сам по себе он не злой, и не стал бы просто так морочить вас и натравливать слуг кикиморовых. Ему просто приказали доставить Мирославу.

– Угу, не злой, а собственного ребёнка прогнал взашей. – Буркнул Саша за что получил толчок в бок от Мирославы.

– В том нет его вины, он лишь следовал древнейшему закону и обычаю. – Как-то устало и отстранённо ответил Стёпа.

– О какой силе ты говоришь? – Спросила Мирослава, заглядывая в глаза паренька.

– О той силе, которой ты обещана, которая рано или поздно придёт за тобой. – Тихий голос Стёпки показался вдруг громким, настолько оглушали слова.

– Кем и кому обещана? Рассказывай по порядку! – Саша нахмурился, невольно подавшись вперёд.

Мирославе показалось, что он сейчас схватит Стёпку за шиворот и начнёт вытрясать из него правду, и потому снова легонько толкнула его в бок. Обычно спокойный Саша сделался нетерпелив. Признаться, она и сама устала от тайн и недомолвок, хотелось, чтобы хоть кто-то прямо рассказал о том, что происходит.

– Глафирой, само собой. Но она это не со зла сделала, а

по незнанию, непониманию... Это давно случилось, задолго до твоего рождения. – Стёпка смотрел на Мирославу, голос его шелестел тихо, словно листья падали. – Теперь же она и сама в беде, потому что не желает расплачиваться тобой за свою ошибку. Но если не тебя, то её саму заберут в вечное услужение, душа её никогда не узнает покоя, всегда будет скитаться меж мирами. Но она готова принять такую участь, судя по тому, что она дала тебе это. – Парень указал на оберег на шее девушки.

В кухне повисла гнетущая тишина. Ни Саша, ни Мирослава не знали, что сказать. Да и что тут скажешь? Звучит всё странно, не укладывается в голове как то, о чём говорит Стёпка, может происходить в реальной жизни.

Но вспоминается лес, бесконечное блуждание в темноте, зубастые твари из болота и Леший, и поневоле начинаешь понимать – правду говорит этот бледный паренек.

Мирослава даже не пыталась представить какой же может быть такая вечность? В постоянном скитании, без отдыха и покоя, среди подобных тварей, которых они видели в лесу.

– Как же она так умудрилась ещё до рождения внучки, обещать её кому-то? – Хмуро спросил Сашка.

Стёпа говорил долго, неторопливо – только теперь друзьям стало понятно, что ему довольно тяжело много разговаривать, поэтому вскоре он перешёл на другой способ донести до друзей то, о чём узнал из разговора со своим настоящим отцом.

Мирослава с Сашей не сразу поняли, что вокруг них происходит что-то чудное. Стёпка говорил и говорил, а они будто не слышали, но видели – так же, как в тот день, когда он рассказал им свою историю.

Перед их взглядами мелькали картины прошлого, будто они смотрели какой-то тусклый фильм, на ускоренном воспроизведении. Стёпка пересказывал то, о чём поведал ему Лесной Хозяин за краткий миг их разговора через соприкосновение рук на той поляне.

Жила-была девочка Глафира, была у неё сестрёнка младшая и мать, про которую все говорили, будто она – колдунья. Сёстры и сами знали, что так оно и есть – к ним в дом часто приходили за помощью.

Мать – ей звали Надеждой – чаще всего снимала хвори при помощи трав – настоев и отваров. Очень редко в их доме звучали слова заклинаний и заговоров, зла она никому не делала и дочерей тому же учила – жить в мире со всеми.

Но однажды что-то случилось и мать изменилась. Начала болеть и плакать ночами, часто у дочерей просила прощения, а за что – не понятно.

Когда матери стало совсем худо, она позвала к себе младшую дочь и сказала, протягивая ей исписанный лист бумаги: «Завтра, на третий час после полуночи, пойдёшь в лес, выйдёшь по тропке на перекрёсток возле Плакуньи и сделаешь всё в точности как здесь написано».

«И тебе станет лучше?» – спросила младшая дочь. В ответ Надежда расплакалась, но быстро взяла себя в руки и твёрдо сказала, что да, ей станет лучше.

Случилось так, что Глафира подслушала этот разговор и поняла – мать замыслила недоброе и решилась пойти в лес вместо младшей сестры, обманом выманила у той записку и заставила ничего не рассказывать матери.

Прочитав написанное на бумаге, Глафира поняла, что мать посылала младшую дочь за силой колдовской, чтобы та стала её преемницей. В записке говорилось об очень странных вещах – будто там, в лесу, будет ждать её дух прапрабабки, которая и станет проводником к получению силы.

Для того, чтобы увидеть её, даны были указания – какие предметы взять с собой и какие действия совершить, стоя на перекрёстке тропок.

Глафире было страшно идти в лес, встретить там нечто неведомое и тёмное. А уж становится ведьмой и во все не хотелось – страшила её эта стезя, но сестру она любила всем сердцем, и готова была даже жизнью пожертвовать ради её блага. Если матери нужна преемница, то пусть лучше она – Глафира – станет ею.

Вернулась девушка домой под утро. Уставшая, промокшая под дождём. Не переодеваясь, зашла в комнату матери и увидела, что она изменилась. Будто сделалась старой, уставшей, а нечто, прежде дающее ей силы, но и терзавшее

изнутри всю жизнь – исчезло.

Надежда, едва увидев дочь, тут же всё поняла, ахнула, закрыв лицо ладонями. Не заплакала, лишь печально покачала головой: «Что же ты наделала, глупая?».

Через пять лет погибла младшая сестра – утонула на новом карьере, где мыли песок для строительства. Тело так и не нашли. Когда пришли к ним в дом, сообщить печальные новости, Надежда не удивилась, лишь плечами пожала грустно.

Только спустя годы Глафира поняла – мать давным-давно ведала об участи, уготованной младшей дочери, и уже несколько лет назад оплакала её. Поэтому Надежда хотела, чтобы именно младшая получила колдовскую силу, а спустя несколько лет унесла бы её с собой в могилу. Сделав страшный выбор, эсеница пыталась таким способом старшую дочь оградить от горькой участи быть ведьмой.

Перед смертью Надежда рассказала Глафире о проклятии, нависшем над всеми эсеницами их рода – каждой уготована судьба стать ведьмой. И всё бы ничего, но даже не делая зла, ведьма причиняет его тем самым, что в уплату за свою помощь всегда берёт жизненные силы тех, кто к ней приходит.

Этими силами питаются существа, которые даруют ведьмам могущество. Кто они – не знают, наверное, и сами ведьмы. Может, это – дьявол, а может, некий сгусток не доброй энергии, который нуждается в подпитке, постоянно

требующий платы за дарованные способности.

Ведьмы они ведь тоже не просто так живут в этом мире – они кому-то нужны для того, чтобы поддерживать в людях веру в потустороннее, в существование мистических сил.

Благодаря этой вере, до сих пор живут создания, считающиеся мифическими – лешие и кикиморы, мавки и русалки, домовые и полевики. От того их и больше было в старые времена – люди верили крепче, не то что в наши дни.

Однако, участь ведьм – будь она злой или доброй, – была не завидна, ведь в определённый момент жизни следовал час расплаты за то, что имела возможность творить колдовство. Большинство ведьм по собственной воле принимали колдовскую силу, желая иметь власть над простыми смертными, или же помогать им – мотивы у всех разные.

И, хотя, Глафира получила силу не по желанию, а по собственной глупости, в попытке оградить обречённую сестру, это не избавляло её от расплаты.

«Рано, или поздно, у тебя родится дочь», – говорила Надежда, -и ты должна будешь рассказать ей о своём ремесле, а после, когда поймёшь, что настало нужное время- отправить в лес, на поклон к духу Агафьи – сильнейшей ведьме в нашем роду – для обретения силы, которая уйдёт от тебя, а перейдёт к дочери. Но ты уже знаешь, как это происходит. Если ты этого не сделаешь, то последний твой час будет ох как тяжёл, а душа не обретёт покоя...

Может случиться и так, что дочь уже родится с даром, но такое происходит очень редко. В любом случае – твоя задача обучить её. Учи правильно, расскажи ей как использовать силу с умом, как не губить души людей, но и самой не погибнуть. Исцеляй силами природы, а не колдовства. А наставления Агафьи – не слушай, злая она была...».

«У меня не будет дочери» – клялась Глафира, на что мать лишь грустно улыбалась.

Позже, когда начала чувствовать и понимать силу, перешедшую к ней, Глафира решила уйти в глубь тайги и поселиться там отшельницей, чтобы никто к ней за помощью не ходил. Но когда уже решилась – даже вещи в дорогу собрала – встретила вдруг весёлого и солнечного Ефима, в которого нельзя было не влюбиться.

Пожили они вскоре, жила душа в душу, вот только детей не было. Сколько раз Ефим утешал любимую, заставлял её врасплох со слезами на глазах – мол, не плачь, дело молодое, всё у нас будет.

Не знал Ефим, сколько раз приходилось Глафире губить едва зародившуюся жизнь. Эта тайна съедала душу Глафиры изнутри, мучила и крутила похуже всякой болезни. До тех пор, пока однажды она сердцем не почувяла – будет мальчик! И впервые не выпила загодя приготовленный ядовитый отвар.

И радовалась сыну, будто и сама заново родилась, надеясь, что остановит проклятие рода. Ведь колдовской дар

передается только по женской линии.

Но время шло, появилась внучка, и Глафира верила в то, что девочка в безопасности, ведь дар передается только от матери к дочери.

Однажды, когда внучке исполнилось четыре года, явилась к Глафире сама Агафья – то ли во сне, то ли на яву. Горящие глаза её заглянули в самую душу Глафиры, холодный, иссохший перст ткнул её в лоб, и голос, доносившийся будто с того света, произнёс: «За то, что хитрила, с тебя особый спрос будет. Отдавай мне ту, что всех тебе дороже!»

Глафира уговорила сына с женой и дочерью уехать подалее от Кикеевки, хотя сама изо дня в день обливалась слезами, тоскуя по родным.

А когда внучку привозили на лето, никогда не рассказывала ей о своём ремесле и о ведьмах. Сделала для неё сильнейший оберег, запрещающий любой нечистой силе прикоснуться к ней, но понимала – этого мало. Всегда есть вероятность того, что девочка заинтересуется колдовством и сама, по собственному желанию захочет принять дар.

И когда начала Глафира чувствовать себя худо, понимать, что близится её время расплаты, решила больше не приглашать внучку в гости, никогда.

Надеялась она унести с собой на тот свет колдовской дар, чтобы больше ни к кому в роду он не переходил.

Глава 14.

Громко, на всю кухню, тикали часы, разрывая тишину. Трое молчали, Мирослава с Сашей – обдумывая услышанное, Стёпка – испытующе глядя на обоих.

– Ты же не предлагаешь Мирославе стать ведьмой? – Наконец сказал Сашка, встал со стула, подошёл к часам и вынул батарейку – звук раздражал его.

– Я вам совсем ничего не предлагаю, я просто рассказал то, о чём узнал от Хозяина леса. Дух Агафьи воззвал к нему, угрозами и обманом заставил привести Мирославу. Она сразу почуяла вас, едва вы ступили в лес, потому что сама она уже много веков является его частью.

– Получается, эта Агафья – моя «прапра»-какая-то бабка? – Сказала Мирослава. – Зачем я ей? Я даже не верила ни во что такое... до недавних пор. Пока не прочитала эти тетради и не попала в лес...

– Какие тетради? – Спросил Стёпка и Мирослава сходила в дом, принесла магические дневники и рассказала ему о их содержании, о том, что сказала ей в больнице бабушка.

Парень внимательно слушал, иногда кивая, параллельно перелистывая ветхие страницы. Больше всего его привлекла тетрадь Поликарпа и Агафьи, он изучил её более подробно, задержавшись на последней записи, на обращении Агафьи... к кому? Наверное, к каждой из своих последовательниц.

– Ну, как бы то ни было, в итоге ты поверила во всё это. – Пожал плечами Стёпка, стукнув тонкими пальцами по обложке одной из тетрадей. – Агафье нужно чтобы дело вашего рода продолжалось, что бы всегда были ведьмы. О мотивах её я ничего не знаю и не имею предположений.

– Просто не принимай этот дар. – Сказал Саша. – Повторю свои слова – уезжай, раз так будет лучше. Если так ты окажешься в безопасности.

– А как же бабушка? – Возмутилась Мирослава. – Получается я должна спастись, а её бросить? Ты ведь слышал... видел... какая участь её ждёт. Всю жизнь она любила меня, как я могу отплатить другой монетой?!

Саша молчал, хмуря брови, потянулся было к пачке сигарет, но передумал:

– Она сама сделала этот выбор. И будет рада, если ты избежишь такой судьбы...

– Она не выбирала. Всё что она выбрала – это спасти сестру. И за это сейчас должна расплачиваться.

Снова воцарилось молчание. Сашка всё-таки вышел на крыльцо, закурил, а Мирослава задумчиво стучала пальцами по столу. Когда парень вернулся, сказала, обращаясь к друзьям:

– А что, разве нет никакого средства против Агафьи? Ведь вон сколько всего есть у ведьм в арсенале – заговоры всякие, порчи, наговоры, не разберешься на трезвую голову. А против получения колдовского дара, против духа Агафьи ниче-

го нет? Я ведь правильно поняла – она наше главное зло?

– Не совсем. – Покачал головой Стёпка, справившись с удивлением в собственном голосе. – Она была сильнейшей ведьмой в вашем роду, возможно, единственная, кто получил некое подобие бессмертия, и теперь обитает в нашем лесу. Но над ней в любом случае стоит нечто другое, ещё более могущественное... Просто так человеку не обрести бессмертия или его подобия, даже ведьме, такое можно только получить в дар.

–Ну и? – Не унималась девушка. – Что-то же можно ей предложить взамен меня, например? Или – не знаю, обряд какой-нибудь совершить, чтобы она успокоилась уже.

Парни смотрели на Мирославу со смесью восторга и удивления.

– Что? – Она вопросительно подняла брови в ответ на их немой вопрос. – Лучше пойти ведьмой стать, или плакать в платочек? Попала... в такую ситуацию, значит нужно как-то выбираться. Вот только... нужно что-то такое, чтобы и бабушке помочь.

– Сейчас июнь... А какое сегодня число? – Спросил вдруг Стёпка невпопад.

Мирослава взглянула на экран мобильного:

– Двадцать второе.

Парень о чём-то задумался, глядя на оставшиеся лежать на столе тетради. Затем, словно нехотя, заговорил:

– Думаю, способ есть. Только опасно очень....

– Какой способ? – Почти хором спросили с нетерпением Мирослава и Саша.

– Нужно запереть дух Агафьи, чтобы она больше не смогла никому являться. Но для этого нужно с ней встретиться. Она должна забрать дар у Глафиры Петровны. Но тебе, Мирослава, при этом нужно не дать своего согласия на получение колдовского дара...

– Как это сделать? – Мирослава подалась вперёд.

– Описание обряда у вас уже есть. – Он кивнул в сторону тетрадей. – На зов явится сама Агафья, или Поликарп кем бы он ни был, я так думаю.

– Думаешь или знаешь наверняка? – Уточнил Саша.

– Думаю. Наверняка я ничего знать не могу, но то что знаю – расскажу, постараюсь помочь.

– Почему? – Саша с подозрением пристально смотрел на Стёпку. Тот не отвёл взгляд, но в какой-то момент, глядя на Сашу, озадаченно свёл брови и о чём-то задумался. Ответил только когда Саша повторил свой вопрос.

– Ты знаешь, что у леших дети рождаются часто? И почти никогда не бывает слабых и больных. Если и случается такое, то неспроста – кто-то «помог».

– При чём здесь это? – Не понял Саша.

– При том, что я, как и еще несколько детей Лесного Хозяина до меня, должен был быть нормальным. Тогда меня не отдали бы людям, тогда не пропал бы в лесу тот, другой мальчик, место которого я занял. Кому-то в чаще понадоби-

лась человеческая душа.

– Агафье. – Поняла Мирослава.

– Другого зла там нет.

– Конечно. – Со скептической усмешкой согласился Саша, вспомнив зубастых болотных тварей. Стёпка пропустил сарказм мимо ушей.

– Если есть шанс избавиться от неё, я помогу.

– Что мне нужно делать? – Мирослава была само внимание, в глубине души не переставая спрашивать себя – не во сне ли она находится.

– Для начала тебе потребуется дополнительная защита помимо оберега, который дала тебе бабушка.

– Нам. – Поправил Саша.

Стёпка испытующе и как-то странно посмотрел на парня и согласно кивнул:

– Вам. Вам понадобится защита. У Мирославы есть амулет «одолень-травы», очень сильный. Не знаю, как Глафире Петровне удалось наделить его такой огромной силой, но его не может коснуться никакое зло. Но этого будет мало при встрече с духом Агафьи. Нужна ещё будет сила плакун-травы, собранной на рассвете Ярилок... – Стёпка тут же поправил себя: – На рассвете Иванова дня, послезавтра.

– Иванов день? – Переспросила Мирослава.

– Ивана Купала? – Догадался Саша. – Но он же только в июле будет, в начале месяца примерно.

Стёпка покачал головой:

– Люди давно поменяли все даты и понятия. Иванов день праздновался двадцать четвёртого июня. Это особый день как для людей, так и для потусторонних сил, да и для самой природы. В этот день все травы обретают особую силу.

Поэтому на рассвете идите к реке Плакучей, на её берегу много плакун-травы растёт, от того и речка так называется. Собирать нужно верхушки с цветами, срывать только голыми руками, срезанная ножом трава эта теряет свою силу.

Ещё вам потребуется серебряный нож. Точнее – Мирославе, потому что наибольшая защита – оберег – находится у неё, ей и придётся запирать дух Агафьи.

– Где же нож-то такой взять? – Задумалась девушка.

– Можно попробовать отлить из ложек. – Тут же ответил Саша, продолжил заметив вопросительный взгляд Мирославы. – У нас есть столовое серебро, должно хватить. Лезвие отолью, потом заточу.

Стёпка снова бросил странный взгляд на друга и будто хотел что-то сказать. Во взгляде его сквозило непонимание. Он чувствовал что-то, скрытое в Сашке, но никак не мог уловить что именно. Понимание вещей и людей у Стёпки было своеобразным – он видел не предметы, а их суть, не людей, а внутренне свечение.

У Мирославы это свечение было чистым, как у обычного человека, чья душа не обременена грехами и злыми делами. У Сашки – тоже, но что-то в его свечении не давало покоя Стёпке – как будто какое-то маленькое пятнышко на

прозрачном стекле. Но что он знал наверняка – вот это самое пятнышко как раз и несовместимо с серебром.

– А как выглядит эта плакун-трава? – Спросила Мирослава, вырвав беловолосого паренька из задумчивости.

– У неё розовые цветы, вы узнаете её – других цветов на том берегу не растёт.

Стёпка поднялся, собираясь уходить, Саша посмотрел на него вопросительно:

– А дальше что? Траву достанем, нож я сделаю, что потом?

– Потом, на третий час после полуночи Иванова дня, вам нужно будет идти в лес. Я провожу вас немного, по пути и расскажу, что делать.

– Хотелось бы сейчас знать, – пожала плечами Мирослава, – чтобы хоть морально подготовиться.

– Там дел не много. – Серьёзно посмотрел на неё Стёпка. – Всего-то, в тот момент, когда Агафья предложит тебе принять колдовскую силу, вонзить в неё серебряный нож и сказать слова: «Серебром заклинаю, замок запираю, лес-навек твой дом, оставайся с миром в нём, слово моё крепко, воля нерушима».

– И всё?

– Всё. Но опасность в другом – не обманет ли она тебя, не проснётся ли в твоей душе соблазн обладать той силой, которую тебе предложат, и хватит ли у тебя храбрости пустить в ход оружие.

– Почему никто прежде не предпринимал попыток запе-

реть её дух? – Поинтересовался Сашка.

– Возможно, из страха или нежелания, а может никто не знал способа или слов. – Пожал плечами Стёпка.

– А ты откуда знаешь? – Саша вдруг почувствовал растущее подозрение и внимательно взгляделся в лицо парня, отыскивая намёки на ложь. Но беловолосый оставался спокоен, отвечая:

– Ты забыл о том, что я – не совсем человек? И, как ни крути, кое-что знаю о колдовстве, силе духов и лесных обитателях.

На том друзья и распрощались. Сашка еще немного постоял у окна, вглядываясь в темноту до тех пор, пока худощавая фигура Стёпки не исчезла за забором.

– Как думаешь, а не обманывает ли он нас? – Наконец спросил он у Мирославы. Девушка сидела за столом, в сотый раз задумчиво перелистывая тетрадь с записями Агафьи и Поликарпа.

Подняв голову, она несколько минут молчала, глядя на Сашку, затем покачала головой:

– Мне так не кажется. Причина помогать у него есть, а ещё помнишь, что он принёс мне мой оберег? А ведь его не может коснуться злая сила или тот, кто желает мне зла, верно? Стёпка хороший, я думаю, хотя и странный.

– Хороший... – Буркнул Саша, отвернувшись к окну. – Тебе что, и правда не страшно?

– Страшно. Очень. – Призналась девушка. – Но выхода

нет, верно? Если я уеду, то тем самым обреку родного человека на страдания. При чём не только в этой жизни... Да и кто знает – спасёшься ли вот так, сбежав?

Саша хмуро кивнул:

– Хорошо. Значит послезавтра идём за травой, а ночью – в лес, будем охотиться на призрака? – Он грустно едва заметно усмехнулся.

– Выходит, что так.

Глава 15.

Солнце ещё не показалось из-за горизонта, когда за ними пожаловал Стёпка и повёл в лес. Он бесшумно ступал босиком по мокрой от росы траве.

Глядя на него, Мирославе и Саше казалось, будто их собственные шаги гулким эхом разносятся по тайге.

Сейчас было особенно заметно, что Стёпка – не от мира сего, как говорят. В лесу изменились все его повадки – от шагов, до жестов. В прошлый раз друзья были слишком измотаны и не могли этого заметить. Теперь же то и дело переглядывались удивлённо, когда тщедушный паренёк с лёгкостью проходил там, где они пробирались с трудом.

Казалось, будто ему не преграждали дорогу поваленные деревья – он перепрыгивал их, едва касаясь, ветки кустарников не норовили оцарапать лицо, или зацепиться за одежду.

Стёпке теперь навсегда был закрыт путь домой, но от этого он не перестал оставаться частью леса, его порождением, а сам лес в свою очередь признавал собственное дитя, даруя лёгкую дорогу.

У Мирославы то и дело перехватывало дух от страха. Стоило где-то в чаще скрипнуть ветке, зашелестеть листьям, и ей начинало казаться, будто вот-вот снова появятся зубастые длиннорукие существа. Успокаивало лишь присутствие парней, особенно Сашино.

Он постоянно поддерживал её на не ровном пути, помогал перебираться через поваленные деревья, отводил в сторону колючие ветки шиповника.

При этом Мирослава то и дело с тревогой смотрела не его перебинтованные ладони. Она знала, что вчера поздно вечером он занимался отливкой ножа – перед тем как пойти в лес, похвастался Стёпке самодельным подобием стилета. Узкое, острое лезвие с рукояткой, обмотанной тонкой полоской кожи. Тогда-то Мирослава и увидела бинты на его руках.

На вопросы он отвечал, что был не аккуратен и обжёгся, пока плавил серебро. Но Мирослава, проследившая недоверчивый взгляд Стёпки, не поверила этим отговоркам, пообещав себе всё выяснить, когда они вернутся из леса.

– Стёпа? – Здесь, в лесу, Мирослава снова вспомнила его историю и те вопросы, которые так и не задала ему. – Скажи, а ты до сих пор хочешь вернуться в лес, ну... домой?

Он коротко глянул на неё, не понимая к чему сейчас этот вопрос и покачал головой, не уловив в выражении её лица ничего, кроме любопытства:

– От моего желания уже ничего не зависит, я отказался от такого шанса в тот день, когда нашёл вас с Сашей.

– А почему отец не хотел принять тебя обратно?

– На самом деле я не знаю ответа, но думаю, отчасти, потому, что тогда ему пришлось бы вернуть того, другого мальчика родителям, а это невозможно.

– Почему невозможно?

– Его душа уже давно стала частью леса, возможно, даже, находится в услужении Агафьи, если наши догадки верны. И что бы ему снова сделаться человеком с разрешения Хозяина, кто-то из жителей леса должен уплатить немалую цену.

– Насколько немалую? – Саша заинтересовался беседой.

– Например, отдать взамен часть своей жизни – ровно столько, сколько лет тот ребёнок провёл в лесу.

– А если бы он, скажем... умер? – Подумав, спросила Сашка и отчего-то нахмурил брови.

Стёпка покачал головой:

– Тогда без вариантов. Принцип простой – жизнь за жизнь, а ни один из лесных не отдаст добровольно всю свою жизнь за воскрешение человеческой души.

– Но, наверное, это мог бы сделать кто-то из людей? – Сашка придержал за локоть Мирославу, которая в очередной раз споткнулась о скрытую в высокой траве кочку.

Стёпка остановился, пристально посмотрел в глаза друга, размышляя, и ответил не сразу:

– Да. Кто-то из людей мог бы, при наличии посредника. Например, очень сильной ведьмы. А откуда ты знаешь? – Парень нахмурился, что-то прикидывая, соображая. Взгляд упал на перебинтованные Сашины руки и его лицо озарила догадка. Саша перехватил этот взгляд, и едва заметно покачав головой, ответил спокойно:

– Да ниоткуда, слышал слухи разные от бабушки.

Мирослава молча наблюдала эту сцену, но понять значе-

ния этих взглядов не сумела. Недовольно окинула парней взглядом – пускай хранят свои тайны, ей бы с тайнами своей семьи разобраться. Поэтому она сделала вид, что ничего не заметила и сказала:

– А если бы... – она на минуту осеклась, осознав, что такой вопрос может оказаться болезненным, – если бы Ирина Афанасьевна...

– Нет! -Прервал её Стёпка резко. –Я всё понимаю, но ей не позволил бы жертвовать собственной жизнью или её частью. Она... она слишком дорога мне.

– Я не понимаю тебя, если честно. – Сказал Сашка. – То есть, ты хочешь вернуться домой, в лес, но при этом не позволил бы Ирине Афанасьевне попытаться вернуть своего настоящего сына... Она вообще знает, что это всё-таки возможно?

– Нет. – Тихо ответил Стёпка, помолчав. – Я не говорил. Когда-то давно и сам думал, что невозможно. Только потом понял, когда постепенно начал узнавать тонкости соседства людей и лесных жителей, и понимать больше в таких делах. Но так и не сказал ей. Потому что шанс на это очень и очень мал. Может случиться так, что она отдаст годы своей жизни, а сын не вернётся, просто не захочет – чаще всего так и бывает, если ребенок провел слишком много времени в лесу. Может быть так, что лес примет эту жертву, но душу ребенка не вернет. Лес хитёр. Точнее – то, что обитает в нём, является его сущностью.

– Ты о чём? Всё о том же, будто кто-то другой даровал Агафье силу и бессмертие? – Спросила Мирослава.

– Да. Вчера я много думал об этом. Мне известно, что здесь давным-давно, уже много столетий подряд, живёт нечто более могущественное, чем Хозяин или дух Агафьи. Я думаю, что это и есть тот, кто требует все эти жертвы и желает, чтобы продолжался ведьминский род.

– И что делать? Значит, всё-таки не Агафья наше главное зло? – Сашка пнул попавшийся на пути мухомор. Большой мухомор.

– Попробуйте это выяснить у неё, когда встретитесь сегодня ночью. – Стёпка продолжал говорить спокойно, но по спине Мирославы пробежали мурашки, стоило представить такую встречу.

– Угу, обсудим за чашкой чая? – Саша осмотрелся, узнавая место. – Мы на той самой поляне. И мухоморы эти везде...

– Всё верно. – Кивнул Стёпка. – Теперь следуйте ведьминой тропой – она отмечена мухоморами, так что – не заблудитесь. Тропа выведет вас к перекрёстку – его вы тоже узнаете – там мухоморы образуют ведьмин круг, растут кольцом. Повернёте налево и выйдете к Плакучей. Соберёте по пучку плакун-травы и возвращайтесь, я буду ждать здесь.

– А с нами не пойдёшь? – Встревожилась Мирослава, вспомнив, что мухоморы выводят как раз к болоту, где обитают те страшные зубастые существа.

– Теперь для меня закрыты некоторые части леса. – Показал головой Стёпка. – Я не могу идти ведьминой тропой, она открывает тайны, которые ни к чему тому, кого отлучили от дома. Со мной вы не дойдёте до реки – тропа уведёт прочь.

Мирослава с Сашей последовали в указанном направлении, но Саша вдруг остановился. Обернулся к Стёпке, который уже уселся на траву под раскидистым деревом.

– Знаешь, мне кажется, ты не прав. – Сказал Саша. – Насчёт Ирины Афанасьевны. Она имеет право знать, что у неё есть хотя бы крохотный, но шанс вернуть сына.

– Не такой ценой... Я ведь не знаю – жив ли он... – Стёпка ответил тихо, пристально глядя в глаза друга.

– Она- его мать, и её право решать высока цена или нет.

– Она и моя мать тоже. – Едва слышно прошептал беловолосый парень, прикрыв глаза. В глубине души он понимал, что Сашка прав. Но страх за жизнь человека – единственного близкого существа, ставшего родным, был слишком велик.

Он смотрел вслед друзьям, которые вскоре пропали из поля зрения, скрывшись за соснами – там, куда вводила ведьмина тропа.

Злополучное, запомнившееся им болото, Мирослава с Сашей миновали без приключений и дальше пошли более свободно – светало, и страхи недавней ночи уже не казались такими явными. К тому же, ночные твари наверняка спят днём в своих норах.

К реке вышли быстро – группы мухоморов указывали дорогу, Приглядевшись, между ними и правда можно было разобрать едва заметную тропку, петлявшую среди кочек, а затем, выведившую на пересечение со второй такой же тропой. Думать о том, кто же мог протоптать их здесь, в самой глуши – не хотелось.

Тот самый ведьмин круг и вовсе нельзя было не заметить – большие мухоморы будто взяли в кольцо перекрестье тропинок.

Берег Плакучей был здесь крутым, обрывистым, сплошь поросший высокими травами, среди которых тут и там попадались розовые свечи цветов – плакун-трава.

Мирослава протянула руку к ближайшему цветку и на секунду замерла в нерешительности – что она делает здесь? И что предстоит ей этой ночью? Вот с этими цветами пойти на встречу с давно умершей прабабкой? И как они её защитят? И почему всё это происходит с ней?

Может и прав Сашка – лучше уехать, сбежать, что бы никакой колдовской дар к ней не прицепился?

Девушка покачала головой, отгоняя такие мысли. Ведь что тогда будет с бабушкой? Этот самый дар не перейдёт к другому, а значит Глафира Петровна будет обречена на вечные страдания.

Мирослава уверенно сорвала несколько цветов и будто почувствовала некую силу, исходящую от них, переливающуюся в её тело. Или это было лишь разыгравшееся вообра-

жение?

Девушка некоторое время постояла, глядя на небольшой букет у себя в руках, продолжая испытывать это странное чувство – будто напитывалась какой-то доброй силой. Из задумчивости ее вырвал голос Саши, который позвал, предложив возвращаться.

Она обернулась к нему и почему-то на мгновение сердце кольнуло тревожное чувство.

– А может это не так уж плохо? – Задумчиво сказала Мирослава, глядя на Сашу.

– Что именно?

– Быть ведьмой. Ну, доброй, конечно. Как моя бабушка, например.... Травками лечить, обереги делать....

– Ну, с такими мыслями нам точно не стоит сегодня ночью никуда ходить. – Усмехнулся Саша, приблизившись, и сердце у Мирославы снова тревожно забилося.

– Саша, тебе не нужно идти со мной, наверное. – Она сама не поняла, почему именно эти слова у неё вырвались.

Он вопросительно нахмурился.

– Это как бы... моя битва, что ли... – Пожала плечами девушка, – Ты ведь всё равно никак помочь не сможешь, верно? И если вдруг что-то пойдёт не так.... Я не хочу, чтобы и ты исчез в этом лесу вместе со мной.

Саша молча притянул её к себе, обнял крепко, уткнувшись лицом в тёмные волосы и тяжело вздохнул.

– Битва у неё, - усмехнулся тихо. – Я только рядом с тобой

жив.... Поэтому не проси меня отпустить тебя одну.

Мирослава не успела ни о чём спросить, потому что Саша вдруг наклонился и поймал губами её губы, от чего куда-то упорхнули все тревоги, предстоящая страшная ночь показалась очень далёкой, а сердце птицей забилось в груди.

Глава 16.

Через час после полуночи Мирослава выскользнула из дома, не разбудив Надежду Ивановну, прошла через двор к летней кухне.

Саша, разумеется, не спал – курил в ожидании.

– Знаешь, мне раньше пачки на год хватало... – Тихо сказал он, притушив окурок о жестянку, служившую пепельницей.

– Вот и бросай. – Мирослава прошла в кухню, положила на стол какой-то конверт.

– Что это?

– Записка. Для бабушки. На тот случай, если... Если я не вернусь.

Саша нервно прошёл вглубь кухни, взял с полки серебряный нож, протянул Мирославе:

– Ты вернёшься. Ты знаешь, что я предпочёл бы, чтобы ты уехала. Но уважаю твой выбор. Ты очень храбрая. Поэтому ты вернёшься.

«Мы вернёмся» – подумала Мирослава, взяла нож, но вслух ничего не сказала по поводу того, что о своём возвращении Саша не упомянул. Не хотела еще больше нагнетать обстановку. И без того на душе было тревожно, по спине непрерывно бежал неприятный холодок. Не верилось, что подписалась на этот поход, что сама же сделала такой выбор.

И всё до сих пор могло казаться плохой сказкой, или дурным сном, если бы своими глазами не видела Мирослава тварей из леса, самого Лесного Хозяина.

Девушка ещё раз проверила – всё ли взяла из того, что перечислил Стёпка. Оберег – на шее, в кармане кардигана – соль, в одной руке – серебряный нож, в другой – пучок плакун-травы. Они с Сашей хотели взять фонарь, но Стёпка запретил – сказал, что нельзя неживой свет, от него и толку будет мало и может помешать обряду. А вот живой огонь, настоящее пламя – потребуется.

Поэтому Саша сделал несколько факелов, пропитанных керосином. Оставалось дожидаться Стёпку – и в путь.

Он явился довольно скоро – неожиданно возник на пороге, хотя и калитка не скрипнула, и собаки по улице не залайли.

По пути к лесу Стёпка давал последние наставления, и в его всегда спокойном голосе можно было уловить тревожные нотки.

– Пока не дойдёте до перекрёстка, не останавливайтесь. Сегодняшней ночью все духи, все существа гуляют. Но у вас – плакун – трава, они её побаиваются, навряд ли сунутся к вам.

На перекрёстке первым делом начертите тройной круг – огнём, солью и серебряным ножом. Только после этого приступайте к самому обряду. Запомнили, что там, в тетради написано-то? Хорошо.

Мирослава ещё раз шёпотом повторила про себя весь текст последней записи из тетради Агафьи, когда дошла до места, где говорилось про окропление предмета кровью, Стёпка кивнул:

– Этого делать ни в коем случае не нужно. Но нож – серебряный – понадобится. Как я говорил- вонзишь его в призрак Агафьи и скажешь слова. Повтори, помнишь их?

Девушка повторила – уж эти слова она выучила на зубок, понимая, что много от них будет зависеть. Удовлетворённо кивнув, Стёпка продолжил:

– Скорее всего, на перекрёстке к вам явятся навьи – тёмные духи, будут выманивать из круга, так вы не обращайтесь внимания, главное – плакун-траву при себе держите, не потеряйте. И ни в коем случае не выходите из круга, кто бы вас ни звал, чего бы вам ни обещали.

Когда появится сама Агафья, попытайтесь для начала с ней поговорить, выяснить что-то полезное о том, кто стоит над ней. Почему ведьмы в вашем роду должны всегда существовать, для чего? И почему не прервалось это проклятие, когда у Глафиры Петровны родился сын, а не дочь. Почему она требует тебя в качестве расплаты.

– Не думаю я, что она будет с нами беседы беседовать. – Покачала головой Мирослава.

– Попытаться стоит. Если не получится, тогда просто сделай как я сказал, лиши силы её дух.

На опушке друзья попрощались. Мирославе очень хоте-

лось, чтобы Стёпка пошёл с ними – он так много знает обо всём этом мире нечистой силы, наверняка его помощь пригодилась бы. Но просить она не стала, тем более, что парень сам всё сказал:

– Мне правда жаль, что я не могу пойти с вами. Но от меня там и толку будет мало, ведь я всё равно остаюсь одним из них... Ночь сегодня не самая добрая, а встать в круг рядом с вами я не смогу – не примет, ещё и границы нарушу своей... сущностью.

– Ты и так помогаешь нам. – Успокоил его Сашка, хлопнув по плечу. – Не скучай тут, мы скоро придём.

– Удачи. – Шепнул Стёпка вслед друзьям. Постоял ещё немного на границе леса, взглядываясь в темноту, прислушиваясь к стихающим вдали шагам. Затем повернулся к лесу спиной и медленно побрёл в сторону дома, спрятав руки в карманы.

Если у Мирославы всё получится, то это может кое-что изменить. Он сможет кое-что изменить, что-то очень важное. Он должен был сделать это давным-давно, но храбрости и сил не доставало. Если Агафья больше не будет властвовать над Лесным Хозяином, то всё может получиться. Хотя, это будет больно....

Ночь выдалась ясная, половинка луны освещала путь там, где не сплетались над головой могучие деревья.

Вначале всё было спокойно, только уханье совы где-то в

глубинах тайги разрывало тишину ночи. Но стоило им приблизиться к поляне, к тому месту, где начиналась ведьмина тропа, как называл её Стёпка, так всё и изменилось.

Появились непривычные для слуха звуки, которые никак не ассоциировались с лесом. Началось с тихого невнятного шёпота, который делался тем громче, чем ближе друзья подходили к ведьминому кругу.

Саша зажёл факел и теперь ни на секунду не отпускал руку Мирославы.

Когда они уже стояли на перекрёсте, откуда-то справа слышался приближающийся перестук копыт. Саша вскинул факел над головой, всматриваясь в темноту, Мирослава уже готова была броситься в сторону, ожидая что вот-вот из леса появится бегущий олень или лось. Но вдруг всё стихло.

– Рисуи круг. – Шепнул Саша, поджигая второй факел.

Мирослава очертила этим факелом круг ровно по центру перекрёстка так, чтобы они с Сашей находились внутри. Достала соль из кармана, села на колени, и аккуратно, тонкой ниточкой рассыпала её, формируя второй круг.

Но едва стоило ей начать чертить третий круг серебряным ножом, как всё вокруг наполнилось голосами, которые завывали, закричали, застучали, оглушая этой какофонией звуков.

Мирослава инстинктивно прикрыла ладонями уши, выронив нож. Но быстро опомнилась, дочертила круг до конца, поднялась на ноги, бросилась к Саше, который тут же прижал её к себе.

Звуки сделались тише, но не исчезли. Казалось, будто по ту сторону круга кто-то бродит и принюхивается, как хищник поджидающий добычу.

Саша водил факелом, вытянув руку, пытаясь разглядеть что-нибудь в ночи, но тщетно – ничего не было кроме звуков.

– Мне не страшно. – Одними губами прошептала Мирослава, сжав в руке свой кулон с символом одолень-травы. С удивлением ощутила непривычное тепло и заметила едва заметное золотистое свечение, исходившее от деревянного кругляша.

Её саму на самом деле сотрясала мелкая дрожь, которую она тщетно пыталась сдерживать. Ладони сделались влажными от холодного пота, который прошибал волнами. А в голове крутилась мысль о том, чтобы остановиться. Может стоит вернуться? Отпустят ли их обладатели голосов? Или может быть отсидеться в круге до утра? Но Мирослава вспоминала о бабушке и гнала прочь эти мысли.

– Выходите из круга. Уже не опасно. – Раздался вдруг совсем рядом Стёпкин голос.

Мирослава с Сашей вопросительно переглянулись.

– Ты же сам говорил – из круга не выходить. – Сказала Мирослава, но Саша одёрнул её и отрицательно покачал головой:

– Ты помнишь, что говорил Стёпка? Не обращать внимания.

Но вдруг и сам замер, когда совсем рядом, за чертой раз-

дался мужской голос:

– На меня ты тоже не станешь обращать внимания, сын?

Сашка замер, как парализованный, лишь глазами искал в темноте знакомое лицо. Но, взяв себя руки, покачал головой:

– Это не ты. Не можешь быть ты.

– Это я, сын. Я так долго ждал что ты придёшь, но ты не приходил...

Сашка поморщился как от боли, прикрыв глаза:

– Батя, я приходил. Каждый чёртов день я приходил на то болото, надеясь отыскать хотя бы твоё тело! Обыскал всё вокруг, хотел ответов...

Мирослава распахнула глаза в удивлении – отец Сашки мёртв? Бабушка рассказывала о том, что он уехал жить с другой женщиной. Сама она никогда не спрашивала у Саши про родителей, опасаясь причинить боль.

– А я тебя ждал...

Мирослава схватила Сашу за руку, развернула к себе лицом:

– Не слушай! Это не твой папа! Ты помнишь? Нас хотят выманить из круга!

В его глазах плескалась тревога и боль, но он согласно кивнул, игнорируя уговоры существа, обладавшего голосом его покойного отца.

Мирослава спрятала нож в рукав, придерживая за рукоять, покрепче сжала букетик плакун-травы и медленно повернулась вокруг себя против часовой стрелки – противо-

солонь. Голоса в темноте продолжали звать, просить. Мирослава даже разобрала голос бабушки.

– Поликарп. – Сказала она едва слышно, так как от волнения голос подвёл. Прокашлялась, пока поворачивалась во второй раз, позвала громче:

– Поликарп.

И в третий раз, нервно выдохнув, почти выкрикнула:

– Поликарп!

Остановилась, тяжело дыша, не зная, чего и кого ожидать – Поликарпа? Кто он такой? Или всё же, Агафью, как был уверен Стёпка?

Звуки стихли. В лесу кто-то засмеялся, Мирослава съёжилась от противного чувства, будто за ними наблюдают. Благодарно пожала Сашкину руку, когда он встал рядом, спиной к её спине, прикрывая от чего бы то ни было.

Смех повторился, но теперь с другой стороны.

– Покажись! – Крикнул Саша. – Что ходишь вокруг да около?!

Неподалёку от них вдруг засветился бледным зеленоватым светом старый пенёк, который друзья почему-то не заметили днём, когда проходили здесь.

Вокруг него закрутилось тёмное марево, перемешиваясь с этим призрачным светом.

Словно замороженные Мирослава с Сашей наблюдали, как над пнём вырисовывался силуэт, медленно приобретающий черты древней старушки в потрёпанном балахоне цвета

земли и мха. Сквозь этот балахон пробивались и тянулись вверх мерцающие ветви.

По пню, в том месте, где должны были быть ноги старушки, ползали тени, напоминающие змей.

В руке она сжимала посох из корявой ветви, весь усеянный костями, подвешенными на нитках. При малейшем движении кости эти постукивали друг о друга, шелестели, и будто шептали что-то. В том, что когда-то они принадлежали человеку сомневаться не приходилось.

Из-под капюшона показалось неприятное лицо со вздёрнутым носом, ввалившимися тёмными глазами и желтыми зубами, которое обратилось в сторону друзей.

– Ну здравствуй, голубушка. – Прощелестел глухой голос, доносившийся будто из-под земли.

Глава 17.

Мирослава поёжилась и невольно отступила на шаг, встретившись взглядом с этими чёрными глазами – ни радужки, ни зрачков, одни бездонные провалы.

Она честно собиралась оставаться вежливой даже в этой ситуации и попытаться разговорить старуху, но язык вдруг словно присох к нёбу и в итоге она не смогла произнести ни слова.

– Ну что же ты молчишь? – Снова зашелестел сухими листьями голос Агафьи. – Подходи, внученька, завершим то что должно.

– А... а где Поликарп? Я ведь его звала... – Мирослава спросила первое, что пришло в голову, в попытке потянуть время, так как помнила наставление Стёпки о том, что нужно поговорить с Агафьей, выяснить что за сила стоит над ней.

Полуистлевший балахон заколыхался, когда старушка засмеялась каркающим тихим смехом:

– Поликарпушка – то? Да вот же он, милый! – Она друг вскинула вверх свой посох и потрясла им, заставляя кости с новой силой стучать друг о друга. – Проводник мой меж мирами, жертвушка моя.

Она опустила посох и почти любовно погладила одну из костей – кажется, ребро. Затем строго взглянула на девушку

и прокаркала:

– Тебе что же, бабка не рассказывала ничего?

Мирослава отрицательно помотала головой, не в силах отвести взгляд от костей.

– Как же ты тогда сумела пожаловать сюда?

– Я сама... Записи Ваши нашла.

– Ах, Глафира-Глафирушка, всю жизнь пыталась избавиться от меня... А ты сама, значит... – Старуха довольно захихикала, и как будто даже подобрела. – Ну раз сама судьба тебя сюда привела, значит всё верно – ты и есть прирождённая. Вторая в нашем роду.

– Прирождённая? – Мирослава крепче сжала кулон, который, кажется, сделался горячее.

– Ведьма. – Кивнула Агафья. – От рождения. Такое редко случается. Первой была мать моя, от неё и я силу унаследовала немалую, но всё же, когда прирождённая – это другое.

– Вы ошибаетесь. – Ответила Мирослава. – Я не верю в колдовство, ведьм и всю эту... чушь.

– Так, а что же ты тогда делаешь здесь? – Усмехнулась Агафья и уже не в первый раз бросила взгляд на Сашку, который опасался вмешиваться в разговор, не зная, как отреагирует на это старуха. – И кто же тогда я, по-твоему?

Мирослава неловко пожала плечами, чувствуя растущую уверенность в том, что всё будет хорошо – от оберега и травы в руке исходило тепло и будто какой-то невидимый свет. Вместе они, словно коконом, окутывали её, ограждая от вся-

кого зла.

– Ну, Вы... – она сделала неопределённый жест рукой, и сама ужаснулась собственной смелости и хамству. – Простите, но Вы – пень. Старый и трухлявый.

Агафья прищурилась, видимо, заметив или почуяв силу, растущую вокруг девушки:

– Ах, Глафира, вижу на славу постаралась. – С досадой цокнула языком. – Защиту тебе мощную сделала, чтобы к тебе и зло никакое не прикоснулось, и силы колдовские не пробудились. Но ничего, ты ведь сюда по доброй воле пришла, значит и силу добровольно просишь?

– Нет. – Отчеканила Мирослава и чуть было не шагнула вперёд, – удержал Сашка. – Я пришла просить за бабушку. Освободите её от дара.

– Так ты и освободишь, когда примешь его.

– Я не приму.

Агафья вскинула брови вверх, стукнула посохом, кости снова загремели.

– Ты хочешь, чтобы я просто так отозвала силу от Глафиры...и всё? Так, внученька, не бывает. Сила она к кому-то перейти должна. Тебе она, конечно, может и ни к чему, при должном-то обучении. Так обучить же некому...

– Зачем ей сила, если Вы утверждаете, будто она прирождённая ведьма? – Не выдержал Сашка, продолжая держать девушку за плечо, опасаясь, что та случайно выйдет из круга.

Старуха смирила его изучающим взглядом, от которого у

парня по спине пробежала волна холода, а волосы на затылке в буквальном смысле встали дыбом, как у зверя. Казалось, ведьма читает его как открытую книгу, видит каждую мысль, каждый изъян, как и то, чем он на самом деле является. С трудом, но Саша выдержал этот взгляд, не отвёл глаза первым.

– Дерзкая, однако, нынче молодёжь пошла... Раньше ниц падали, а не допрос учиняли. – Фыркнула она наконец, но всё же заговорила. – Сила-то она разная бывает. Её – естественная, природная. Если простая ведьма черпает силу от чего-то или от кого-то, то она, – костлявый палец снова указал на Мирославу. – не нуждается ни в каких источниках, так как сама таковым является. Но не понимает этого и не чувствует, потому как не обучена, да ещё оберегом защищена. Моя же задача – помочь ей Силу обрести, и для того должна ей дар колдовской передать.

– Зачем? – Воскликнула Мирослава. – Для чего Вам это нужно? Даже если я стану ведьмой, то не буду творить черных дел и причинять зло людям не буду, не стану брать их энергию, силу. Для чего я Вам нужна? И бабушку мою освободите, она тоже никогда...

– Когда-никогда... – Прервала её старуха, снова стукнула посохом. – Не мне же тебе всё это объяснять, Глафира и должна была, обязана была! Но решила, что сможет тебя оградить, глупая.

Род наш не должен прерываться, потому что служим мы

силам более высоким, нежели наша собственная. Без насведьм – люди совсем перестанут верить в колдовство и мир Нави, и тогда он и вовсе может исчезнуть, а вместе с ним и всего его обитатели. И я, в том числе. А ты, внученька, обладаешь мощным даром. Пройдёт время, и ты научишься отворять врата между нашими мирами, научишься не глядячи вытягивать силы из людей и передавать их нашему владыке – Чернобогу, правителю Нави.

Мирослава вскинула голову, ловя каждое слово – вот то, о чём и должна была она узнать. Теперь, можно действовать, заканчивать этот разговор и запирает дух Агафьи. Только как это сделать – ведь для этого нужно выйти из круга и приблизиться к старухе. Вдруг ничего не получится?

– Не внучка я Вам и сила мне Ваша не нужна. – Покачала головой Мирослава. – Прошу – заберите Ваши дары, оставьте нас в покое.

Агафья будто сокрушённо покачала головой и протянула руку в сторону девушки:

– Ну, полноте. Хочешь спасти Глафиру – подойди и прими то, что тебе предназначено. И амулетик-то сними, а то и не выйдет ничего.

Обернувшись на миг к Сашке, Мирослава сняла с шеи кулон и протянула ему, затем уверенно шагнула из круга, крепче перехватывая рукоять ножа, спрятанного в рукаве – сейчас наступит момент действовать.

Все её мысли крутились вокруг серебряного ножа, она

представляла, как лучше выхватить его, как быстрее пронзить тело Агафьи, куда лучше ударить, чтобы не промахнуться.

Но стоило ей покинуть круг, как старуха повелительно взмахнула рукой, и девушка будто наткнулась не невидимую преграду, и не смогла больше сделать ни шагу.

– Обмануть меня хочешь – чую. – Агафья и впрямь повела носом, принюхиваясь. – А как – не пойму, закрыты мысли твои. Всё же сильна ты и без знаний, и без амулетика защитного.

Мирослава негодуяще вскрикнула, пытаясь пошевелить рукой или ногой и понимая, что старуха просто-напросто провела её, велев снять амулет. Ведь как там Стёпка говорил? Что запереть дух Агафьи нужно ей – Мирославе – потому что именно у неё мощный защитный оберег. Который она по глупости сняла.

Краем глаза девушка увидела, как Сашка уже шагнул к краю круга, чтобы отдать ей амулет, и крикнула:

– Нет! Не смей... – Сашка замер в нерешительности, со злостью глядя на ведьму.

Мирослава думала о том, что раз уж Агафья признаёт, что она сильна и без амулета, то, возможно, и вреда ей причинить не сможет. А вот что грозит Сашке за пределами круга?

– Я готова принять Ваш дар. – Бросила она старухе, стараясь успокоиться и принять смиренный вид. – Ради бабушки. Агафья отрицательно покачала головой:

– Нет в тебе воли доброй, я чувствую. А без неё ничего не получится. Нечто другое ты удумала... Кто-то научил тебя как мне вред причинить? Это кто же? – Она подалась вперёд, но удалиться от пня, видимо, не могла. – Уж точно не Глафира, она не знает.

В следующие мгновения всё произошло очень быстро – Мирослава сначала и понять ничего не успела. Увидела только, перехватив торжествующий взгляд Агафьи, что самым краешком ботинка Сашка наступил на круг. Он так и стоял там, с того момента, когда Мирослава запретила ему приближаться.

Сердце сжалось от дурного предчувствия в тот момент, когда Агафья сказала:

– Ну что же, иногда для доброй воли причина нужна, верно?

Сильно ударила посохом о землю и в тот же миг из темноты, как будто из самого воздуха, появились сотни чёрных рук. Длинные пальцы со всех сторон вцепились в Сашку, вырывая его из круга, что-то хлопнуло и он просто исчез.

– Саша!!! – Не своим голосом закричала Мирослава, тут же почувствовав, как спали с неё невидимые оковы, и она снова обрела возможность двигаться.

Девушка бросилась в круг, будто могла найти там Сашу. Зачем-то позвала его, и со слезами на глазах обернулась к старухе:

– Что ты сделала? Где Саша? Что с ним?

– Он цел, но сейчас в мире Нави. – Почти нежно улыбнулась Агафья, чуть склонив голову. – Ты можешь вернуть его, если хочешь.

Мирослава приблизилась к духу своей прабабки, с ненавистью вглядываясь в её морщинистое лицо.

– Для этого я должна принять Силу, да?

Агафья согласно кивнула и в руке её возник маленький железный ключ. Он висел в воздухе над её ладонью, окутанный призрачным свечением.

– Вот мой дар – ключ от оков, которые удерживают твоего милого. Ты принесла медный нож? Используй его, дай мне свою кровь, окропи ключ. К тебе перейдёт Сила, взор твой откроется, и ты увидишь врата в мир Нави.

– Мне нужно будет...пойти туда? В эту... Навь.

– Боишься? – Усмехнулась старуха. –Это правильно. Но другого способа вернуть его у тебя нет.

– Не боюсь. Ножа у меня нет. – Говорить про серебряный она не собиралась, чувствовала – ещё пригодится.

Агафья ждала. Мирослава стояла, опустив голову, размышляя о том, как могла попасться на такую глупую уловку с оберегом, словно последняя дуручка. Нельзя было снимать оберег, нельзя. Она сунула в карман не нужную теперь плакун-траву, провела ладонью по лицу, отгоняя усталость, страх, непонимание.

– Что будет с Сашкой, если я всё равно откажусь принимать колдовские силы, будь они неладны?

Агафья пожала плечами:

– Он навсегда останется в мире Нави, в оковах, которые по капле будут отбирать его жизнь. Они уже сейчас начали действовать.

Мирослава больше не раздумывала, лишь поднесла к лицу ладонь и с силой впиалась зубами в место пониже основания большого пальца, прокусывая кожу, ощущая солонватый привкус собственной крови.

– Так пойдёт? – С нескрываемой злостью прошипела она, продемонстрировав старухе окровавленную ладонь, на что та хищно улыбнулась и кивнула.

Девушка протянула руку к ключу, с силой сжала в кулак, что бы несколько капель крови попали на него. Кровь зашипела, как будто на раскалённом железе, но когда Агафья протянула ключ девушке, тот оказался холодным.

– И всё? – Устало спросила Мирослава. – Довольны?

– Пока нет. – Бесцветные губы растянулись в хищной усмешке, костлявая рука указала куда-то в лес, где даже во мраке белели стволы берёз. – Врата там найдёшь. Обратишь вернёшься уже другой, вот тогда я буду довольна.

– Я вернусь прежней. – Бросила через плечо Мирослава, ступая во мрак, надёжно пряча ключ, а затем и серебряный нож, в карман джинсов. Она знала, что теперь уже точно не побоится воспользоваться оружием.

– Из загробного мира никто прежним не возвращается. – Засмеялась за её спиной ведьма, снова загремели старые ко-

сти на её посохе, но Мирослава не обернулась.

Глава 18.

Она не особо задумывалась над тем, куда идти – Агафья ведь сказала, что теперь она сможет найти врата в мир Нави. Может, они сами появятся перед ней, или её приведёт к ним так называемое «шестое чувство»?

В душе девушки бурлила злость, больше не сама себя, чем на ведьму. Изнутри грызли отчаяние и боль за Сашку. Не зря, видимо, не хотела, чтобы он шёл с ней – будто чувствовала. Но как Агафье удалось утянуть его из круга? Ведь он его не перешагнул, только случайно наступил на линию. Наверное, этого было достаточно.

И оберег с одолень-травой не помог, хотя в тот момент находился у Сашки в руке. Скорее всего потому, что он был заговорен защищать только Мирославу.

Она шла по высокой траве не спеша, так как в темноте плохо различала кочки и ямы. Берёзовая роща, на которую указала Агафья, была уже совсем близко, когда что-то коснулось ноги Мирославы.

Она инстинктивно отскочила в сторону, содрогнувшись от ледяного касания скользких пальцев. В траве, достигавшей колен, мерзко захихикали – совсем рядом, в двух шагах от девушки.

Мирослава испугалась, сердце заколотилось часто-часто, а по спине побежали противные мурашки. Но, несмотря на

страх, она выхватила из кармана пучок уже увядшей плакун-травы, и замахнулась в ту сторону откуда доносился смех.

– Пошли все к чёрту! Видеть вас не могу и не хочу! Прочь! – Крикнула она, слыша в собственном голосе истерические нотки.

Совсем рядом что-то шлёпнуло, завывло и бросилось в сторону – только трава заколыхалась.

Мирослава, часто дыша, смотрела вослед, пытаясь разглядеть таинственное существо, но тщетно – тварь исчезла в темноте. Судорожно втянув воздух, девушка продолжила путь.

В берёзовой роще казалось светло даже ночью, и поэтому не так страшно. Мирослава уходила всё дальше и дальше, при этом часто касаясь ладонями берёз – ей почему-то хотелось ощутить под пальцами кору этих деревьев, их шероховатость и прохладу.

На минуту она, ведомая каким-то незнакомым чувством, остановилась возле одной из самых больших берёз и прислонилась к ней, обняла ствол руками, прижалась щекой, будто в поисках утешения и защиты.

Слова сами собой сорвались с губ:

– Берёза, берёза, дай мне сил.

Она в удивлении распахнула глаза, потому что всей кожей ощутила нечто странное – будто некий поток начал плавно циркулировать между ней и деревом, наполняя её саму энер-

гией. Под корой что-то шумело – будто вода течёт вдалеке.

В недоумении Мирослава подняла голову наверх, разглядывая дерево, пытаясь увидеть в нём хоть что-то необычное, затем снова коснулась щекой белой коры, плотнее прижавшись ухом, слушая как перекачивается внутри поток чего-то, неведомого ей.

– Спасибо. – Прошептала дереву, когда спустя некоторое время почувствовала себя бодрее, и смогла продолжить путь.

В глубине берёзовой рощи она нашла поваленные деревья, два из них – огромные, старые – упали друг на друга, сцепившись макушками, не утратив при этом связи с землёй, и продолжая расти в таком положении.

Со стороны эти два дерева напоминали гигантские ворота. Мирослава остановилась перед ними, вглядываясь в густой мрак по ту сторону этих ворот – там действительно казалось темнее, чем во всём остальном лесу.

Она подумала о Сашке и смело шагнула вперёд, пройдя под сводом древних исполинов. В какой-то момент, когда тело её почувствовало сопротивление, будто воздух сделался густым и тягучим, Мирослава поняла, что не ошиблась – она только что пересекла границу между миром живых и мёртвых.

Стало тяжело дышать, ноги еле двигались, а вокруг потемнело. Она обернулась – по ту сторону ворот виднелась берёзовая роща.

Девушка медленно, но упорно шла вперёд, с трудом переставляя ноги, пока наконец, не упала на колени. Захотелось передохнуть, отдышаться.

Некоторое время она сидела, вглядываясь в окружающий мрак, потом заметила, что глаза привыкают и начинают различать какие-то силуэты.

Она находилась на опушке смешанного, но сухого леса. За её спиной возвышались деревья, а впереди раскинулось поле с пожухлой травой, пересечённое просёлочной дорогой, а над всем этим нависло серое, хмурое небо без звёзд и луны.

Мирослава поднялась на ноги, не зная куда идти и решила, что если есть дорога, то пойдёт по ней. Она то и дело оборачивалась назад – наблюдая, как отдаляются ворота в её мир.

Когда она вдруг увидела впереди серые тени, бредущие по обочине дороги, то замедлила шаг, захотелось вернуться обратно, пока ещё не поздно и врата совсем рядом.

Но где-то здесь был Сашка, без него она не могла уйти, поэтому продолжала шагать, с опаской догоняя людей, поравнявшись с которыми, непроизвольно содрогнулась.

Мирослава не смогла различить ни черт лица, ни цвета глаз. Серые, безликие, и, как будто бестелесные, полупрозрачные, они медленно двигались вперёд, не замечая девушку.

Мирослава обогнала странных людей, обернулась пару раз, размышляя о том, кто же они такие и пришла к выводу,

что скорее всего это души умерших, раз уж Навь – это потусторонний, загробный мир.

Спустя некоторое время дорога привела к реке. Оба её берега были пустынно, если не считать редких кустарников и одного раскидистого, но мертвого дерева – его ветви давно иссохли, на них не осталось ни одного листочка.

Дорога обрывалась на одном берегу и продолжалась на противоположном, просто выходила из воды.

Мирослава огляделась в поисках переправы – моста, лодки – но ничего не обнаружила. Только серость и пустота вокруг. И бредущие позади неё тени. Вскоре они приблизились, и все, как один, направились в воду, по-прежнему не замечая девушку.

На середине реки тёмная вода поглощала их с головой, но оказавшись на другом берегу, тени обретали плоть, с удивлением распахивали появившиеся вдруг глаза, растягивали губы в робких улыбках.

После этого они продолжали свой путь – кто-то предпочитал и дальше идти по дороге, другие сворачивали в поле, направляясь к видневшимся вдали горам и лесу.

– Что же мне делать? – Прошептала Мирослава, обращаясь к самой себе. Рука сама потянулась к шее – захотелось ощутить прикосновение привычного кулона, наполненного защитной силой. Но его не оказалось на месте – он ведь остался у Сашки.

– У кого искать помощи? Идти ли через реку? Куда ид-

ти? – Девушка слышала отчаяние и страх в собственном голосе.

В нерешительности она приблизилась к воде, казавшейся чёрной, замерла на берегу, наблюдая за шествием теней. Едва приготовилась сделать шаг, как её остановил тихий, но отчаянный возглас:

– Нет! Нельзя!

Мирослава подпрыгнула от неожиданности и попятилась – перед ней стояла низенькая женщина с платком на голове. Она казалась почти прозрачной, но не тенью – Мирослава могла разглядеть её одежду и черты лица, которые от чего-то показались ей смутно знакомыми.

– Я сразу тебя почувствовала, как только ты миновала врата! – Прошептала женщина, сцепив руки на груди в отчаянном жесте. – Тебе нельзя идти через реку –она только для мёртвых.

–Кто вы? – Выдохнула Мирослава, но женщина её будто не услышала. Она запустила руку в карман старой вязаной кофты и извлекла маленький клубочек ниток. Бросила его под ноги и скороговоркой произнесла:

– Иди за клубком, он приведет тебя к тому, что ты ищешь, но никуда не сворачивай. Пойдёшь обратно – не оглядывайся ни за что, иначе навсегда останешься здесь.

Тут же образ начал будто таять, испаряться, в глазах женщины тоска смешалась с нежностью.

– Скажите, кто вы? – Крикнула Мирослава, будто могла

докричаться до призрака, который уже исчез, растворился в воздухе.

Девушка огляделась, отыскивала глазами клубок, который уже укатился далеко вперёд, и побежала за ним. Он уводил её дальше от дороги, держался при этом вдоль берега и не сбавлял скорости, поэтому бежать приходилось быстро – не было времени на рассматривание унылого пейзажа, и обдумывание странной встречи.

Клубок привёл её в небольшую рощу, до последнего момента остававшуюся невидимой, из-за того, что находилась в глубоком овраге. Мирослава почти потеряла клубок из вида, когда тот быстро скатился в овраг и замер на голой земле – травы здесь не было. Деревья в роще оказались такими же мертвыми, как и то, которое росло на берегу реки.

Мирослава подняла клубочек, который больше не сдвинулся с места и положила его в карман, огляделась.

Сашу она увидела не сразу. Он сидел, прислонившись спиной к корням самого большого дерева с чёрной корой и причудливо изогнутыми ветвями. Со стороны казалось, будто парень дремал, но едва он расслышал приближение шагов, как распахнул глаза.

– Мира! – Выдохнул он, и не веря, в отчаянии отрицательно замотал головой.

– Саша! – Девушка упала рядом с ним на колени, обхватила руками за шею, обняла и только тут поняла, что Саша не просто сидит возле дерева.

Некоторые из корней обвили его руки и переплелись в районе груди, создав своего рода оковы. Сам парень выглядел не важно – бледный, осунувшийся. В центре переплетения корней имелось маленькое отверстие, походившее на замочную скважину, Мирослава тут же достала ключ, который дала ей Агафья.

– Как ты попала сюда? – Прошептал Сашка, наблюдая за действиями девушки. – Откуда у тебя ключ?

– Она дала. – Руки Мирославы дрожали, и она не с первого раза смогла попасть в замок, который тут же щёлкнул, и корни будто неохотно начали расплетаться, уползать от Сашкиного тела, напоминая змей.

– Значит ты... – Парень продолжил сидеть даже когда оковы отпустили его. Он качал головой, поджав губы, выдавил с трудом: – Ты приняла дар? Ведьма не дала бы тебе просто так этот ключ. Я прав?

В его голосе было столько боли и гнева, что Мирослава невольно попятилась, никогда она не видела Сашку таким, он всегда оставался спокоен и дружелюбен.

– Да, прав. – Тихо, но твёрдо ответила она. – Иначе я бы не попала сюда. И не нашла бы тебя.

– Да не стою я этого! – Крикнул он, с силой ударив кулаком по земле, поднялся на ноги, пошатнувшись. Мирослава встала рядом, поддержала за плечо:

– Как раз-таки ты – стоишь. – Прошептала девушка. – Ты бы меня не оставил, я знаю.

– Не оставил бы. – Кивнул он и тут же замолчал. Его тело была крупная дрожь, от сдерживаемого гнева на самого себя и на ведьму. Лишь спустя время, он смог успокоиться, разжал кулаки, опустил плечи – сам ведь виноват в том, что так вышло. Нужно было сразу ей всё рассказать.

Саша притянул Мирославу к себе, обнял крепко, почувствовал, как её плечи задрожали – она заплакала, спрятав лицо у него на груди.

– Мира. – Прошептал он, проведя ладонью по её волосам. – Я ценю этот поступок, правда. Но я действительно не стою этого. Меня уже давно нет.

Она подняла голову, ладонью вытирая слёзы, которые всё никак не хотели останавливаться.

– Я должен был давно рассказать тебе кое-что о себе, дать право выбора. Но я не смог. Боялся, что ты испугаешься меня. Боялся тебя потерять.

– Так что ты имеешь ввиду? Что означает – тебя давно нет? – Она шмыгнула носом, ощущая неловкость от своего заплаканного вида, но сил на то, чтобы сдерживать эмоции уже не было.

– То, что два года назад я умер.

Глава 19.

– Нет, Мира, разумеется, я – не ходячий мертвец. – Печально усмехнулся Саша, перехватив её непонимающий, почти испуганный взгляд. – Но я и правда... бывал здесь раньше. Твоя бабушка, можно сказать, не дала мне перейти эту реку. Вот только вернулся обратно не совсем я...

Он махнул рукой в сторону той самой реки, через которую переходили тени. Мирослава мягко отстранилась от парня, отошла на шаг, обхватив плечи руками:

– Расскажи всё с самого начала.

– Сейчас? Здесь?

– Хватит с меня тайн. – Девушка покачала головой, чувствуя тупую боль, растекающуюся в груди. От Сашки она не ожидала подобных секретов, он казался надёжным и простым, никак не связанным с той чертовщиной, которая происходила вокруг Мирославы. – Я не сдвинусь с места, пока ты всё не расскажешь.

– Хорошо. – Он устало опустился на землю. На то чтобы стоять сил не осталось, странное дерево успело вытянуть достаточно много энергии. – Слушай....

Мои родители не в разводе на самом деле. Историю про развод это уже наши с тобой бабушки придумали, чтобы никто лишних вопросов не задавал. Когда-то родители очень сильно любили друг друга. Мама до свадьбы жила в Гусари-

но, а после папа не долго думал, прежде чем переехать в город, хотя Кикеевку он очень любил.

Поэтому и возвращался сюда каждое лето, привозил в гости сначала маму, а потом и меня.

Два года назад...

Два года назад мы, как обычно, приехали в гости. Отец любил ходить в лес за грибами, ягодами. Вот и в тот день он отправился на свою тихую охоту, и меня с собой прихватил.

Всё время пытался приобщить меня к своему увлечению, постоянно в лес тянул за собой. Рассказывал про то как ориентироваться на местности, разбираться в ягодах, кореньях, силки на дичь ставить. Только я не слушал его, всё мимо ушей пропускал...

Знаешь, в то время я не любил ходить в лес, был ведь сильно городским парнем.

Сашка печально усмехнулся, покачал головой и продолжил:

– Вот и в тот день я не хотел никуда идти, думал только о том, чтобы поскорее вернуться домой, общаться с друзьями в чате, в игры играть...

– Не представляю тебя с мобильником... – тихонько усмехнулась Мирослава.

– Да, теперь я тоже не представляю. После случившегося я свой смартфон утопил где-то на болоте... В тот день грибов мы нашли мало, и отец не унимался, шёл всё дальше в лес. А я периодически пытался поймать сеть, часто доставал

мобильник и даже без интернета умудрялся зависать в нём – то фотки глянуть, то пройти уровень в какой-нибудь дурацкой игре, для которой интернет не нужен.

На некоторое время Сашка замолчал, глядя куда-то в пустоту – такой взгляд бывает у людей, погружившихся в воспоминания, заново переживающих события минувших лет.

– В общем, где-то там я оступился, шагнул не туда. Мы как раз на брусничную поляну вышли, отец бросился собирать ягоду... Ты ведь знаешь, что брусника на болотах растёт? Там нужно быть внимательным, а я... я в телефоне был, Мира. В виртуальной, мать её, реальности.

Шагнул я прямиком в топь, а дальше всё случилось быстро. Это ведь сейчас я знаю о том, что, попав в трясину нельзя делать резких движений, а тогда забился как сумасшедший. Пока отец добежал, болото меня уже с головой затянуло, грязная густая вода хлынула в лёгкие... Я до сих пор ощущаю вкус болотной ряски.

Было больно, адски больно, Мира. Последнее, что я помню – рука отца мёртвой хваткой сомкнулась на моём запястье – руки-то у меня над головой были до последнего момента...

Я не знаю какими силами ему удалось вытянуть меня обратно. Ты не представляешь насколько сложно вытащить человека из болота.

Мирослава молчала, наблюдая за Сашкой и тяжело дыша от волнения, вместе с ним проживая ужас тех минут, о ко-

торых он рассказывал.

– Дальше я знаю всё только из рассказа бабушки. Ведь к тому моменту, когда отец сумел вытянуть меня на твёрдую землю, я уже был мёртв.

Он в слезах принёс моё тело домой, вызвали «скорую». Но ты сама знаешь, как оно у нас тут бывает, пока доедут из Кербеевки – три раза можно успеть сыграть в ящик. Да и мёртвому «скорая» уже особо не поможет.

Тогда бабушка решилась на что-то страшное – предложила искать помощи у ведьмы, которая жила по соседству. Мать протестовала. Она верующая была, в церковь ходила, а бабушка с отцом собирались творить какое-то колдовство над её сыном.

Они не смогли её уговорить, сами принесли меня в дом Глафиры Петровны. Бабушка говорила, что та сначала ни в какую не соглашалась, как её ни упрашивали. А просили-то не мало. Не отвар от простуды сделать, а меня к жизни вернуть.

Но в конце концов, Глафира Петровна сказала – то, что лес забрал, то там и остаться должно. А вернуть только одним способом можно – предложить равноценный обмен.

Сашка снова замолчал, провёл ладонями по волосам, взъерошив их, сглотнув комок в горле, продолжил:

– Сказала – за жизнь нужно другую жизнь отдать, и никак иначе вернуть меня не получится. Отец только одно спросил – точно ли всё выйдет как надо, будет ли жить его сын. И

вернулся на болото, чтобы навсегда остаться в нём вместо меня.

Глафира Петровна проводила надо мной какие-то обряды, подробностей не знаю, но только мёртвым я оставался долго – до болота путь был не близкий, хотя отец и торопился. Знаешь, что он сказал перед тем как уйти и утопиться в этой чёртовой трясине? Он сказал, что это его вина – он не доглядел за ребёнком.

А ведь вся вина на мне! Я не смотрел куда иду, мне важнее была какая-то игрушка. Если бы я только мог вернуться в то время.... Я бы силой вырвался из рук отца, добровольно утонул бы, не сопротивлялся. Зато он остался бы жив.

Мирослава приблизилась, села рядом с Сашкой, обняла его крепко, прижав к себе голову, проведя рукой по волосам, но сказать ничего не смогла. Любые слова теряли смысл в сравнении с этим горем и душевными терзаниями Саши.

Ей вдруг стал понятны те взгляды, которыми обменялись Саша и Стёпка накануне в лесу. Сашка уже тогда знал не понаслышке о том, о чём рассказывал Стёпка: «Принцип простой – жизнь за жизнь, а ни один из лесных не отдаст добровольно всю свою жизнь за воскрешение человеческой души.»

Сашка спросил тогда: «Но, наверное, это мог бы сделать кто-то из людей?» Он знал, что мог, ведь его отец отдал жизнь за него.

Они молчали, Мирослава обдумывала услышанное. Во-

круг стояла мёртвая тишина, всё вокруг было безжизненным, каким-то серым, окутанным дымкой. Спустя некоторое время, она всё же спросила:

– Почему ты боялся рассказать о себе? Думал я испугаюсь?

– Я не знал как и с чего начать-то такое рассказывать... – Покачал головой Саша. – А ещё... Это ведь не всё. Порой мне кажется, что со мной из этого мира пришёл ещё кто-то. Или что-то. Не смогу объяснить, но в глубине души часто чувствую нечто чужое, тёмное.

Это нечто постоянно тянет меня в лес – я только недавно понял. Сначала принимал это за желание найти тело отца... Всё искал то самое болото, да так и не нашёл. А ещё это – он легонько постучал себя по груди, – не отпускает меня за пределы Кикеевки.

Наверное, покажется смешным, но я знаю, что не смогу уехать отсюда. В первый год постоянно пытался – не мог находиться там, где из-за меня умер отец. Но всегда всё шло так, что я невольно возвращался. То автобус ломался, то в аварию попадал на ровном месте.

Я и пешком пробовал уйти, но стоило отдалиться от деревни, как я терял все силы, чувствовал себя так, будто умираю... Сложно объяснить... В общем, хотя бы немного живым я ощущаю себя только в Кикеевке.

Моя мать... она тоже это почувствовала – то, что я изменился. Я видел, что она начала бояться меня. Сначала она,

конечно, обрадовалась, когда я вернулся домой и на этот раз был жив, но позже... Осознала, что я оставался мёртвым слишком долго, а ещё позже узнала по какой причине отец больше не вернётся, и поняла, что со мной что-то не так. Смотрела на меня как на чужого, а после и вовсе уехала. Я не могу её винить, я понимаю.

Мира, мне иногда кажется, что у меня теперь две души. С момента возвращения я начал замечать за собой приступы гнева, какую-то звериную тоску иногда... Как будто я здесь чужой.

А еще я вдруг обнаружил, что не переносю серебро. При каждом прикосновении к нему, у меня появляются жуткие ожоги. Я бы мог думать, что это какая-то редкая аллергия, но у меня никогда раньше такого не случилось. Да и ожоги... слишком страшные они, в общем. Думаю, если воткнуть тот серебряный нож в меня, то я тут же умру.

Мирослава бросила взгляд на его забинтованные руки и сердце её сжалось от боли – какой же ценой он отлил этот серебряный нож для неё? Знал, что будет больно, останутся раны, но всё равно делал то, что считал должным. Она снова потянулась было к Сашке, чтобы обнять, но замерла, услышав его следующие слова.

– Если с гневом я научился справляться, то побороть другие ощущения мне не по силам. Было до сих пор. Пока тебя не встретил. Рядом с тобой я этой тоски не ощущаю. Это можно сравнить с тем, как будто вернулся домой. Будто ты

и есть мой дом...

Мирослава скрестила руки на груди, поёжилась как от холода, исподлобья глядя на Сашку. Помедлив, решила задать вопрос:

– Так значит ты поэтому... – слова застревали в горле, не хотелось озвучивать своё предположение, – Я имею ввиду то, что ты теперь со мной и тот поцелуй...

–Нет! – Воскликнул он поспешно, коснулся её плеча, сжал крепко. – Нет, не смей так думать, прошу. То, что я чувствую... я хочу быть с тобой, потому что полюбил тебя с первой нашей встречи, а всё остальное осознал позже.

Ты сразу понравилась мне, но в ту ночь, когда мы убежали в лес... Тогда-то я и почувствовал всё остальное, Мира. Будто ты оберегаешь меня от того зла, которое притаилось у меня внутри.

–Саша, я бы никогда не подумала, что в тебе есть какое-то зло. Ты всегда так спокоен, уравновешен... Не верится мне...

– Я научился с этим жить, бороться, не давать никогда волю этой злобе. Хотя по началу было тяжело. Меня выводили из себя малейшие пустяки, до такой степени, что я готов был крушить всё вокруг, ломать... Мог бы и избить кого угодно, попадись в такой момент кто-то под руку. Даже сейчас иногда. Да вот, хотя бы, в тот день, когда Глеб не давал вам со Стёпкой уйти. Поверь, я готов был убить его только за то, что он замахнулся на тебя. И сделал бы это, если бы он

не отступил. Думаю, он это понял, тоже почувствовал, потому и не стал связываться, несмотря на то, что он любитель подраться...

Сашка сидел, опустив голову, глядя на черную растрескавшуюся землю. Мирослава первой поднялась на ноги, отряхивая пыль с коленей, протянула парню руку:

– И всё же, ты мог бы рассказать мне раньше.

– Тебе что, не страшно? – Он посмотрел на неё снизу вверх.

– Слушай, я видела лешего, за мной гнались какие-то зубастые лесные твари, я встретила дух своей злобной прапра – сколько-то раз «пра» – бабки-колдуньи, приняла какой-то там дар, попала в загробный мир, где и нахожусь сейчас, а ты хочешь меня испугать тем, что был мёртв? – Она фыркнула и нетерпеливо качнула рукой, протянутой в его сторону. – Идём уже скорее отсюда.

Саша принял её руку, привычно сжал узкую ладонь, чувствуя, как по телу разливается предательское тепло.

– Саша, мне очень жаль, что с тобой и твоей семьёй случилось всё то, что ты рассказал. Я не представляю, как ты сумел пережить всю эту боль. И уж не знаю, что там творится у тебя внутри, но ты не злой. – Сказала она, заглянув ему в глаза. – Может и нет никакого зла, может быть, тебе это просто кажется... ты ведь не знаешь, что должен чувствовать человек, который побывал на другой стороне.

Он крепко обнял её, уткнувшись лицом в густые волосы,

прошептал «спасибо». Затем, вспомнив о чём-то, достал из нагрудного кармана оберег Мирославы и надел ей на шею.

Они выбрались из оврага, Мирослава непонимающе осмотрелась – местность вроде как изменилась, а река блестела и вовсе в другой стороне. Неужели ландшафт здесь способен меняться, пытаться сбить с дороги? Или она так торопилась за волшебным клубочком, что утратила чувство пространства?

–Клубочек! – Шепнула она и достала из кармана тот моточек пряжи, который привёл её к Саше. Сработает ли он ещё раз? – Покажи дорогу домой...

Она бросила его на землю и тот покатился вперёд, Мирослава поторопилась за ним, увлекая Сашу за собой.

– Что это? Уже научилась колдовским штучкам? – Не весело пошутил он.

–Нет... Я тут встретила женщину. Она была похожа на призрак и... – Мирослава осеклась, осознав, кого напонила ей старушка. – Да она же на мою бабушку была похожа, только моложе!

Девушка рассказала Саше о странной встрече и неожиданной помощи. За это время клубочек успел привести их к тому самому лесу, из которого пришла Мирослава – где-то там должны быть врата в мир живых.

–Возможно, это была твоя прабабушка? – Предположил Саша и взял в руки клубок, который больше никуда не катился, а замер на опушке. – Оставить здесь или с собой возъ-

мём? Интересно, получится забрать его отсюда домой?

– Нет, наверное, нет... Мне кажется не стоит нести в мир живых то, что принадлежит мёртвым. – Мирослава посмотрела на пряжу в руках Саши. Он хотел повернуться, чтобы бросить клубок в траву, в ту сторону откуда они только что пришли, но девушка вовремя схватила его за плечи, остановила и сказала, не поворачивая голову: – Нельзя! Оборачиваться нельзя! Она, эта женщина предупреждала...

Она взяла клубок из Сашиней руки, на мгновение прижала к груди, прошептав слова благодарности, надеясь, что призрачная помощница сможет услышать её. Затем опустила его на землю и не оглядываясь пошла в глубь леса, крепко держа Сашу за руку.

Глава 20.

Дорогу назад искать не пришлось – стоило им войти в лес, как врата нашлись сами собой, между стволами старых могучих деревьев виднелась всё та же берёзовая роща. А от самых врат и до перекрёстка ведьминой тропы тянулась едва заметная путеводная ниточка, похожая на паутинку, мерцавшую в лунном свете.

Агафья ожидала их на прежнем месте, клубилась живым туманом над древним пнём. Мирослава отпустила Сашину руку и ускорила шаг. Странно, но с того самого момента, как они пересекли врата, в её душе укрепилась уверенность в том, что она сможет совершить задуманное. Знала, что всё будет хорошо – так, как захочет она сама.

Помимо этого нахлынули и другие неведомые чувства – будто внутри неё просыпается некая древняя сила. От этой силы шло и знание, и уверенность.

– Ну что же, ты справилась, голубушка. – Проворковала ведьма, когда девушка и парень приблизились. Она изучающе осмотрела Мирославу с ног до головы, словно выискивая изменения. – Я не сомневалась в тебе.

Мирослава в задумчивости смотрела на призрак Агафьи. Она, не торопясь, приблизилась к ней почти вплотную, больше не чувствуя страха. На мгновение ей показалось, будто ведьма в недоумении нахмурила брови, прежде чем загово-

рять опять:

– Сила в тебе большая, да. Хорошо, что ты приняла дар, будешь могущественной ведьмой.

– Не буду. – Покачала головой Мирослава. – Над нами властно только то, во что мы верим. Наши действия исходят из наших мыслей. А я просто не умею мыслить так как Вы, злобно.

Агафья рассмеялась:

– Не говори глупостей, внучка. Веришь ты или нет – дар при тебе и, рано или поздно ты научишься им пользоваться. Или он сам тебя научит, постепенно, не сразу. От нашей судьбы не уйти.

– Какой судьбы? – С презрением фыркнула Мирослава. – Я не по доброй воле согласилась, Вы меня вынудили. Так о какой судьбе речь?

– О той, по которой не переведутся ведьмы в нашем роду. От матери своей я этот наказ получила, и буду следовать ему. Раньше, задолго до меня, женщины нашего рода добровольно служили господину Нави, а теперь поглупели все, выгоды своей не понимают. Вот и встала я на страже, храню силу, помогаю ей перейти по наследству.

– В чём же выгода? – Мирослава, будто в случайном жесте, обхватила себя руками и незаметно нащупала рукоять серебряного ножа.

– Во власти, глупая. – Усмехнулась старуха, пошамкала беззубым ртом. – И в дарах, которые при должном служении

можно получить.

– Вы получили свои дары?

– Я обрела вечную жизнь, как видишь. Я принесла достойную жертву своему господину. – При этом ведьма слегка потрясла своим посохом, бросив взгляд на кости, которые жалобно застучали друг о друга.

– Это по-Вашему жизнь? Вы же даже с места сдвинуться не можете. – Девушка кивнула на пень.

– В этом мире не могу. – Согласилась Агафья. – Но в Нави я хожу на своих двоих, как и при земной жизни.

– Вы принесли в жертву этого Поликарпа? – Мирослава взглянула на кости. – Кем он был?

– Предок твой. Мой супруг возлюбленный. – Агафья погладила почти нежно длинную кость, походившую на ребро, а Мирослава в недоумении отступила на шаг. – Он помогал другим ведьмам обретать дар, был сильнейшим проводником между мирами. Хотя, он им и остался, благодаря ему я могу существовать сразу в двух мирах.

– Хотите сказать, что за своё бессмертие заплатили жизнью любимого человека? – В голосе девушки прозвучало отращение, и Агафья это услышала, глянула на неё злобно.

– Жить захочешь – кого угодно отдашь.

– Вы не правы.

– Ты ещё молодая, глупая. После поймёшь всё. Ты станешь сильной ведьмой...

– А может и не стану, но всё равно Вы этого не узнаете. –

Пожала плечами девушка. – Я сделаю всё для того, чтобы этот самый дар больше никому не причинил вреда и ничью жизнь не сломал.

– Я узнаю, ведь я – бессмертна, не забывай. – Усмехнулась Агафья. – Конечно же узнаю, и помогу тебе, являться стану, когда позовёшь. И обучу всему, что сама знаю...

– Ага. – Мирослава выхватила нож, крепче сжав рукоять, поймала недоумевающий взгляд Агафьи, и выпалила скороговоркой, на одном дыхании, одновременно нанося удар:

– Серебром заклинаю, замок запираю, лес- навек твой дом, оставайся с миром в нём, слово моё крепко, воля нерушима.

Ведьма поняла всё за секунду до того, как острие ножа пронзило её грудь. Глаза её расширились, недоумевающий возглас слетел с бледных губ. «Кто!?» – Мирославе послышался вопрос в этом возгласе.

Девушка едва удержалась на ногах, потому что соприкосновения ножа и плоти не произошло, рука продолжила движение, рассекая воздух. Со всей силы она вонзила лезвие в трухлявый пень, и поняла – получилось.

По руке тут же поползли длинные тени, те самые, похожие на змей, которые до этого вились у ног Агафьи, но они тут же растворились, а в ладони появился жар.

Мирослава отступила на несколько шагов, вытирая руки краем кардигана, хотя на них не осталось никаких следов или грязи.

Она вдруг поймала себя на мысли, что начала чувствовать всё иначе – как будто перед ней распахнулась некая дверь, которая прежде скрывала от неё тайны мироздания.

Она чувствовала, что смогла запереть то зло, которым являлась Агафья, но не уничтожить. Чувствовала, как по лесу разливается некий зов, радостный клич, недоступный простому человеческому уху.

Оглядевшись, она совсем в ином свете увидела окружающий мир – сейчас она чувствовала каждую травинку, каждый камень, понимала их суть и силу.

Обернулась к Саше, и в районе его груди увидела то, о чём он говорил – что-то тёмное клубилось там, затаившись. Но эту тьму, будто в оковах, сдерживал свет, который исходил от парня – чистый, сильный. Он ещё долго сможет бороться со злом внутри себя, возможно – всю жизнь.

Возможно, чья-то тёмная воля или душа пришла следом за Сашкой из мира Нави. Возможно, познав суть своей силы, Мирослава позже сможет избавить его от этой тьмы, но не сейчас, нет.

– Что с тобой? – Он увидел её странный блуждающий взгляд, обнял, оказавшись рядом. – Всё... всё ведь получилось, да?

Она кивнула.

– Со мной что-то происходит, Саша. – Прошептала она. – Я... я чувствую себя иначе. И очень устала.

– Не пугай меня, Мира. – Он провёл ладонью по щеке де-

ушки. – Идём домой?

Она снова кивнула и поплелась следом за ним.

Мирослава очнулась задолго до рассвета. Всё что помнила о вчерашней дороге домой – половину пути Саша нёс её на руках, потому что она буквально валилась с ног и чувствовала себя так, будто вот-вот потеряет сознание.

Она оглядела уже привычную Сашкину комнату, полежала, прислушиваясь к себе. То, чувство, охватившее её в лесу, почти пропало. Почти, потому что теперь она знала – её восприятие мира изменилось. Она может видеть то, что недоступно простым людям. Интересно, у всех ведьм так происходит? Нужно будет спросить у бабушки...

Вспомнив о бабушке, она застонала в отчаянии, села на постели, потянулась к телефону, но посмотрела на время – слишком рано для звонков.

В недоумении уставилась на дату, высветившуюся на экране смартфона. По всему выходило, что она проспала сутки.

Очень хотелось услышать бабушкин голос, узнать, что она в порядке. Последние несколько дней она ни разу ей не позвонила – не до этого было. Что же, позвонит, когда больница откроется, а пока есть время подумать, осознать.

Девушка тихонько вышла из дома, прошла мимо летней кухни, заглянув в окно – Сашка спал на диване, она решила не будить его. К тому же, ей вдруг захотелось побыть одной

в бабушкином доме.

Мирослава улыбнулась, мысленно поцеловала парня и вышла за калитку, свернув в проулок между домами.

В доме она не стала включать свет – время близилось к рассвету, и поэтому и без того можно было разглядеть все предметы.

Девушка побродила по комнатам, больше не чувствуя прежнего страха оставаться здесь одной. Она надолго задержалась на кухне, возле стола где бабушка занималась травами.

Теперь Мирослава видела их по-другому, видела суть, чувствовала – какую траву нужно применять в определённой ситуации. Она не могла объяснить откуда у неё взялись эти знания, они теперь просто были с ней и всё.

Вдруг в углу раздался шорох. Мирослава спокойно посмотрела в ту сторону, и легко улыбнулась, когда из темноты появилась низенькая мохнатая тень с большими жёлтыми глазами.

Домовой замер посреди кухни, а затем с достоинством поклонился девушке.

– Здравствуй, Домовеюшко. – Она вспомнила как бабушка называла домового. – Спасибо за то, что предупредил об опасности. Жаль, что, всё вовремя не поняла, не поверила сразу в то, что ты существуешь.

– Так то...это.. – голос был вполне человеческим, шелестящим, шамкающим. – Ты тогда не ведающей была, не мог-

ла увидеть и понять толком – тоже. Сейчас – другое дело.

– Я изменилась?

– Отчасти. – Кивнул домовой и по-хозяйски вскарабкался на табурет, уселся, свесив босые ноги и нахохлившись. Увидишь такого мельком, боковым зрением – и примешь за большого чёрного кота, а обернёшься, чтобы рассмотреть – тот уже и пропал. – Теперь ты можешь видеть незримое, повелевать можешь.

– Кем повелевать? – Не поняла Мирослава, облокотившись на стол, разглядывая домового.

– Да всем, что с природой связано и нашим, незримым миром. Этим ты, я чувую, в прабабку пошла.

– Ты знал её?

– Да уж конечно. Я-то тут издревле живу, много кого повидать успел. Надежда – светлой души человеком была, она и матушку Глафиру обучила хорошо, по-доброму.

– А Агафью знал?

Домовой скривился, зафырчал:

– Нет, дед мой знавал, от него наслушался про неё. Щур меня сбереги от такой хозяйки...

Мирослава снова улыбнулась. Подумала о том, что теперь не чувствует и капли страха. Она ощущала доброе тепло, исходившее от этого маленького существа и теперь не понимала-как могла раньше бояться его.

– И всё же, что значит «повелевать»? То есть, если я прикажу тебе сделать что-то, то ты выполнишь?

Домовой снова нахохлился, свёл брови к переносице, ответил недовольно:

– Выполнить – выполню, но спасибо за это не скажу. Мы не любим, когда нами командуют. К тому же, всё от просьбы зависит... Плохие поступки, например, не все любят совершать.

– Не обижайся. – Миролюбиво улыбнулась девушка. – Я просто понять хочу то, что на меня свалилось.

– Пройдёт время – поймёшь. Я чувю – ты сильная, сильнее Глафиры, например. Она не могла меня постоянно видеть, лишь изредка. А с тобой мы вон как долго беседуем с глазу на глаз.

– Откуда у меня может быть такая сила? – Мирослава прищурилась, чувствуя, что эту тайну ей никогда не разгадать за давностью лет. Ведь Агафья сказала, что такой же силой обладала только её мать, которой давно нет в живых.

Домовой, как и ожидала Мирослава, лишь пожал плечами:

– Бывает, такое по наследству передаётся. Может у вас в роду была сильная ведьма, например. А может и вовсе – случайность.

Они помолчали, слушая размеренное тиканье настенных часов.

– Тут к тебе гости опять пожаловали незваные. – Вдруг сказал домовой, и спрыгнул со стула. – Помни о том, что теперь ты можешь повелевать. Больше не нужно бежать.

Он направился в тёмный угол, из которого вышел до этого, когда Мирослава, опомнившись, окликнула его:

– Постой! Как звать тебя, Домовеюшко, есть у тебя имя?

– Митрофаном когда-то кликали...

Девушка проследила за тем, как он растворился в тёмном углу и направилась к двери, распахнув её как раз в тот момент, когда Глеб с одним из своих дружков поднимался на крыльцо.

–Привет. –Сказала она спокойно, замерев в дверном проёме.

– Ты дома? – Оторопел Глеб, замер на ступеньке пониже. – А я всё думал – вернулась или нет.

– Соскучился?

– Может и так. – Он усмехнулся, опёрся о перила, развалившись по-хозяйски и разглядывая девушку. На минуту Мирославе показалось, будто он смущён.

Парень действительно замялся на миг, словно для того, чтобы произнести следующие слова, ему потребовалось слишком много сил:

–Славка, ты это... – он кашлянул, покосившись на друга, который стоял чуть в стороне. – Не держи зла, в общем.

Девушка вскинула брови, скривив губы в усмешке. Знал бы он, куда загнал их с Сашей в ту ночь. Но когда Глеб заговорил дальше, она вдруг всё поняла –парень он дурной, но в том что случилось виноват лишь отчасти.

– Я не собирался вламываться к тебе в дом. Просто...вы-

пили лишнего, Дашка ещё эта науськала... Приревновала она в общем, к тебе.

– Но ты вломился. И вы загнали нас в лес, где мы едва не заблудились. – Пожала плечами Мирослава.

– Не поверишь, Славка!– Глеб стукнул кулаком по перилам.– Вот чёрт будто попутал. Не собирался я гоняться за вами. Просто... припугнуть хотел, понимаешь?

Мирослава верила. Просто кое-кому было нужно, чтобы она попала в лес. Сама она не пришла бы, вот и воспользовались злые силы руками Глеба и его дурной головой.

–Вещи мои верни. – Сухо сказала она, покачав головой.

–Какие вещи? О чём ты? –Парень тут же сменил тон, включил «дурачка» как говорится. Но под пристальным взглядом Мирославы, в котором он теперь подсознательно чувствовал некую силу, Глеб принялся отговариваться: – Я не брал ничего. Это всё парни затеяли. Я поспрашиваю...

– Завтра чтобы на этом самом месте лежали. – Она кивнула на ступеньку, где стоял Глеб.

– А иначе что? – Он не добро посмотрел на неё исподлобья, и по нездоровому блеску в его глазах, Мирослава догадалась, что парень снова изрядно выпил. – Не задавайся, Славка, а то ведь может случиться так, что в этот раз не успеешь убежать. В этот раз я ведь и всерьёз могу...

Она улыбнулась снисходительно, перебила:

– Не можешь, да и я не побегу. Теперь твоя очередь. – Откуда-то вдруг пришла уверенность в следующих своих дей-

ствиях.

Ничего не понимая, Глеб и державшийся чуть позади парень, переглянулись и засмеялись.

Мирослава тоже засмеялась, почувствовав усиливающийся прилив неведомой силы, и вдруг раскрытой ладонью ударила по дверному косяку. Глаза её сверкнули в предрассветном сумраке. Глеб, успев заметить этот блеск, почувствовал вдруг, как по его спине поползли мурашки. Потому что девушка изменилась – как он сразу этого не заметил?

В это время в глубине дома что-то загремело и на улицу вылетел веник, с ходу огрев Глеба по спине. От такого поворота событий оба парня ошалели, закричали благим матом, а Мирослава засмеялась уже в голос, продолжая держать руку на дверном косяке. Так она поддерживала связь с домом, чувствуя каждую его дощечку, которая прежде была живым деревом.

Веник принялся охаживать обоих парней, и те в панике бросились бежать под залиvistый хохот Мирославы:

– Ты чего уходишь-то, Глеб? А? Остайся, поговорим!

Но он уже скрылся за калиткой, а веник, будто обессилев, упал на дорожку. Мирослава подошла к нему, подняла и отнесла обратно в дом.

– Наверяд ли кому-то расскажут, да и сами себе не поверят. Подумают – привиделось с пьяных глаз. – Пожала она плечами, обращаясь к самой себе. Затем засмеялась: – Но лучше так больше не шутить.

Она и не подумала удивиться тому, с какой лёгкостью ей удалось воспользоваться своими новыми силами. Будто и не произошло ничего странного.

На рассвете пришёл Стёпка. Мирослава как раз наливала кофе, когда парень без приглашения вошёл в дом, приблизился к девушке почти вплотную, внимательно вглядываясь в глубину её спокойных глаз. Она не отвела взгляд, хотя не совсем понимала, что же пытается увидеть в ней этот странный парень.

Прошло несколько минут, прежде чем он заговорил.

– У тебя всё получилось, хотя и не так как мы планировали. Теперь ты...

Он замолчал, сел на стул, снял вдруг шапку, явив острые, нечеловеческие уши, сокрушённо опустил голову вниз.

– Мне жаль, что так получилось.

– А мне нет. – Легко ответила Мирослава, поймав недоумевающий взгляд Стёпки. – Я смогу остановить это. Больше по нашей линии никто ведьмой не станет. А я сама не буду творить зло и служить какому-то Владыке Нави, как это делала Агафья. Я, конечно, многого не знаю и не понимаю, но уверена, что всё теперь будет хорошо.

Стёпка порывисто схватил её за руку:

– Я был бы рад верить в это, но ты не понимаешь насколько коварны тёмные силы. Буду надеяться, что твоя душа устоит перед ними.

– Устоит. – Твёрдо сказала Мирослава. Она улыбнулась, и в который раз сама же поразилась тому спокойствию, которое снизошло на неё в прошлую ночь, по возвращении из мира Нави.

Она поставила перед Стёпкой чашку кофе, села напротив, наслаждаясь горячим терпким напитком. Некоторое время оба молчали.

– Сашка в порядке? – Спросил вдруг парень, не глядя на девушку.

– Вроде бы. Но его что-то тяготит. Раньше я не замечала, а теперь... Ты ведь тоже почувствовал это в нём, верно?

Он кивнул, отставив чашку, понимая, что Мирослава всё знает.

– С того света никто не возвращается прежним. – Сказал он. Подумал минуту, затем решился: – Кстати о возвращении... Ты можешь помочь мне в одном деле? Теперь тебе это по силам.

Мирослава вопросительно посмотрела на него поверх чашки и по его решительному взгляду сразу поняла, о чём пойдёт речь.

Глава 21

Они стояли на лесной опушке, у обоих – босые ноги, мокрые от росы, на одежде репейник. Мирослава впервые прошла от дома до леса босиком, удивившись тому, почему не делала этого раньше – как приятно было ступать по прохладной траве, чувствовать силу земли. Последний раз она снимала обувь в детстве, а после не хотелось, да и ноги отвыкли – каждый камушек норовил уколоть побольнее.

– Ты уверен? – Спросила она Стёпку. Голос у неё немного дрожал от переполнявших эмоций. Как ни странно, но к горлу подступил противный горький ком – то ли от близкого расставания, то ли от осознания поступка, который намеревался совершить Стёпка.

Он спокойно кивнул, перехватил взгляд девушки и вдруг обнял её, тихонько и печально засмеялся:

– Не грусти, Мирослава. Быть может, мы ещё увидимся с тобой.

Девушка судорожно втянула воздух, сдерживая подступившие слёзы.

Стёпка всё ей объяснил. Он решил вернуться домой, но не просто так, а отобрав у леса то, что тот когда-то похитил. Для этого ему и нужна была помощь Мирославы – теперь она имела силу, позволявшую приказать Лешему вернуть пропавшего ребенка, а своего родного сына забрать обратно.

Стёпка решил заплатить необходимую цену за возвращение мальчика – отдать годы из своей жизни, ровно столько, сколько провел в лесу настоящий сын Филатовых. Когда он говорил об этом Мирославе, она не видела в его взгляде ничего кроме решимости и облегчения. Решение было не простым, но верным.

И всё бы ничего, но было неизвестно – жив ли ещё настоящий Стёпка? Если нет, то лес в любом случае вернёт мальчика, но заберёт взамен другую жизнь. Светловолосый парень, сейчас обнимавший Мирославу, был готов и к этому.

Понимал, что должен был сделать это ещё много лет назад – попытаться вернуть Ирине Афанасьевне настоящего сына, но очень уж крепко полюбил свою новую семью, да и рисковать не хотел. А вдруг она, узнав о существующем способе, сама себя принесла бы в жертву ради возвращения ребенка? Тогда и Стёпка умер бы от горя.

Но всему есть предел, а его лесная душа каждый день тянулась домой, несмотря на то, что он обрёл своё место в мире людей. К тому же, только давняя привычка и сила воли помогали ему терпеть своё новое тело, и не скулить от боли при некоторых движениях. Человеческая одежда до сих пор причиняла ему дискомфорт, поэтому он всегда носил вещи на несколько размеров больше.

Пока Агафья властвовала в лесу, имея влияние на Лешего, тот даже если бы захотел, не смог принять сына обратно и вернуть пропавшего ребенка. Навряд ли ведьма позво-

лила бы это, ведь каждая человеческая душа, заполученная лесом, питала и её саму, служила ей. Теперь же всё изменилось, а в лице Мирославы обнаружилась необходимая магическая поддержка.

– Я должен попытаться вернуть этого мальчика, ты же понимаешь. – Сказал Стёпка, отстраняясь. – Если всё...если всё закончится хорошо, то я найду способ дать знать о себе. Давай уже, покончим с этим? Помнишь, что делать?

Мирослава кивнула – парень и здесь дал ей подсказку. Как бы, наверное, пригодились эти его советы теперь, когда она обладает силой, но Стёпка уже принял решение, и ответить его она не смогла, да и не была уверена – имеет ли право?

Девушка прошла немного вглубь леса, под кроны деревьев, не испытывая больше страха перед тайгой. Глубоко вдохнув свежий воздух, напоённый сосновым ароматом, она громко сказала, вглядываясь в чащу, куда ещё не успели проникнуть первые солнечные лучи:

– Лесной Хозяин, я призываю тебя исполнить мою волю! Верни ребёнка, которого ты забрал десять лет назад! И прими своего сына, позволь ему вернуться домой!

Ничего не происходило, но, когда Мирослава уже хотела было вернуться на опушку, к Стёпке, густой подлесок возле неё вдруг зашевелился.

Кусты орешника затрепетали, переплелись с малиной и боярышником, вихрь листьев взмыл наверх, закрутившись

спиралью. Среди них сформировалось вытянутое бледное лицо, которое Мирослава уже видела раньше – Лесной Хозяин явился перед ней.

Но в этот раз девушка не отступила, смело встретив его пронизательный взгляд. Длинная, и почти бесформенная фигура склонилась перед ней в приветствии. На переплетении серебристых рогов, которые подобно короне венчали голову Лесного Владыки, покачивались хрусталики росы, и Мирослава удивилась тому, что они не опадают.

Голос Хозяина шелестел опавшими листьями и журчанием лесного ручья:

– Я исполню твою волю, поменяю местами эти души...
– Кивнул он дружелюбно и протянул длинную, сухопарую ладонь в сторону Стёпки, который уже приблизился, минуя Мирославу.

На мгновение их глаза встретились, и парень тепло и ободряюще ей улыбнулся, прощаясь. Затем отвернулся, чтобы взять за руку отца и удалиться, исчезая среди высоких деревьев, которые будто расступались перед ними.

Мирослава долго смотрела им вслед, до тех пор, пока они не исчезли – то ли растворились в воздухе, то ли просто скрылись за деревьями. Но в последний момент ей показалось, будто худая фигура Стёпки изменилась – вытянулась, одежда куда-то исчезла, а вместо неё возник длинный шлейф из листьев, мерцавших серебром.

Она продолжала стоять на опушке, не веря в случившееся.

Казалось, будто стоит вернуться в деревню, и где-то там повстречаешь Стёпку. Невозможно было представить, что теперь его там нет.

А когда же должен вернуться тот, настоящий? Может сейчас? Мирослава долго прождала на опушке, но никто так и не появился, и тогда она пошла к Быковым.

Сашка и Надежда Ивановна уже проснулись и позавтракали. Парень, едва увидев девушку, понял, что она чем-то расстроена, но при бабушке не стал расспрашивать.

Мирослава выпила с ними чаю, после чего позвонила в больницу. Там ей сообщили – Глафиру Петровну выписывают завтра, и позвали её саму к телефону.

Бабушка не поздоровалась. Голос её звучал глухо и печально:

– Что же ты наделала, Славушка?

Девушка проигнорировала её слова:

– Как ты? Сказали, что завтра выписывают. Я приеду за тобой.

– Нет! – Поспешно ответила старушка, затем голос её смягчился: – Не нужно, ни к чему. Я хорошо себя чувствую. Вчера все анализы показали, что я здорова – Засмеялась она, но в голосе звучали слёзы. – Мне просто нужно немного времени на то, чтобы подумать спокойно перед нашей встречей... Я не ожидала... такого. Поэтому сама доберусь, ты не приезжай.

– Хорошо. – Согласилась Мирослава. – Но тогда я закажу тебе такси, не нужно трястись по автобусам.

– До нашей глуши дорого обойдётся...

– Не каждый же день кататься будешь, один раз можно. Возвращайся скорее.

Она договорилась с бабушкой о времени и попрощалась, после чего сообщила новость Сашке и Надежде Ивановне. Потом засобиралась домой – готовиться к приезду бабушки, ведь в доме давно никто не убирался, да и приготовить что-нибудь нужно, в службу такси тоже лучше сейчас позвонить, чтобы завтра к назначенному часу уже был забронирован автомобиль.

Сашка пошёл с ней, но вопросов не задавал. Когда они зашли на кухню, он увидел чашки с остатками кофе, и Стёпкину шапку, оставшуюся лежать на стуле.

Мирослава проследила за его взглядом, взяла шапку и прижала её вдруг к груди, со слезами на глазах посмотрела на Сашку, который всё и так понял:

– А вдруг он напрасно ушёл? Вдруг... вдруг ушёл на смерть? – И она рассказала ему всё то, что случилось утром. О том, что помогла Стёпке, а теперь чувствовала себя так, будто убила его.

– Не думай о плохом, Мира. – Парень успокаивающе погладил её по спине. – Давай подождём, мы ведь не знаем – сразу должен вернуться тот, настоящий, или нет.

Мирослава кивнула. Сказала с грустью:

– Если вернётся, то он уже не будет нашим Стёпкой, нашим другом. А мы, каждый раз глядя на него, будем вспоминать...

– Да, но наш Стёпка поступил правильно. Честно и благородно. – Сашка нахмурился, вспомнив об отце. Он отдал жизнь за сына, так поступили бы многие. А Стёпка рисковал ради возвращения того, о ком знал только понаслышке.

Рисковал, потому что любил Ирину Афанасьевну, как родную мать, если не больше – сколько любви нужно для того чтобы проявить такую силу воли? Отпустить того, кого ты любишь?

Стёпка знал, что его названная мать всегда будет в глубине души горевать по своему настоящему ребёнку, несмотря на всю любовь, которую она дарила лесному приёмьшу. И потому принял единственное верное решение.

На следующее утро приехала бабушка. Мирослава с Сашей уже ждали её, вышли за калитку, чтобы встретить. А когда таксист открыл пассажирскую дверь, Мирослава ахнула.

Глафира Петровна очень сильно постарела. Будто не полмесяца провела в больнице, а лет пять.

Волосы её окончательно поседели, прибавилось морщин, спина ссутулилась, ослабевшей рукой она упиралась на простенькую тросточку – выдали в больнице.

Сашка молча взял пакет с вещами, которых было не много, и направился в дом, оставив Мирославу с бабушкой.

Девушка смотрела на старушку глазами, полными слёз:

– Это... это из-за того, что ...дар ушёл?

– Ну а ты как думала. – Усмехнулась Глафира Петровна и направилась по тропинке в дом, мимоходом склонившись к цветам, чтобы вдохнуть аромат. – Ты же и сама понимаешь, для своего возраста я выглядела довольно молодо. Это всё действие Силы.

– Я хотела как лучше... – тихо сказала Мирослава, следуя за бабушкой.

– А получилось не очень, верно? – Глафира Петровна обернулась, с прищуром негодующе посмотрела на внучку. – За то, что меня сила колдовская покинула, спасибо, конечно. Но вот ты... ты думаешь, что хорошо ведьмой быть? Ты знаешь, что после смерти наши души не попадают в рай? Ты знаешь, что если дар не передашь, то страдать будешь в конце, а душа покоя не обретёт? Знаешь ли ты... – Она осеклась, замолчала, подумав. Тон её сменился, в голосе звучала грусть. – Я почти никогда не творила колдовства, для меня это было лишком тяжко – в качестве расплаты отбирать часть чьей-то жизни. Но и совсем не пользоваться даром не получалось – он всегда на свободу рвётся, ты скоро поймёшь это. Вот я и ушла с головой в травничество, как матушка моя...

– Научи и ты меня! – Порывисто воскликнула Мирослава. – Я тоже буду как ты. Не буду колдовать.

– В тебе сила с рождения есть. Она могла так и дремать в тебе всю жизнь, если бы ты не согласилась принять дар

от Агафьи. – Вздохнула Глафира Петровна, поднимаясь на крыльцо, смерив взглядом Сашку, который стоял, облокотившись о перила.

Он хмуро взглянул на старушку и сказал:

– Она и не соглашалась. Это из-за меня ей пришлось.

– Он что же, знает всё? – Удивилась Глафира, оглядев парня с ног до головы, будто впервые увидела. – Чудно **О** получилось... И почему же из-за тебя?

Пока закипал чайник на плите, Сашка с Мирославой рассказали о встрече с Агафьей и о том, что пришлось им пережить. Старушка покачала головой, недовольно глядя на парня:

– Тебе не нужно было ходить со Славкой! И правда, всё из-за тебя!

– Он защитить меня хотел! – Воскликнула Мирослава, слова бабушки вызвали в ней негодование.

– Тоже мне защитничек. Он с того света вернулся – сам теперь наполовину из нечистых, поэтому на него и не действует защитный круг!

Мирослава подошла к Саше и положила руку ему на плечо:

– Что вышло, то вышло. Я не жалею ни о чём, а Сашка не виноват.

Глафира Петровна осмотрела ребят, улыбнувшись вдруг грустно:

– Ну понятно, понятно, в чём тут дело. Ладно уж.... Толь-

ко жаль мне тебя, Славушка, от того и сержусь. Лучше бы не ходили вы в лес, а мне дали бы помереть. Не скоро и не спокойно, конечно, но тогда вместе со мной, глядишь, и проклятие это ушло бы. Ты уехала бы, и вдруг, отсюда Агафья и не достала бы тебя... Это здесь она силу имела, так как вся её жизнь была связана с этим местом...

– Расскажи нам. – Попросила девушка, но вдруг Сашка, глядевший в окно, тронул её за руку и кивнул в сторону улицы.

Глава 22.

Проследив за взглядом Сашки, Мирослава ахнула, прикрыв рот ладонью. Почувствовала, как чаще забилося сердце, в надежде снова увидеть друга.

Она бросилась на улицу, но остановилась у калитки, сообразив, что это не имеет смысла. Тем не менее, она отворила щеколду, и вышла на полянку перед участком, понимая, что выглядит сейчас довольно глупо – стоит и пристально вглядывается в лицо того, кто идёт по дороге.

А по дороге неуверенной походкой шёл Стёпка. Не их друг Степка, конечно, а тот, который пропал десять лет назад. Он исчез в лесу семилетним мальчиком, а сейчас возвращался взрослым парнем.

Он был очень худым, как будто ему приходилось долго голодать. Из одежды – какие-то рваные лохмотья, едва прикрывающие тело. Грязные волосы, ниспадавшие на плечи, давно спутались в колтуны, но Мирослава смогла определить их цвет, как светло-русый. Не белый, к которому она привыкла. Да и уши у него были обычные, человеческие.

Парень испуганно глянул на девушку, не понимая её пристального взгляда, и перешёл на другую сторону дороги, ускорив шаг, лишь один раз обернувшись.

–Получилось. – Шепнул за спиной Сашка, который вышел следом за девушкой, и теперь стоял рядом. – Он вернулся.

–Да. Но что с тем, с нашим? Жив ли? Как узнать?

– Поживём-увидим. Ты ведь теперь другая, вроде как. Сходим на днях в гости к Лешему и спросим, а?

– Можно попробовать, наверное. Но вдруг... вдруг Стёпки теперь нет?

– А я думаю – есть. Он такой назойливый, хоть и тихий, от него просто так никто отделаться не сможет. – Ободряюще усмехнулся Саша и повёл Мирославу обратно в дом – слушать рассказ Глафиры Петровны.

Они застали её возле рабочего стола, где так и остались лежать травы, ножницы, ступка с пестиком и кое-какие мисочки. Старушка печально рассматривала это всё, но не прикасалась, будто теперь эти вещи принадлежали не ей, а кому-то другому. На вернувшихся ребят она, казалось, не обратила внимания, но спустя несколько минут, заговорила:

–Ты, Слава, прирождённая ведьма – я это почувствовала ещё когда ты совсем крошкой была, потому и сделала для тебя сильный оберег. Думала, что получится защитить тебя от Агафьи и от себя самой.

Таким как ты не слишком-то нужно обучение, но я расскажу тебе всё, что сама знаю. Теперь, без Силы, мои отвалы, конечно, не будут иметь тех свойств, которыми должны обладать, но знания-то остались.

Я помню себя в молодости, когда мне пришлось принять

этот дар. Я не хотела им пользоваться, думала даже в лес уйти, жить отшельницей. Так и поступила бы, но встретила деда твоего, и поняла, что если оставлю его, то буду жалеть всю жизнь.

А ещё – матушка... Она учила меня исцелять травами, учила защитным словам, оберегающим. Она была очень светлым человеком и всегда старалась помогать людям так, чтобы при этом и не навредить. До неё в нашем роду, насколько я знаю, светлых ведьм не было.

Мирослава вдруг вспомнила о загадочной женщине, явившейся ей в Нави:

–Бабушка, а у тебя есть её фото?

–Конечно. – Кивнула старушка и обратилась к Саше: – Ты, милый, сходил бы в мою комнату. Там, в шкафу, на самом верху лежат старые альбомы. Принеси нам зелёный.

Когда Сашка ушел, Глафира Петровна серьёзно посмотрела на внучку:

– Слава, будь осторожна. Тёмные силы коварны, а те, кого мы любим – наша слабость. Ты привязалась к Саше, я вижу...

–Неужели ты так говоришь, потому что Агафья принесла в жертву своего мужа? – Прервала её Мирослава, закатывая глаза. – Почему сравниваешь меня с ней?

Глафира Петровна кивнула:

– Ни в коем случае не сравниваю. Но она не сделала бы этого, если бы не соблазн получить бессмертие.

– Не беспокойся, я бессмертия не хочу. – Усмехнулась Мирослава, не желая продолжать этот глупый, как ей казалось, разговор. – Тем более – такого.

Старушка едва заметно покачала головой, думая о чём-то своём. Она не сомневалась в намерениях внучки. Как и не сомневалась в коварстве Владыки Нави. Он и его тёмные прислужники рано или поздно найдут лазейку к душе почти каждой ведьмы. Им ведь добрые ни к чему, им нужны те, кто творит тёмные дела.

Вернулся Сашка с альбомом в руках, и Глафира Петровна, пролистав несколько страниц, открыла нужную, положила на стол.

Мирослава склонилась над альбомом – со старой, зернистой фотокарточки на неё смотрела та самая женщина, призраком которой она повстречала в Нави.

– Это она. – Шепнула девушка, – Значит, это прабабушка помогла мне. Дала путеводный клубочек и вовремя остановила от того, чтобы ступить в реку. Наверное, это была не хорошая река?

– Это была река забвения. – Кивнула Глафира Петровна, тоже разглядывая фотокарточку, провела пальцами по черно-белому изображению. – Души умерших, переходя через неё, теряют память о своей земной жизни, и обретают подобие жизни загробной. Если же в реку войдёт живой человек, то он умрёт, навсегда останется в Нави.

Я не знаю, какими силами матушка сумела связаться с то-

бой, почему она узнала тебя, почему помогла. Она ведь никогда не встречалась с тобой – померла рано. Одно я знаю точно – она любила бы тебя всей душой, а любящие люди порой могут помогать нам даже с того света. О мире Нави я знаю мало... Пока что...

Она тихо и печально вздохнула, захлопнула альбом, взглянула на внучку:

– Да, всё же, обучать тебя придётся. Чем раньше ты получишь основные знания, тем лучше – быстрее познаешь Силу, и быстрее поймёшь, как лучше её применять. Но для начала я расскажу тебе о ведьмах в нашем роду и о том, откуда появилась Кикеевка.

– А Кикеевка здесь при чём? – Не понял Сашка, уже устроившийся на стуле, приготовившись тоже слушать. Попутно он не спеша перелистывал альбом, вглядываясь в незнакомые лица, смотревшие на него со старых снимков.

– Мы напрямую связаны с этой землёй, и этой деревней. Её основателем был наш предок, Кикеев Поликарп Дмитриевич.

***

– Стёпа, ты вернулся? – Даже из кухни Ирина Афанасьевна услышала скрип входной двери. Сколько просила мужа смазать петли, да всё без толку – слишком был занят подготовкой к следующему учебному году. Всё лето ещё впереди, а у него – подготовка. Она не стала отрываться от замешивания теста.

вания теста, поэтому снова крикнула:

– Кушать хочешь? Скоро ватрушки будут, ты же их любишь!

В ответ последовала тишина. Неужели не Стёпка, а муж пораньше вернулся? Чего же молчит тогда?

– Степан! – Позвала она, но не дождавшись ответа, вытерла руки о передник и вышла в прихожую, да так и замерла на месте, сразу осознав, кто перед ней стоит.

В голове за секунду пронеслось огромное количество мыслей и воспоминаний. На мгновение она снова оказалась на коленях в снегу, обнимающей мальчишку, до боли похожего на её пропавшего сына. Его слова о том, что настоящего сына уже не вернуть.

В груди больно кольнуло от чувства будто он её обманул тогда, но она тут же отмела прочь эту мысль. Помнила ведь взгляд того малыша, а она всегда видела, когда он лгал. А лгал он лишь однажды – когда его поколотили соседские мальчишки, а ей он говорил, будто упал.

Значит, просто что-то изменилось, значит, её настоящего сына вернули. Скорее бы пришёл и тот, второй, который был с ней рядом столько лет, которого она любила, как родного. Наверняка и он обрадуется этому возвращению, мальчики точно подружатся. Но в груди раненой птицей забились тревога.

Парень, который сейчас стоял на пороге, смотрел на неё немного дико, исподлобья, но жалобно и с тоской, разъеда-

ющей душу.

– Мам, я же... не... не люблю ватрушк-ки... – Тихо сказал он, заикаясь, как будто долго не разговаривал, и теперь заново привыкал к артикуляции.

Ирина Афанасьевна закрыла рот ладонями, приглушив громкий стон и рыдания, рвущиеся из груди. Силы её оставили, и женщина упала на колени, зарыдала в голос и засмеялась сквозь этот плач, глядя на сына.

– Что с т-тобой? – Прошептал парень и бросился к ней, обнял, уткнувшись лицом в плечо. – Я... вернулся. Я очень... очень скучал...

Ирина не могла остановить поток слёз – тяжело было одновременно плакать от радости, и оплакивать горе. Крепко обнимая сына, она проклинала те силы, которые сотворили такое с её детьми.

Она хотела – очень хотела – чтобы они оба были сейчас рядом, но вдруг поняла, что тот, второй, больше не вернётся. Он, не менее родной, потерян для неё навсегда.

Женщина не знала, что именно он сделал, но была уверена – лишь благодаря ему вернулся её настоящий сын. Вот что означали те цветы – незабудки – букетик которых она обнаружила вчера утром на своей подушке. Прощание. И обещание помнить.

Глава 23. Послесловие.

Давным-давно в здешних краях жил – был колдун, и звали его Кикеев Поликарп Дмитриевич. Он чурался мира, не признавал благ цивилизации и от того ушёл жить в лесную чащу. Увёл за собой несколько последователей – людей, жаждавших познать тайны чернокнижия.

Вместе они отстроили маленькое поселение в десяток домов и стали жить вдали от мира, в лесной тиши познавая тайны колдовства, которым учил Поликарп.

Сам же Поликарп более всего желал получить настоящую колдовскую мощь, с которой он мог бы повелевать силами природы и самой жизнью, обрести бессмертие. Но всё, на что хватало его способностей, так это на мелкие чёрные делишки – хворь навести или порчу. Исцелял тоже, да при этом и вред делал исподтишка – незаметно вытягивал часть жизненных сил у людей, обращавшихся за помощью. Тем самым себе жизнь и продлевал, оттого и в пятьдесят лет выглядел на тридцать.

Но вот что он действительно умел – так это черпать колдовскую силу прямым из Нави, да вот только не для себя, для других. Если приходила к нему какая женщина, искренне желавшая ведьмой стать, он помогал. Злился, правда, от того что для себя не может немного силы зачерпнуть.

Однажды привёл он в дом жену. Кто такая и откуда взялась – никто не знал, но то, что в ней ключом была та самая сила, о которой мечтал Поликарп, видно было за версту.

Одним шепотком умела та женщина свести человека в могилу. Её боялись, а Поликарп преклонялся перед ней. Звали её Агафья.

Минуло время, поселение потихоньку расширялось, именовали его теперь Кикеевкой – по фамилии основателя. Постепенно приходили новые люди, желавшие уединиться от мира или соприкоснуться с могуществом сильной колдуньи.

У Агафьи и Поликарпа родилась дочь, ничем не приметная девчушка. Когда она из девочки превратилась в девушку, Поликарп пропал – говорили, будто Агафья его свела в могилу. Слухи те были не беспочвенны, потому как кто-то из соседей обнаружил на заднем дворе Агафьи человеческие кости, разложенные на солнце – сушиться, да отбеливаться, и сопоставил эту находку с исчезновением Поликарпа.

Сама она после исчезновения супруга изменилась – всё чаще уходила в лес и подолгу там оставалась. С людьми и вообще общаться перестала, да они и сами не стремились.

Однажды она не вернулась из леса, а дочь её, Аннушка, постепенно также прослыла колдуньей. Злобной была и нелюдимой, поселилась на краю деревни и гостей принимала только тех, кто за колдовской помощью приходил.

Люди вроде как не хотели, а приходили – куда деваться? Других поселений поблизости в то время не было, и случись

захворать – к кому идти, как не к местной знахарке?

И что с того, что у её дома часто поутру обнаруживались следы копыт, будто сам чёрт приходил? Да и то, что, бывает воеет она на луну, подобно волчице, тоже не беда, если от этого никто не страдает.

Вот только, получившие помощь, вскоре начинали болеть, чахли на глазах, а то и вовсе помирали. Мужа у Аннушки не было, только любовник, Тимофей Куропатов. Каждый в поселении недоумевал как мужик этот связался с ведьмой-то, и были уверены – приворожила. А как родила Аннушка дочку, так Тимофей и пропал, подобно Поликарпу.

Девочку назвали Антониной и была она нравом ещё похуже матери. На людей бросалась, голоса слышала и постоянно разговаривала с ними. От кого у неё ребёночек появился – никто так и не узнал.

Матерью Антонина побыла не долго, да и ребёнок постоянно плакал у неё. Сердобольные соседки норовили помочь, но ведьма не слишком-то пускала их в дом.

Никто не знал даже имени девочки, а когда та начала подрастать, соседи между собой прозвали её Надеждой, потому что оказалась она полной противоположностью матери и бабушки, росла доброй и отзывчивой. А значит-была надежда на то, что не пойдёт по стопам своей матери и бабок.

Одна из соседок –одинокая старая женищина – постоянно привечала Надежду у себя, угощала вкусной едой и дарила

новые вещи. Жаль ей было хорошую девочку, ведь у Антонины она ходила в лохмотьях.

Кто, знает, может быть, эта доброта старой женицины и оберегла душу Надежды от зла, не позволила ей уподобиться тёмным ведьмам, когда настало её время.

Когда исполнилось Надежде восемнадцать, и пришла пора принимать колдовской дар, мать воспротивилась – не хотела с силой расставаться, которая давала ей чувство власти и продлевала молодость. Она всё чаще разговаривала сама с собой, окружающий мир воспринимала иначе – будто какую-то помеху, витала в иной, своей собственной реальности.

Так или иначе, задумала она перечить судьбе, и не повела дочь на встречу с духом Агафьи, а решила убить Надежду – утопить в болоте. Может, так она не только силу при себе оставит, но и ещё чего-нибудь ей перепадёт от хозяина Нави. Вон, бабка её, Агафья, принесла в жертву муженька своего и бессмертие обрела, стала хранительницей. Кости его до сих пор при ней, несмотря на то, что она уже сама и не ходит по земле живых. Да ей и ни к чему ходить-то, ведь теперь вся лесная нечисть у неё на побегушках. А останки Поликарпа для неё вроде ключа между мирами.

Но как раз в то время, когда Антонина попыталась воплотить в реальность задуманное зло, мимо проходил охотник – Золотухин Пётр. Увидев, как ведьма пытается утопить свою дочь, он, не раздумывая, вскинул ружьё и вы-

стрелил.

Надежду вытащил из трясины, отвёл домой. Долго не могли они в глаза друг другу смотреть, но тем не менее Пётр всё чаще захаживал в гости – приносил дичь и ягоды лесные. А после они поженились, и родилась у них дочь – Глафира, а попозже – вторая, Марфа.

Красотой и нравом уродились они в мать, чему та не могла нарадоваться. Учила она дочерей только доброму,ставляла в познании трав и минералов, обучала их обеих знахарской премудрости, зная, что скоро придётся сделать тяжёлый выбор, и обременить одну из них колдовским даром, связью с потусторонним миром.

Но, судьба распорядилась иначе.